

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2015. № 2

Редакционная коллегия

Н.М. Беляева (отв. секретарь), Н.В. Борисова, П.В. Панов,
К.А. Сулимов, Л.А. Фадеева (гл. редактор)

Редакционный совет

Акаха Тсунео, д.ф.н., профессор, директор Центра Восточно-азиатских исследований, Институт международных исследований (Монтерей, США)

Бусыгина Ирина Марковна, д.п.н., профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ.

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада).

Малинова Ольга Юрьевна, д.ф.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Морозова Елена Васильевна, д.ф.н., профессор, Кубанский государственный университет.

Мацузато Кимитака, д.ю.н., профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония).

Подвинцев Олег Борисович, д.п.н., профессор, Институт философии и права УрО РАН.

Рахшмир Павел Юхимович, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Росс Камерон, д.ф.н., Университет Данди (Великобритания).

Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания).

Сморгунов Леонид Владимирович, д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Редактор – составитель номера Л.А.Фадеева

© Редакционная коллегия, 2015

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27900
от 20 апреля 2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Мировая политика и международные отношения

<i>Прохоренко И.Л.</i> Глобальная роль Евросоюза: что и как объясняет организационная теория.....	5
<i>Звягина Д.А.</i> Россия, Польша, Запад: факторный анализ отношений.....	18
<i>Гамерман Е.В.</i> Роль и место Российской Федерации в обеспечении безопасности в Северо-Восточной Азии.....	26
<i>Сулейманов А.В.</i> Политическая идеология Атаюрка	37
<i>Плотников Д.С.</i> Региональные амбиции Узбекистана сквозь призму российской политики в Центральной Азии.....	46
<i>Сургуладзе В.Ш.</i> Национальное самосознание между постимперским синдромом и синдромом жертвы	56

Политика и новые институты коммуникации

<i>Завьялов А.И.</i> СМИ и информационно-коммуникативное определение терроризма.....	75
<i>Садилова А.В.</i> Сетевые делиберативные площадки в РФ.....	82
<i>Бедерсон В.Д.</i> Персонифицированные образы как ресурс политики идентичности в субъектах РФ: стратегии региональных политических элит.....	89

Политическая теория

<i>Панюков А.Ю.</i> Становление понятия «политический риск» в политологии.....	102
<i>Хлебников И.В.</i> Становление социо-конструктивистских взглядов на социальные движения последней трети XX в.....	110
<i>Кондраль Д.П., Кузьмин А.Г.</i> Теории «консервативной» модернизации в современной России.....	131
<i>Селянинова Г.Д.</i> Дискуссии о принципах формирования Всероссийского учредительного представительного органа в годы Гражданской войны.....	142

Государство и общество

<i>Данилова Е.А.</i> Формирование системы опорных инновационных вузов как катализатор инновационного развития государства.....	149
<i>Самохвалов Н.А.</i> Государственная молодежная политика России в условиях трансформации мирового политического, геоэкономического и геокультурного ландшафта в XXI столетии	158
<i>Асадов Б.Р., Баранов А.С.</i> О влиянии молодежной среды на процесс туристского освоения политической сферы общества	168
<i>Качалкин В.М.</i> Приоритетные направления совершенствования демографической политики России.....	181
<i>Гасумова С.Е.</i> Адаптация пожилых людей в условиях информатизации: понятийный аппарат и анализ государственной политики России.....	193
К сведению авторов	210

Review of Political Science

Review of Political Science is a peer-reviewed academic journal publishing original research in all subfields of political science: Russian politics, comparative politics, political theory, political sociology, world politics and international relations, public policy and decision-making.

The main aim of the journal is to provide a forum for scholars to share and discuss the results of their work.

Review of Political Science is included in the list of the leading academic journals that are recommended by High Certification Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.

Review of Political Science, founded in 2007, is published quarterly by Political Science Department of Perm State University, Russia.

After publishing, full-text versions of the issues are available on the website of the journal as well as on the website of electronic library – elibrary.ru.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov Fadeeva, Professor, Head of Political Science Department, Perm State University

Executive Secretary – Natalya Belyaeva, Associate Professor of Political Science Department, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda Borisova, Associate Professor of Political Science Department, Perm State University

Petr Panov, Professor of Political Science Department, Perm State University

Konstantin Sulimov, Associate Professor of Political Science Department, Perm State University

Editorial Council

Akaha Tsuneo (Monterey Institute of International Studies, USA)

Busygina Irina (MGIMO University, Russia)

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Krasnodar University, Russia)

Podvintsev Oleg (Perm Center of Russian Academy of Science, Russia)

Rakhshmir Pavel (Perm State University, Russia)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Sankt-Petersburg University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

CONTENT

World politics and international relations

<i>Prokhorenko I.L.</i> The European Union's global role: what and how can organizational theory explain.....	5
<i>Zvyagina D.A.</i> Russia, Poland, the West: a factor analysis of relations.....	18
<i>Gamerman E.V.</i> The role and place of the Russian Federation in ensuring security in Northeast Asia.....	26
<i>Suleymanov A.V.</i> Ataturk's political ideology.....	37
<i>Plotnikov D.S.</i> Regional ambitions of Uzbekistan in the light of Russian policy in Central Asia.....	46
<i>Surguladze V.Sh.</i> National identity between post-imperial and victim syndrome..	56

Policies and new institutions communication

<i>Zavialov A.I.</i> Media and information and communication definition of terrorism	75
<i>Sadilova A.V.</i> Net Deliberative Platforms in the Russian Federation.....	82
<i>Bederson V.D.</i> Personalized images as a resource for identity policy in the regions of Russia: strategy of regional political elites.....	89

Political theory

<i>Panyukov A.U.</i> The formation of the concept of "political risk" in political science.....	102
<i>Khlebnikov I.V.</i> Formation of the social-constructive approaches on social movements last third of 20th century.....	110
<i>Kondral D.P., Kuzmin A.G.</i> The theory of 'conservative' modernization in modern Russia.....	131
<i>Selyaninova G.D.</i> Discussions about Basic Principles of All-Russian Constituent Assembly Formation during the Civil War	142

State and society

<i>Danilova E.A.</i> Forming of the system of the strong innovation universities as a catalyst of the innovation state development.....	149
<i>Samohvalov N.A.</i> Russian state youth policy in the transformation world political, geo-economic and geo-cultural landscape in the 21 st century.....	158
<i>Asadov B.R., Baranov A.S.</i> About the impact of youth environments on the process of tourism development of political sphere society.....	168
<i>Kachalkin V.M.</i> Priority venues for improving demographic policy in Russia ...	181
<i>Gasumova S.E.</i> Adaptation of older people in the terms of informatization: some conceptual definitions and Russian social policy analysis.....	193

Information for the authors	211
--	-----

Мировая политика и международные отношения

УДК-32:327.5

ГЛОБАЛЬНАЯ РОЛЬ ЕВРОСОЮЗА: ЧТО И КАК ОБЪЯСНЯЕТ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ*

И.Л. Прохоренко¹

В статье оценивается когнитивный потенциал организационной теории в анализе глобальной роли Европейского союза, прежде всего, как нормативной силы в мировой политике в рамках политики расширения, соседства, меж- и трансрегионализма, содействия международному развитию, деятельности в рамках международных институтов. Рассматриваются возможности использования таких ключевых понятий организационной теории, как «организация», «организационные поля», «организационные изменения», в методологии исследования основных направлений внешнеполитической стратегии ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз; европейское политическое пространство; глобальная стратегия ЕС; организационная теория; организационные поля; организационные изменения.

Европейский союз (ЕС) является не просто необычным, а уникальным в своем роде актором мировой политики, поэтому исследователи европейской интеграции не раз испытывали методологические затруднения, изучая внешнеполитическую стратегию ЕС. Недостатки неореализма и структурного функционализма, связанные главным образом с невозможностью объяснить природу европейского интеграционного объединения в категориях национального государства, пытались преодолеть сторонники транснационализма, конструктивизма, пространственного подхода. Некоторые из них, рассматривая ЕС в качестве влиятельного игрока на международной арене, концептуализировали его как некую нормативную силу [19] или нормативного стратегического актора [28, 16], признавая то влияние, которое Евросоюз оказывает и в силах оказать на международные процессы и третьи страны путем

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-07-00046а «Участие Европейского союза в глобальном хозяйственном управлении: организационный анализ».

¹ Прохоренко Ирина Львовна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, РФ. E-mail: irinapr@imemo.ru.

@ Прохоренко И.Л., 2015

экспорта своих норм, принципов и ценностей. Сторонники системного подхода, в свою очередь, критиковали данную точку зрения, видя в этом попытку оправдать слабость Европейского союза как международного актора или проводя аналогии между ЕС и метрополиями прошлых веков, которые навязывали колониям свои стандарты цивилизации, обвиняя тем самым Евросоюз в своеобразном неокOLONIALИЗМЕ [20; 6].

В свою очередь, в анализе внешнеполитической стратегии Евросоюза как международной организации оказывается полезной организационная теория, которую не следует воспринимать как теорию стратегического менеджмента для применения исключительно в целях экономического анализа и практики предпринимательской деятельности [26; 15].

Организационная теория интерпретирует организации как социальные организмы, исследуя проблемы управления ими, взаимодействия организаций как между собой, так и с международной средой, а также имиджа, культуры и идентичности организаций. В отличие от неореализма и структурного функционализма, организационная теория предлагает качественно иную исследовательскую парадигму, ключевыми опорными элементами которой выступают категории «организация», «организационное поле» и «организационное изменение». Государства остаются ключевыми участниками политического процесса, однако государственно-центричная парадигма оказывается уже не в состоянии дать анализ происходящих в современном мире трансформаций.

Европейский союз как международная организация

Используя организационный подход и, в частности, известную дефиницию, предложенную Ричардом Дафтом, теоретиком, занимающимся вопросами экономики и менеджмента, можно рассматривать Европейский союз в самом общем виде как организацию, т.е. как некую социальную сущность, которая создается как сознательно конструируемая система, деятельность которой координируется, существует и функционирует благодаря сложным взаимоотношениям различных акторов, соединяя воедино ресурсы для достижения своих целей, отличается целенаправленным поведением, связана с внешней средой [4, 11-12].

Но может ли организация, пусть и международная, иметь внешнеполитическую стратегию по типу той, которую реализуют государства в интересах национальной безопасности, экономического процветания и защиты своих ценностей, обладает ли она достаточными для этого материальными и нематериальными ресурсами силы? Может ли в принципе Европейский союз, система многоуровневого управления которого децентрализована, сформулировать и эффективно проводить подобную стратегию с учетом интересов

28 государств-членов, и какие политические акторы играют решающую роль в продвижении этой стратегии?

К примеру, специалист по проблемам европейской интеграции и международной безопасности Майкл Смит, отвечает на эти ключевые вопросы утвердительно и проводит аналогии между главными внешнеполитическими интересами некоего идеального государства и Европейского союза – физическая безопасность, экономическое процветание, защита ценностей, полагая, что Союз обладает достаточными ресурсами «жесткой» и «мягкой» силы в условиях борьбы за глобальное лидерство [25].

Рассматривая стратегию Евросоюза во вне, по европейской интеграции условно выделяют несколько ее основных направлений, помимо двусторонних отношений с таким крупными субъектами международных отношений, как США, Россия, Китай, Бразилия [18; 1, 549-597; 8; 11].

Что касается регионального измерения внешнеполитической стратегии ЕС, то, во-первых, это политика расширения Евросоюза, которая предполагает определенные достаточно жесткие требования к кандидатам в члены ЕС (в настоящее время действуют «Копенгагенские критерии» вступления в ЕС) и прохождение последовательной и не всегда быстрой (вспомним пример Турции) формальной процедуры – от заключения соглашения об ассоциированном членстве до ратификации договора о вступлении.

Во-вторых, это европейская политика соседства. Речь идет об использовании различных инструментов влияния в 16 соседних или территориально близких к ЕС государствах Европы (6 бывших республик СССР – Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Молдова, Украина) и Южного Средиземноморья (Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Сирия, Тунис, а также Палестинская автономия). На сегодняшний день эти страны не имеют перспектив членства в Евросоюзе, и ЕС заявляет о своих программах сотрудничества в этих странах на двусторонней, региональной и многосторонней основе, исходя из задач более тесного политического взаимодействия, частичной экономической интеграции, распространения европейских стандартов в различных сферах сотрудничества, поддержки со стороны ЕС в проведении экономических и социальных реформ [10].

Глобальное измерение имеет европейская политика меж- и трансрегионализма, тесно связанная с сотрудничеством ЕС с третьими странами в сфере торговли и инвестиций. Под межрегионализмом понимают оформленное институционально экономическое, политическое и социальное взаимодействие региональных интеграционных объединений, например, Европейского союза и Ассоциаций государств Юго-Восточной Азии (*АСЕАН*).

Трансрегионализм трактуют как сотрудничество интеграционных объединений с группами государств, которые в том или ином формате осуществляют согласованные действия, и даже с отдельными государствами, а также отношения между государствами и группами государств двух и более регио-

нальных интеграционных объединений [14, 17-30], а иногда – как набор формальных и неформальных институтов, норм и практик, которые пересекают поверх границ и соединяют географические регионы, направляя и ограничивая поведение государств, негосударственных авторов в конкретном предметном поле политики [2]. Как вариант трансрегионального сотрудничества можно рассматривать и усилия Евросоюза по активизации субрегионального, регионального сотрудничества и сотрудничества в рамках пространства европейской политики соседства в целом, а также трансграничного сотрудничества.

Фактически, речь идет о содействии и поддержке развития региональных интеграционных объединений в Африке, Азии, Латинской Америке, имея в виду нормативный характер европейской модели интеграции. Отношения с субрегиональными интеграционными объединениями выстраивают в едином формате на основе стандартных рамочных соглашений об ассоциации (их ЕС заключает с третьими странами).

Не всегда межрегиональное сотрудничество заменяет традиционный формат двусторонних отношений. Так, в 1990-е гг. в ответ на инициативу США по созданию панамериканской зоны свободной торговли ЕС стремился к подписанию подобных соглашений со всеми субрегиональными интеграционными группировками в Латинской Америке, планируя сформировать таким образом крупнейшую в мире трансрегиональную зону свободной торговли. Однако этим планам не суждено было сбыться в силу различных причин: многообразия проектов региональной интеграции в Латинской Америке, непростую внутривнутриполитическую ситуацию там, политические разногласия между Евросоюзом и латиноамериканскими странами, относительную разобщенность и недостаточную договорную способность политических элит государств региона. И хотя в долгосрочной перспективе Евросоюз не отказался от идеи создать евро-латиноамериканскую зону свободной торговли, в краткосрочной – сделал выбор в пользу двусторонних соглашений с субрегиональными группировками и отдельными государствами региона [5].

В условиях глобализации и становления системы глобального регулирования важным направлением внешнеполитической стратегии Евросоюза является продвижение европейской повестки дня и нормотворческая деятельность в рамках международных институтов и международных режимов, которые разрабатывают и внедряют новые правовые практики в сфере международного права, охраны окружающей среды и борьбы с изменениями климата, глобального финансового регулирования и надзора, устойчивого развития и т.д.

Наконец, Евросоюз разрабатывает и реализует программы помощи содействия развитию третьим странам в целях борьбы с бедностью, устойчивого экономического, социального и экономического развития, продвижения

демократии, верховенства закона, внедрения практик хорошего управления и уважения прав человека.

Внешнеполитическая стратегия ЕС: конструирование «организационных полей»

Основные направления внешнеполитической стратегии ЕС можно исследовать, используя понятие «организационного поля». Сторонники организационного подхода и последователи социологического институционализма, одного из направлений неинституциональной теории Пол Ди Маджо и Уолтер Пауэлл утверждают, что структурные изменения в организациях (т.е. перемены во внутренней структуре, организационной культуре, программе, целях и задачах организации) все менее и менее предопределяются конкурентным соперничеством и стремлением добиться большей эффективности, а являются результатом процесса, который делают организации более похожими друг на друга, однако необязательно более эффективными, и происходит это в рамках так называемых организационных полей [7, 147].

Организационные поля в понимании Ди Маджо и Пауэлла представляют собой группы организаций, которые составляют признанную зону институциональной жизни и осознанно структурированы. Структуру этих полей можно исследовать эмпирически, они институционально определены и ограничены. В качестве таких организационных полей могут выступать, например, двусторонние и транснациональные зоны свободной торговли, соглашения о межрегиональном сотрудничестве, двусторонние партнерства и в этом своем качестве представлять определенный вызов тем государствам, которые не являются их участниками.

В идее такого поля главным является важность связанности (*connectedness*) (существование формальных и неформальных транзакций и связей между организациями на регулярной основе) и структурной эквивалентности (сходство позиций организаций в сетевой структуре). В организационном поле выделяется доминирующая организация (или организации) – в нашем случае явно или неявно это Европейский союз, что особенно ярко проявляется в европейской политике соседства.

Актеры поля, обладающие неодинаковой силой и поэтому разным положением в этом поле, должны в идеале разделять консенсус по поводу коллективного стратегического действия и действовать, исходя из согласованных позиций, придерживаться в своей практике общих норм, принципов, стандартов и правил поведения. Таким образом, организационные поля представляются как пространства силовых взаимодействий акторов в их борьбе за организационную власть и доминирование. Такие организационные поля имеют границы (и отнюдь не воображаемые, а формально кодифицированные).

Организационные поля предстают не только как горизонтальный срез взаимоотношений нескольких или множества организаций. Отдельные организации также могут представлять собой поля, но в вертикальном протяжении [8, 22-26]. Вероятно, мы можем считать организационным полем в том числе и сам Европейский союз, куда при соблюдении определенных требований входят государства, политические элиты которых разделяют и формулируют новые общие ценности, принципы и нормы поведения.

Что особенно важно в политическом анализе, организационный подход сочетает макро- и микроуровни исследования, и фактически, помогает в поиске ответа на вопрос, оказывают ли влияние процессы на микроуровне на региональные и глобальные явления и события и тем самым проясняет различные проблемы мировой политики. При этом микроуровень исследования не просто желателен, но обязателен и предполагает использование научных достижений различных дисциплин социогуманитарного знания, начиная с психологии индивидов как субъектов многоуровневого политического процесса.

Организационные изменения и явление изоморфизма в организационном поле

Предложенная Ди Маджо и Пауэллом трактовка организационного поля не является единственной в организационном анализе. Существует несколько вариантов понимания того, что представляет собой организационное поле, в организационной теории. Так, американский социолог Уильям Ричард Скотт предложил понятие «социетальных секторов», которое впоследствии заменил на «функциональное организационное поле», подчеркивая именно функциональный, а не территориальный принцип формирования организационного поля [22; 23].

Со своей стороны, Эндрю Хоффман из Миссиганского университета (США) уверен, что важна профильная специализация организаций – тогда выстроенное по этому тематическому принципу организационное поле становится центром диалога, споров, обмена информацией, а различающиеся между собой интересы организаций направлены на достижение различных конкретных задач, но в рамках единой тематической сферы [17].

В свою очередь, для американского социолога Нила Флигштейн конструирование организационного поля предстает как культурный феномен, который учитывает и существовавшие до этого социальные практики, и правила, возникшие в результате силового взаимодействия участников поля. Именно эти прежние и новые нормы и правила создают контекст коллективных действий в организационном поле [12; 13]. Организационные поля Флигштейн назвал «полями стратегического действия», динамику которых мож-

но проследить, используя категории конфликта/изменения и стабильности/порядка. В рамках поля Флигштейн различает имеющих исключительное влияние и возможности должностных лиц и тех, кто бросает вызов, а иногда – структурные элементы, осуществляющие управление. На последних возложены надзор за соблюдением действующих в поле правил и содействие общему ровному функционированию системы.

При этом ключевыми остаются вопросы о том, каким образом происходит институализация организационного поля, куда входят организации-участники, являются ли организационные изменения эпизодическими или непрерывными [27], хаотическими или их можно инициировать в тех или иных целях, контролировать и направлять, используя различные инструменты (меры координации и регулирования, мягкого и даже жесткого принуждения).

Таким образом, организационный анализ в новом ключе взглянуть на процесс европеизации, в ходе которого Европейский союз, используя «мягкую» силу, различные каналы влияния, а иногда и дифференцированный подход, постепенно внедряет в практику третьих стран по периметру своих границ и далеко от них свои нормы, идеалы и ценности. При этом дифференцированный подход отличает европейскую политику соседства, в которой использование поощрительных стимулов по принципу «больше за большее», который позволяет Евросоюзу увеличить свою поддержку тех партнеров, которые действительно реализуют совместно согласованные цели, активно сочетается с политикой ограничений (санкций) – в отношении Белоруссии, например (Евросоюз настаивает на освобождении и реабилитации всех без исключения политических заключенных в стране, отказе белорусских властей от практики запугивания и преследования представителей гражданского общества, оппозиции и СМИ).

С точки зрения уже упоминавшихся Ди Маджо и Пауэлла, процесс институционального структурирования организационного поля идет в четырех направлениях: расширение взаимодействия организаций в поле, возникновение жестко оговоренных межорганизационных структур доминирования и моделей коалиции, увеличение информационной нагрузки, которой организации в поле должны противостоять, развитие взаимной осведомленности среди участников организаций, которые вовлечены в совместное предпринимательство [7, 148].

Организационные поля функционируют, подчиняясь своей внутренней логике, и их можно считать достаточно автономными. Важным событием для организации представляется вхождение ее в организационное поле. Как справедливо полагал в свое время знаменитый французский социолог Пьер Бурдьё, «предварительным условием вхождения в поле является признание ценностей, которые поставлены на карту, и следовательно, признание пределов допустимого, переход которых будет означать исключение из игры. Из

этого следует, что внутренняя борьба может лишь вести к частичным революционным изменениям, которые могут разрушить иерархию, но не саму игру... [Попытки нововведений] всегда совершаются от имени игры, духа игры» [3, 134].

Вхождение в организационное поле имеет приобретение в том числе некоего символического капитала. Что касается политики расширения ЕС, то на протяжении всей истории европейской интеграции момент присоединения новых членов имел для них не просто политическое и экономическое, но и символическое значение, являлся формальным подтверждением выполнения обязательных условий членства и вступления в некий закрытый привилегированный клуб государств с определенным и признанным всеми высоким уровнем политического и экономического развития.

Для бывших социалистических республик Центральной и Восточной Европы, а еще раньше для бывших авторитарных режимов Южной Европы (Греции, Испании, Португалии) подключение к процессам европейской интеграции означало возвращение в Европу, в сообщество демократических европейских государств с рыночной экономикой. В свою очередь, причины именно политического и символического свойства зачастую имели гораздо большее значение, нежели экономические, и для европейских элит «старых» стран-участниц, которые принимали решения о расширении.

В рамках зон свободной торговли большое значение имеют экономические взаимность и обоюдная выгода, хотя и не всегда отношения в рамках подобных соглашений оказываются симметричными.

Сторонники организационной теории уверены, что организации, составляющие организационные поля, становятся с течением времени в определенном смысле изоморфными (т.е. похожими друг на друга, в первую очередь, одинаково устроенными), между ними возникает изоморфизм.

Ди Маджо и Пауэл выделили три движущие силы процесса институционального изоморфного изменения, которому подвергаются организации в организационном поле: 1) принудительный (коэрцитивный) изоморфизм, который возникает из политического влияния и стремления к легитимности; 2) подражательный (миметический) изоморфизм, который является результатом стандартных ответов на неопределенность; и наконец, 3) нормативный изоморфизм, который ассоциируется с профессионализацией – легитимизацией и принятием профессиональных стандартов в процессе обучения и профессиональной подготовки персонала, прежде всего, управленцев [7, 149-154]. Принудительный изоморфизм связан с внешней средой организационного поля, подражательный и нормативный изоморфизмы являются внутренними по отношению к полю.

В рамках поля организации моделируют себя, становясь похожими на другие организации, их воспринимают в этом поле более легитимными и успешными [7, 152].

Но как феномен изоморфизма в организационном поле связан с такими ключевыми понятиями, как эффективность и выживаемость организаций? Ди Маджо и Пауэл предполагают, что, становясь похожими на остальных участников организационного поля, организации повышают свою выживаемость, однако их эффективность от этого не выигрывает [7, 153-154]. Именно поэтому обратной стороной организационных изменений в сторону изоморфизма организаций могут стать и становятся организационная инерция и даже сопротивление изоморфным переменам.

Можно предположить, что нормы и ценности, которые претендующая на доминирование в организационном поле организация стремится достаточно мягко или жестко распространить и укоренить в процессе обучения среди остальных участников поля, могут вызывать как одобрение, так и неприятие. Тем более что процесс формирования новой организационной культуры и новой организационной идентичности в организационном поле является конфликтным по своей сути, а значит – нелинейным, а образ доминирующей организации – не всегда однозначно позитивным.

Не следует забывать в связи с этим, что само организационное поле Евросоюза является конфликтным в связи с несовпадением интересов и высокой конкуренции государств-членов (в частности, в сфере внешнеторговой политики). Организационными полями следует считать и активно формирующиеся сегодня транснациональные партнерства, прежде всего, в сфере торговли и инвестиционной деятельности (с участием и без участия Евросоюза), меняющие конфигурацию современного миропорядка и несущие в себе потенциальную вероятность перемен в процессах региональной интеграции в Европе, Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америке.

Вероятно, могут существовать и пределы для нормативной силы ЕС в пространственно-временном измерении внешнеполитической стратегии Евросоюза [21].

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть фактические когнитивные возможности использования организационной теории в исследовании внешнеполитической стратегии ЕС и глобальной роли Евросоюза, в том числе ее символического направления, истоки которого берут начало в работах Макса Вебера, который рассматривал бюрократию как организационный феномен и социальный институт. Взгляд на организацию как на феномен культуры, в том числе в контексте не только профессиональной, но и гражданской и даже этнической идентичности, будет, вне всякого сомнения, содействовать более глубокому и многомерному пониманию внешнеполитической стратегии Евросоюза, поведения в рамках этой стратегии различных политических акторов – государств, региональных и местных властей, неправительственных организаций, бизнес-структур, групп интересов и т.д., а также возможностей и ограничений переноса европейских норм и ценностей на неевропейскую почву.

Библиографический список

1. Европейский союз в XXI веке: время испытаний / отв. ред. О.Ю.Потемкина. М.: Весь мир, 2012. 656 с.
2. *Betts A.* The global governance of migration and the role of trans-regionalism. In: *Multilayered Migration Governance: The Promise of Partnership* / ed. by Kunz R., Lavenex S., Panizzon M. London, New York: Routledge, 2011. P. 23-45.
3. *Bourdieu P.* Haute couture and haute culture. In: *Sociology in Question* / Transl. by R. Nice. London: Sage, 1993. Pp. 132–138.
4. *Daft R.L.* Organization theory and design. 8th ed. Mason, Ohio: South-Western, 2004. 656 p.
5. *Díaz-Silveira Santos C.* La estrategia inter-regional de la Unión Europea con Latinoamérica. Madrid: Plaza Y Valdés S.L., 2010. 420 p.
6. *Diez T.* Europe's others and the return of geopolitics // *Cambridge Review of International Affairs*. 2006. Vol. 17. No 2. P. 319-335.
7. *DiMaggio P.J., Powell W.W.* The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No 2. P. 147-160.
8. *Emerson M., Balfour R., Biscop S., Kaczynski P.M, Renard Tm., Wouters J.* Upgrading the EU's role as global actor: institutions, law and the restructuring of European diplomacy. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2011. 100 p.
9. *Emirbayer M., Johnson V.* Bourdieu and organizational analysis // *Theory and Society*. 2008. Vol. 37. No 1. Pp. 1–44.
10. EU Neighbourhood Info Centre [Electronic resource]. URL: http://www.enpi-info.eu/main.php?id=344&id_type=2 (access date: 10.04.2015).
11. *Europe's Global Role: External Policies of the European Union* / ed. by J.Orbie. Aldershot: Ashgate, 2009. 284 p.
12. *Fligstein N.* Social skill and the theory of fields // *Sociological Theory*. 2001. Vol. 19. No 2. Pp. 105-125.
13. *Fligstein N., McAdam D.* A theory of fields. Oxford: Oxford University Press, 2012. 256 p.
14. *Interregionalism and international relations* / ed. by Hänggi J., Rollof R., Rüländ J. New York: Routledge, 2006. 384 p.
15. *Hatch M.J., Cunliffe A.L.* Organization Theory: Modern, Symbolic, and Postmodern Perspectives. 3d ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 384 p.
16. *Hyde-Price A.* “Normative power Europe”: a realist critique // *Journal of European Public Policy*. 2006. Vol. 13. No 2. P. 217-234.
17. *Hoffman A.J.* Linking organizational and field-level analyses: the diffusion of corporate environmental practice // *Organization and Environment*. 2001. Vol. 14. No 2. Pp. 133-158.

18. *Keukeleire S., Delreux T.* The Foreign Policy of the European Union. 2nd. rev. ed. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2014. 408 p.
19. *Manners I.* Normative power Europe: a contradiction in terms? // *Journal of Common Market Studies.* 2002. Vol. 40. No 2. P. 234-258.
20. *Nicolaidis K., Egan M.* Transnational market governance and regional policy externality: why recognize foreign standards? // *Journal of European Public Policy.* 2001. Vol. 8, No 3. P. 454-473.
21. *Pace M.* Paradoxes and contradictions in EU democracy promotion in the Mediterranean: the limits of EU normative power // *Democratization.* 2009. Vol. 16. No 1. P. 39-58.
22. *Scott W.R.* Conceptualizing organizational fields: Linking organizations and societal systems. In: *Systems rationality and parcial interests / ed. by Derlien H., Gerhardt U., Scharpf F.* Baden: Nomos, 1994. Pp. 203-221.
23. *Scott W.R.* Institutions and organizations. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2001. 280 p.
24. *Scott W.R.* Reflections on a half-century of organizational sociology // *Annual Review of Sociology.* 2004. Vol. 30. No 1. Pp. 1-21.
25. *Smith M.E.* A liberal grand strategy in a realist world? Power, purpose and the EU's changing global role // *Journal of European Public Policy.* 2011. Vol.18. No 2. P. 144-163.
26. *The Oxford handbook of organizational theory: meta-theoretical perspectives / ed. by Tsoukas H., Knudsen Ch.* Oxford: Oxford University Press, 2007. 666 p.
27. *Weick K. E., Quinn R.E.* Organizational change and development // *Annual Review of Psychology.* 1999. Vol. 50. Pp. 361-386.
28. *Youngs R.* Normative dynamics and strategic interests in the EU's external identity // *Journal of Common Market Studies.* 2004. Vol. 42. No 2. P. 415-436.

THE EUROPEAN UNION'S GLOBAL ROLE: WHAT AND HOW CAN ORGANIZATIONAL THEORY EXPLAIN

I.L. Prokhorenko

Cand. Sci. (Politics), Leading Researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (MEMO RAN)

The article was prepared with the financial support of the Russian Humanitarian Science Foundation (RHSF), grant No 14-07-00046a "The European Union in global economic governance: organizational analysis".

The author evaluates the cognitive potential of organizational theory in the analysis of the global role of the European Union as essentially a normative power in world politics in the context of enlargement policy, European neighbourhood policy, inter- and trans-regionalism, development and cooperation policy, rule-making

activity in the network of international institutions. The study analyses capabilities of using such key concepts of organizational theory as “organization”, “organizational field”, and “organizational change” in research methodology of the EU foreign policy strategy guidelines.

Key words: European Union; European political space; EU global strategy; organizational theory; organizational fields; organizational change.

References:

1. The European Union in the XXI century: time of trials / ed. by O.U.Potemkina. Moscow: Ves' mir, 2012. 656 p. (In Rus.).
2. *Betts A.* The global governance of migration and the role of trans-regionalism. In: *Multilayered Migration Governance: The Promise of Partnership* / ed. by Kunz R., Lavenex S., Panizzon M. London, New York: Routledge, 2011. P. 23-45. (In English).
3. *Bourdieu P.* Haute couture and haute culture. – In: *Sociology in Question* / Transl. by R. Nice. London: Sage, 1993. Pp. 132–138. (In English).
4. *Daft R.L.* Organization theory and design. 8th ed. Mason, Ohio: South-Western, 2004. 656 p. (In English).
5. *Díaz-Silveira Santos C.* La estrategia inter-regional de la Unión Europea con Latinoamérica. Madrid: Plaza Y Valdés S.L., 2010.420 p. (In English).
6. *Diez T.* Europe's others and the return of geopolitics // *Cambridge Review of International Affairs*. 2006. Vol. 17. No 2. P. 319-335. (In English).
7. *DiMaggio P.J., Powell W.W.* The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No 2. P. 147-160. (In English).
8. *Emerson M., Balfour R., Biscop S., Kaczynski P.M, Renard Tm., Wouters J.* Upgrading the EU's role as global actor: institutions, law and the restructuring of European diplomacy. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2011. 100 p. (In English).
9. *Emirbayer M., Johnson V.* Bourdieu and organizational analysis // *Theory and Society*. 2008. Vol. 37. No 1. Pp. 1–44. (In English).
10. EU Neighbourhood Info Centre [Electronic resource]. URL: http://www.enpi-info.eu/main.php?id=344&id_type=2 (access date: 10.04.2015). (In English).
11. *Europe's Global Role: External Policies of the European Union* / ed. by J.Orbie. Aldershot: Ashgate, 2009. 284 p. (In English).
12. *Fligstein N.* Social skill and the theory of fields // *Sociological Theory*. 2001. Vol. 19. No 2. Pp. 105-125. (In English).
13. *Fligstein N., McAdam D.* A theory of fields. Oxford: Oxford University Press, 2012. 256 p. (In English).

14. Interregionalism and international relations / ed. by Hänggi J., Roloff R., Rüländ J. New York: Routledge, 2006. 384 p. (In English).
15. *Hatch M.J., Cunliffe A.L.* Organization Theory: Modern, Symbolic, and Postmodern Perspectives. 3d ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 384 p. (In English).
16. *Hyde-Price A.* “Normative power Europe”: a realist critique // *Journal of European Public Policy*. 2006. Vol. 13. No 2. P. 217-234. (In English).
17. *Hoffman A.J.* Linking organizational and field-level analyses: the diffusion of corporate environmental practice // *Organization and Environment*. 2001. Vol. 14. No 2. Pp. 133-158. (In English).
18. *Keukeleire S., Delreux T.* The Foreign Policy of the European Union. 2nd. rev. ed. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2014. 408 p. (In English).
19. *Manners I.* Normative power Europe: a contradiction in terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40. No 2. P. 234-258. (In English).
20. *Nicolaïdis K., Egan M.* Transnational market governance and regional policy externality: why recognize foreign standards? // *Journal of European Public Policy*. 2001. Vol. 8, No 3. P. 454-473. (In English).
21. *Pace M.* Paradoxes and contradictions in EU democracy promotion in the Mediterranean: the limits of EU normative power // *Democratization*. 2009. Vol. 16. No 1. P. 39-58. (In English).
22. *Scott W.R.* Conceptualizing organizational fields: Linking organizations and societal systems. – In: *Systems rationality and partial interests* / ed. by Derlien H., Gerhardt U., Scharpf F. Baden: Nomos, 1994. Pp. 203-221. (In English).
23. *Scott W.R.* Institutions and organizations. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2001. 280 p. (In English).
24. *Scott W.R.* Reflections on a half-century of organizational sociology // *Annual Review of Sociology*. 2004. Vol. 30. No 1. Pp. 1-21. (In English).
25. *Smith M.E.* A liberal grand strategy in a realist world? Power, purpose and the EU's changing global role // *Journal of European Public Policy*. 2011. Vol.18. No 2. P. 144-163. (In English).
26. *The Oxford handbook of organizational theory: meta-theoretical perspectives* / ed. by Tsoukas H., Knudsen Ch. Oxford: Oxford University Press, 2007. 666 p. (In English).
27. *Weick K. E., Quinn R.E.* Organizational change and development // *Annual Review of Psychology*. 1999. Vol. 50. Pp. 361-386. (In English).
28. *Youngs R.* Normative dynamics and strategic interests in the EU's external identity // *Journal of Common Market Studies*. 2004. Vol. 42. No 2. P. 415-436. (In English).

УДК-327.5

РОССИЯ, ПОЛЬША, ЗАПАД: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ

Д.А. Звягина¹

Стремясь увеличить свою роль в интеграционных структурах и альянсах Запада, Польша активно участвует во всех начинаниях ЕС и НАТО. Однако тенденция последних лет показывает, что Польша избрала для себя весьма шаткую позицию – первого защитного барьера Запада перед «русской угрозой». В статье рассматривается роль Польши в формировании отношений России и ЕС, России и НАТО. Проводится многомерный анализ польской стратегии и ожиданий Польши в западных интеграционных объединениях. Делается вывод о мере влияния Польши на современные европейские процессы и о том, может ли это нанести вред национальным интересам России.

Ключевые слова: Россия; Польша; украинский кризис; ЕС; НАТО; интеграция.

Исторически Польша всегда была сложным соседом для России. Имперские стремления Польши часто приводили к столкновениям интересов этих двух стран [9]. Для понимания причин напряженности между Россией и Польшей необходимо учитывать идейно-теоретический аспект взаимодействия культур России и Польши [2].

После вхождения Польши в ЕС и НАТО сложилась двойственная ситуация. С одной стороны, двусторонние связи Польши и России стали напрямую зависеть от взаимодействия последней и этих альянсов, с другой – сама Польша стала оказывать влияние на формирование отношений как России и ЕС, так и России и НАТО.

Говоря о сегодняшнем положении дел, стоит отметить, что в конце XX – начале XXI вв. к традиционным политическим полюсам польской геополитики (России и Германии) прибавились США. После распада СССР отношения между Россией и Польшей заметно охладились.

Польша и ЕС. Как указывает отечественный исследователь Л.Н. Шиселина [5], такие страны как Польша, Венгрия и Чехословакия, еще задолго до распада СССР рассматривались западноевропейскими странами как наиболее перспективные партнеры.

---

¹ Звягина Дарья Александровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ. E-mail: darya.zvyagina@diplacademy.ru.
© Звягина Д.А., 2015.

Отечественный ученый Д.С. Скворцова [3] выделяет три причины вхождения Польши в ЕС. Во-первых, с конца 1980-х гг. в Польше происходили политические трансформации. Польская объединенная рабочая партия уступила место «Солидарности», ориентированной на независимую, проевропейскую политику. Первыми пунктами внешнеполитической программы этой партии были «возврат в Европу», вступление в западноевропейские институты.

Во-вторых, не менее значительные перемены претерпевала и польская экономика. В 1989 г. группа экономистов под началом министра финансов Л. Бальцеровича представила документ, содержащий программу экономического развития Польши, целью которой был переход от социалистической к рыночной системе.

В-третьих, после распада СССР Польша опасалась попасть под экономическую экспансию Германии. С начала 1990-х гг. Германия начала активно сотрудничать с польскими экономическими институтами, инвестировать в промышленность, а немецкие бизнесмены стали приватизировать польские предприятия. Такая бурная деятельность со стороны еще недавнего противника напугала польские власти, что подвигло их к принятию двух решений: усложнение процесса покупки польской земли иностранцами, вхождение в ЕС и НАТО.

Однако к моменту вступления в Европейский союз в мае 2004 г. Польша так и не смогла соответствовать всем экономическим критериям ЕС. Таким образом, можно заключить, что причины принятия Польши в ЕС носили в большей степени политический, нежели экономический характер.

После вступления в ЕС Польша, не желая стать периферийной страной Европейского союза, выбирает для себя путь наступательной внешней восточной политики и активно продвигает проекты «Восточного партнерства», «Вишеградской группы» и «Веймарского треугольника».

«Восточное партнерство» (создано 7 мая 2009 г.) – программа, цель которой углубление сотрудничества Европейского союза с шестью странами: Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной. «Восточное партнерство», которое было связано не только с идеей повышения эффективности «Европейской политики соседства», но и с возможностью для некоторых государств-членов ЕС, в частности для Польши, заявить о своих внешнеполитических приоритетах. Суть «Европейской политики соседства» состоит в создании «кольца дружественных стран» на границах ЕС, посредством более тесного сотрудничества в области политики, безопасности, экономики и культуры.

Вишеградская группа (создана 15 февраля 1991 г.) – политическое объединение Польши, Чехии, Словакии и Венгрии, цель которого состояла в том, чтобы облегчить включение этих стран в процесс европейской интегра-

ции. Сегодня Вишеградская группа, претендуя на более значимую роль в ЕС, стремится стать главным представителем субрегиона в Восточное Европе.

«Веймарский треугольник» (создан в 1991 г.) – форум трехстороннего сотрудничества Франции, ФРГ и Польши, исходной целью которого была ускоренная подготовка Польши к членству в ЕС, а затем и в НАТО. После вступления Польши в указанные объединения, «Веймарский треугольник» немного потерял свою актуальность, но в условиях украинского кризиса вновь ее приобрел. Именно на основе этого форума Германия, Франция и Польша стали выступать в качестве посредников в урегулировании кризиса.

Польша и НАТО. Для стран Восточной Европы вхождение в ЕС и НАТО было единым процессом. Польша вступила в НАТО 12 марта 1999 г., тому предшествовали 8 лет подготовок и согласований. В начале 1990-х гг. польская армия полностью не соответствовала требованиям НАТО: отсутствовал гражданский контроль армии, имела место продажа оружия «неблагонадежным» странам, также наблюдались проявления антисемитизма. Однако стремление в НАТО было столь велико, что Польша пошла на существенное реформирование своей армейской системы.

Стоит сказать, что с момента вступления в НАТО польская армия получила принципиально новые возможности, а именно: перешла к западным стандартам и получила новое вооружение, значительно повышающее ее возможности в широком спектре боевых задач. Например, польский военный контингент успешно участвовал в операции «Свобода Ирака» наравне с другими членами НАТО. Польские военные принимали также участие в операции Альянса в Афганистане.

Членство Польши в НАТО уже свыше десяти лет поддерживается подавляющим большинством населения страны. В частности, согласно опросу Центра исследований общественного мнения (СВОС), проведенного в начале 2012 г., пребывание страны в НАТО одобряет 90% поляков. Для сравнения: в 2007 г. членство в Североатлантическом союзе поддерживали 78 % польских граждан, а в 1996 г. – не больше 50–60%.

Польша последовательно укрепляет свою позицию и авторитет в НАТО. Например, разместив на своей территории воинские подразделения США и проводя учебу войск НАТО, Польша принимает участие в перспективном планировании деятельности Альянса. Кроме того, большое значение имеет участие ВВС Польши в патрулировании воздушного пространства стран Балтии. В рамках новой концепции Североатлантического союза «Разумная оборона», кроме участия в военных операциях и работе многонациональных штабов, Польша играет отдельную роль в реализации проектов логистического обеспечения войск НАТО и подготовки специалистов связи и автоматизированных систем управления.

Говоря о той роли, которую Польша играет в формировании отношений России, ЕС и НАТО, стоит отметить, что здесь имеют место три блока вопросов.

Польша: проблема России в Европе. Официальная Варшава в Приоритетах польской внешней политики на 2012-2016 гг., всячески подчеркивает свою значимость в ЕС и НАТО в качестве: во-первых, страны активно продвигающей интересы ЕС по всему миру, во-вторых, надежного союзника в деле стабильного развития евроатлантического региона (в том числе, создания атмосферы взаимного доверия между Западом и Россией), в-третьих, своеобразного парламентаря от ЕС, готового вести диалог с Россией и помогать меняться ей в сторону политического плюрализма, свободы слова, гражданского общества.

Среди задач внешней политики Польши указывается сотворчество политики безопасности ЕС и НАТО применительно к странам Восточной Европы и России, а также строительство прагматичных политических и экономических отношений с последней.

Однако при этом в самой Польше нет четкого мнения по поводу отношений с Россией. Политики и политологи раскололись на два лагеря. Первые считают, что «главным условием укрепления позиций Польши является вхождение в круг лидирующих европейских государств и нормализация отношений с Россией» [4]. «Европеисты», именно так называется первый лагерь экспертов, уверены, что «Россию необходимо рассматривать как участника европейского интеграционного процесса, не исключая интеграции в сфере безопасности» [4]. Так, Б. Коморовский, нынешний президент Польши, подчеркивает, что цель Польши – в продвижении западных норм и стандартов [7].

Другой лагерь, «традиционалистов», делает акцент на региональном лидерстве, благодаря которому Польша не только не потеряет своей субъектности на мировой и европейской политической арене, но и получит возможность геополитически переустроить пространство Восточной Европы. Что же касается России, то ее членство в НАТО и ЕС, по мнению «традиционалистов», «привело бы обе организации к полному параличу» [4]. Польский исследователь А. Подольский видит в российской внешней политике в отношении Украины и Белоруссии «русский неоимпериализм» и буквально смертельную опасность для польской государственности [8].

Бывший министр иностранных дел Польши Р. Сикорский более-менее общо определяет отношение Варшавы к Москве: «Отношения с Россией были, есть и, скорее всего, будут холодными. Во-первых – у нас объективно разные интересы, особенно по отношению к нашим соседям... Во-вторых – в России с каждым годом все более ограничивают сферы свободы личности, свободы слова, печати... В-третьих – Россия никак не смирится с потерей имперского статуса...» [10].

Польша, Россия и кризис на Украине. Взаимные обвинения в претензии на имперский статус вообще симптоматичны для отношений России и Польши. Причем подобные нападки тем чаще, чем активнее становится политика обеих стран в регионе Восточной Европы. Ярким примером являются последние события на Украине.

Сразу же после вступления в ЕС Польша вспомнила и приняла к исполнению «доктрину Гедройца-Мерошевского», сформулированную еще в 1960-1970 гг.. Доктрина основывается на тезисе, что Россия не является ближайшим соседом Польши на востоке, но между ними существует целый ряд стран («ULB»: Украина, Литва, Белоруссия). Украина, Белоруссия, Литва), являющийся ключом к связям с Россией. «По убеждению Гедройца и Мерошевского, Польша, «подарив», в идеологическом смысле слова, эти земли литовской, украинской и белорусской национальной идее, опосредованно выводила их из-под российского влияния, и, поддерживая местные национализмы, получала в их лице надежный буфер, отделяющий Польшу от России» [1].

Отсюда и произрастает сегодняшний мессианский подход Польши к своей роли в интеграционных процессах в Восточной Европе, о чем часто говорят польские политологи [6].

Украина всегда занимала важное место в отношениях России и Польши. Сегодня же она приобрела еще более важную роль – в отношениях России и Запада в целом. Благодаря своему геополитическому местоположению и являясь транзитной страной для диверсификации поставок энергоносителей из Туркменистана, Казахстана, Азербайджана и России, она имеет стратегическое значение для стран Западной Европы. А Польша, желая выступить своеобразным лоббистом интересов ЕС в Восточной Европе, активно работает с Украиной и поддерживает ее про-либеральную и прозападную ориентацию, чем сильно портит свои собственные отношения с Россией.

Польша между Западом и Востоком. Исторически судьба Польши от взаимоотношений двух тектонических плит цивилизации Запада (Европы) и Востока (России). Отсюда и маятниковое движение в ее внешней политике. Рассмотрим последнее колебание.

В 2010-2013 гг. была намечена тенденция к «европеизации» польской внешней политики. Во-первых, отношения между Европой и Польшей не оправдали надежды последней. Такие польские проекты, как «Восточное партнерство», «Веймарский треугольник», Европа хотя и поддержала, но не продемонстрировала особого рвения. И Польша из локомотивов постсоветского реформирования Восточной Европы, стала превращаться в рядовую страну ЕС, причем не первого легиона.

Во-вторых, провал первой «Оранжевой революции» на Украине также показал, что Польша – далеко не самый сильный игрок в восточноевропейском пространстве. Сегодняшний кризис на Украине, сначала дал шанс

Польше заявить о своей весомой роли в решении региональных вопросов, но ситуация быстро изменилась, и Польша оказалась на обочине Минского процесса.

Сегодня в условиях кризиса на Украине Польша зачастую играет роль скорее катализатора напряженности между Россией и ЕС, НАТО, чем миротворца. Польские призывы к усилению натовского присутствия в регионе Восточной Европы и усилению санкций в отношении России если и не наносят качественного урона отношениям России с Западом, то весьма усложняют ситуацию.

Несмотря на то, что в Польше все же есть политики и политологи, которые признают невозможность построения коллективной безопасности в Европе без участия России, они не являются определяющими при выборе внешнеполитического курса. Что же касается самих ЕС и НАТО, то их методы в отношении польско-русских отношений во многом схожи: Польша – выгодный союзник в геополитическом и экономическом плане, но в случае потепления отношений с Россией она отодвигается на второй план.

Библиографический список

1. *Гулевич В.* Доктрина Междуморья и евроинтеграция Украины. Международная жизнь. URL: <http://interaffairs.ru/print.php?item=10346>.
2. *Звягина Д.А.* Внешнеполитическая стратегия России в развитии российско-польского культурного сотрудничества: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2014.
3. *Скворцова Д.С.* Польша и Европейский союз: путь к интеграции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 13.
4. *Чихоцкий Б.* Поменяется ли парадигма восточной политики Польши? Остполитик: диалектика национальной травмы. URL: <http://www.apn.ru/publications/article22370.htm>.
5. *Шишелина Л.Н.* Россия и Центральная Европа на пороге XXI в. // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях: монография по итогам IV международной научной конференции. М.: ИМЭПИ РАН, 2002. С. 22-34.
6. *Kieniewicz J.* Inni czy obcy? // Arcana. 2005, N 64-65. S. 75.
7. *Komorowski B.* Putin potrzebuje Lukaszewki // Gazeta Wyborcza. 2005. 16 авг.
8. *Podolski A.* Rosyjscy chuligani polityczni // Gazeta Wyborcza. 2005. 10 окт.
9. *Rak K.* Federalism or Force. A Sixteenth-Century Project for Eastern and Central Europe. The Sarmatian Review. V. XXVI. 2006. N 1. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ruf.rice.edu/sarmatia/106/261rak.html>.
10. *Warzecha Z.* Zbyt wiele miękiego eurodealizmu // Rzeczpospolita. 2008. 9 maj. S. 14-15.

RUSSIA, POLAND, THE WEST: A FACTOR ANALYSIS OF RELATIONS

D.A Zvyagina

PhD, senior research assistant at the Institute of Contemporary International Studies Diplomatic Academy

In an effort to increase its role in the integration structures and alliances of the West, Poland actively participates in all endeavors of the EU and NATO. However, the trend of recent years shows that Poland has chosen a very precarious position - the first barrier in front of the West "Russian threat." The article discusses the role of Poland in the formation of relations between Russia and the EU, Russia and NATO. Author use a multivariate analysis of the Polish strategy and expectations in western Poland integration associations. It is concluded that as the impact of Poland's modern European processes and how can it harm the national interests of Russia.

Key words: Russia; Poland; the Ukrainian crisis; the EU and NATO integration.

References:

1. *Gulevich V.* Doctrine Intermarum and European integration of Ukraine. International Affairs. URL: <http://interaffairs.ru/print.php?item=10346>. (In Russian.)
2. *Zvyagina D.A.* Russia's foreign policy strategy in the development of Russian-Polish cultural cooperation. Dissertation ... The candidate of political sciences: 23.00.04 / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. M., 2014. (In Russian.)
3. *Skvortsov D.S.* Poland and the European Union: the path to integration // Belgorod State University. Series: History. Political science. The Economy. Computer Science. Number 13, 2010. (In Russian.)
4. *Chihotsky Bartos* Change whether the paradigm of Poland's eastern policy? East policies: the dialectic of national trauma. URL: <http://www.apn.ru/publications/article22370.htm>.
5. *Kieniewicz J.* Inni czy obcy? // Arcana. 2005. N 64-65. (In Polish).
6. *Komorowski B.* Putin potrzebuje Lukaszewki // Gazeta Wyborcza. 2005.08.16. (In Polish).
7. *Podolski A.* Rosyjscy chuligani polityczni // Gazeta Wyborcza. 2005.10.08. (In Polish).
8. *Rak K.* Federalism or Force. A Sixteenth-Century Project for Eastern and Central Europe. The Sarmatian Review. V. XXVI, N 1, 2006. [Electronic resource]. URL: <http://www.ruf.rice.edu/sarmatia/106/261rak.html>. (In English.)

9. *Warzecha Z.* Zbyt wiele miękiego eurodealizmu // Rzeczpospolita. W., 2008, 9 maj. (In Polish).

УДК-327.5:327.8

РОЛЬ И МЕСТО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

*Е.В. Гамерман*¹

Данная работа посвящена проблематике региональной безопасности в Северо-Восточной Азии. Рассмотрены специфические особенности этого субрегиона мировой политики. Проанализированы традиционные (военные) и нетрадиционные (невоенные) угрозы безопасности. Автор ставит целью проследить роль и место России в обеспечении безопасности в СВА в различных сферах, как в рамках международных организаций, так и в двусторонних отношениях, а также спрогнозировать позиции нашей страны в этом вопросе.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия; региональная безопасность; российско-китайские отношения; энергетическая безопасность; продовольственная безопасность; Шанхайская организация сотрудничества; форум азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС); Саммиты восточно-азиатского сообщества.

Северо-Восточная Азия (СВА) – субрегион мировой политики с существенными отличительными особенностями. Во-первых, в силу ряда причин, после Второй Мировой войны здесь не сложилось сколько-нибудь институализированной системы региональной безопасности. И только в последние десятилетия наблюдается процесс становления отдельных ее элементов. При этом после 1953 г. ситуация в области безопасности в СВА характеризуется относительной устойчивостью и стабильностью. Во-вторых, отличительной чертой является небольшое количество государств, входящих в его состав. В СВА включают Японию, КНДР, Республику Корея, Китай, Тайвань, Монголию. В силу географии и месторасположения к региону тяготеет и российский Дальний Восток. Невзирая на узость круга участников, данные акторы не отличаются высоким уровнем тождественности ни в политической, ни в экономической, ни в социально-культурной сферах. В политическом плане – это авторитарный Китай и Россия, тоталитарная Северная Корея, демократические Япония и Республика Корея, а также «демократии в процессе построения» Монголии и Тайваня. Экономически субрегион считается одним из передовых и наиболее динамично развивающихся в мире. Китай общепри-

---

¹ Гамерман Евгений Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Благовещенского филиала Московской академии предпринимательства. E-mail: egamerman@mail.ru.

© Гамерман Е.В., 2015

знанно является второй экономикой в мире, а по некоторым показателям – первой. Япония обладает самой наукоемкой и высокотехнологичной мировой экономикой, а республика Корея и Тайвань относятся к так называемым «азиатским тиграм», т.е. к одним из наиболее передовых государств Азии (которые хоть и замедлили темпы роста, тем не менее по-прежнему остаются ведущими мировыми экономиками). Ну а что касается экономики Монголии, то она вообще признана одной из наиболее динамичных в мире (реальный рост ВВП в 2011 г. составил 17,5 %) [15], с самым перспективным рынком сбыта в СВА и в целом в АТР. В то же время, в субрегионе есть КНДР с одной из самых отсталых экономик мира (140-е место в мире из 228 по уровню ВВП по паритету покупательной способности на душу населения в 2013 г.) [16], которая характеризуется плановостью и чрезмерным централизмом. Нельзя не сказать и о российском Дальнем Востоке, обладающем крайне слабо развитой транспортной, социальной и промышленной инфраструктурой, низкой плотностью населения и его небольшим количеством, что предопределяет отсутствие привлекательности этого российского региона как рынка сбыта. В социо-культурном плане СВА также не представляет однородности. Здесь и вестернизированная Япония с наличием глубоко укоренившихся традиционных синтоистско-буддистских ценностей; и Китай с коммунистической идеологией, легко наслаивающейся на конфуцианские догмы; и КНДР с его гипермилитаризованным обществом военного коммунизма; и в значительной степени прозападная, но в то же время конфуцианская Республика Корея; и российский Дальний Восток с европейской системой ценностей.

В регионе существует высокий потенциал конфликтности, связанный как с наличием территориальных споров, так и с исторически сложившимися взаимными претензиями и неприязнью. Это и взаимоотношения двух корейских государств, и отношения Китая и Японии (ненависть друг к другу с периода Средневековья и особенно после Второй мировой войны, и спор из-за островов Сенкаку (Дяоюйдао)), и Республика Корея и Япония, и спор между Россией и Японией о 4 островах южнокурильской гряды, и нежелание Китая признавать фактическую независимость Тайваня. Такого количества потенциальных конфликтов и взаимной враждебности нет ни в одном другом регионе мира.

Таким образом, можно без преувеличения сказать, что СВА - уникальный субрегион, в том числе и в плане угроз региональной безопасности.

Какие же традиционные (военные) и нетрадиционные (невоенные) угрозы актуальны для современной СВА? Начнем с военных. Самым существенным является так называемый «корейский вопрос». Вероятность эскалации напряженности на полуострове и перерастание ситуации в режим военного конфликта в среднесрочной перспективе представляется достаточно высокой. Если экономическая ситуация в КНДР будет ухудшаться и государства региона не предпримут совместных усилий по помощи Пхеньяну в раз-

личных форматах, а США продолжают наращивать свое военное присутствие (в том числе и в виде системы ПРО), то режим Северной Кореи может предпринять «акт отчаяния» и пойти дальше, нежели просто ракетно-ядерный шантаж. С позиции силы и давления ситуацию исправить невозможно. Необходимо возродить шестисторонние переговоры по корейскому вопросу, либо попытаться создать новый многосторонний формат, с участием всех стран региона и внешних заинтересованных акторов. В данном ключе роль РФ может быть очень высока. Москве необходимо выступить с собственными, либо совместными с Пекином, инициативами по Северной Корее и стремиться создать конструктивный диалог Пхеньяна с внешним миром.

Следующей угрозой военной безопасности можно считать отсутствие желания Пекина признать независимость Тайваня (имеющего ее де-факто). Прецедент, созданный Россией в Крыму, способен спровоцировать Китай на аналогичные действия в отношении Тайваня, игнорируя мнение международного сообщества. А это может иметь самые катастрофические последствия, учитывая, что никакого прокитайского референдума на Тайване не получится.

Еще одним военным аспектом безопасности является высокая степень конфликтности китайско-японских отношений. И чем сильнее в экономическом и в военном плане будет становиться Поднебесная, чем меньше будет желания соблюдать антивоенные положения собственной Конституции у страны Восходящего солнца, тем более высокой становится вероятность военного столкновения между двумя странами. Учитывая два последних фактора, следует признать, что наиболее высокая роль в обеспечении безопасности в СВА принадлежит США и военно-политическим союзам стран субрегиона с американским государством. У РФ также есть потенциал для повышения своей роли в минимизации вышеозначенных угроз. В частности, на российско-японском направлении. Однако фактически наша страна сейчас не играет особой роли в предотвращении указанных угроз.

Теперь перейдем к угрозам невоенного характера. Речь пойдет об энергетике, продовольствии, экологии, транснациональной преступности.

Начнем с энергетики, сферы, которая в ходе украинского кризиса стала наиболее актуальной. Страны СВА, в силу наличия развитых экономик и фактического отсутствия ресурсов (прежде всего углеводородов), являются «реципиентами», или потребителями. РФ – один из основных мировых поставщиков энергоресурсов или «донор». При этом интенсивность взаимодействия России со странами рассматриваемого региона достаточно низка. Причин для этого несколько: 1. Традиционная ориентация Москвы на европейские рынки. 2. Отсутствие необходимой инфраструктуры на востоке нашей страны. 3. Наличие внешнеполитических и территориальных противоречий с Японией. 4. Долгие переговоры с Китаем о заключении договора на поставку газа из-за противоречий по цене. Украинский кризис и возможное снижение

объемов поставок газа и нефти на традиционном европейском направлении в самом ближайшем будущем приведет (и уже приводит) к переориентации Москвы на другие рынки, страны и регионы. И самым перспективным в этом отношении регионом представляется Северо-Восточная Азия. Китай на данный момент находится на втором месте в мире по количеству потребляемых энергоресурсов (после США) и на первом по динамике роста потребления [1]. Япония после аварии на АЭС «Фукусима» и снижения роли атомной энергетики стала самым крупным в мире потребителем природного газа (около 17% всего потребляемого в мире) [8]. Республика Корея и Тайвань также имеют очень высокий уровень потребностей в данном виде ресурсов. В мае 2014 г. Россия и Китай после 10 лет переговорного процесса наконец-то заключили газовый контракт, который тут же окрестили «соглашением века» [13]. По экспертным оценкам (само содержание договора держится в секрете), стоимость газа по договору ниже, чем на европейском направлении, на 20-25% [11], и это не может не настораживать, т.к. в случае превращения Китая в монопольного покупателя он сможет существенно улучшить собственные позиции в сделках по углеводородам. В данной ситуации РФ жизненно необходимо добиваться заключения договоров на поставки газа в Японию и Республику Корея, чему могут помешать внешнеполитические разногласия и союзнические отношения этих стран с США. Если же все-таки данные факторы не помешают, поставки российского газа в Японию и Корею существенно повысят роль России в обеспечении региональной энергетической безопасности в СВА и сделают нашу страну ключевым игроком в этой сфере в регионе. Кроме того, для России это будет означать диверсификацию поставок и снижение зависимости от европейского и, в меньшей степени, от китайского рынка. Такой сценарий развития событий представляется тем более важным для России, что именно в сфере энергетической безопасности в СВА у нашей страны наиболее высокий потенциал.

В области продовольственной безопасности на данный момент Россия является одним из источников угроз. После «санкционной войны» с Западом возник целый ряд проблем в сфере мясной и молочной промышленности, которые наша страна сейчас самостоятельно решить не может [12]. Наиболее важную роль в этом вопросе играет Китай, особенно после снятия Россией эмбарго на поставки мяса из этой страны [10]. Проблемы КНДР в этой сфере, которые могут возникнуть в самое ближайшее время, также будут решаться за счет Поднебесной. У РФ есть определенный потенциал роста и в этом направлении. В перспективе мы можем не только достичь уровня самообеспечения, но и повысить свою значимость в вопросе обеспечения продовольственной безопасности СВА.

В такой специфической сфере, как борьба против транснациональных преступных групп, правоохранные органы РФ немало преуспели, особенно в сфере наркоторговли и торговли людьми. В то же время уровень ме-

ждународного сотрудничества является недостаточным. Китайские «триады», японские «якудза» и российские дальневосточные преступные группировки имеют значительно более богатый опыт взаимодействия, нежели национальные правительства. РФ необходимо разработать целый ряд совместных программ и инициировать более тесное региональное сотрудничество в этом направлении. Это позволит, с одной стороны, минимизировать финансовый, социальный, культурный и демографический ущерб от преступной деятельности, с другой – повысить авторитет и престиж нашего государства в странах СВА и в целом на международной арене.

Угрозы в области экологии также весьма актуальны для рассматриваемого субрегиона. Наибольший ущерб наносит деятельность промышленных предприятий и угольная энергетика Китая. И страдает от этого не только Поднебесная, но и весь регион в целом. Международные инициативы вряд ли помогут в этом вопросе. Роль Москвы в улучшении экологической ситуации может заключаться только в том, что за счет увеличения поставок нефти, газа, электроэнергии, а также помощи в строительстве АЭС, уменьшится объём и удельный вес угля в энергетике КНР [4].

Теперь перейдем к рассмотрению международных организаций, действующих в регионе и отвечающих за минимизацию отдельных угроз, и к той роли, которую играет Россия в этих структурах и принимаемых ими решениях. К таким организациям можно отнести Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), форум азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), форум восточно-азиатского сообщества, а также региональной форум по безопасности АСЕАН (АРФ по безопасности).

Начнем с ШОС. Данная организация, созданная в 2001 г. и включающая в себя 4 государства Центральной Азии (Узбекистан, Казахстан, Киргизия и Таджикистан), а также РФ и КНР, ориентирована, прежде всего, на актуальные угрозы безопасности в регионе ЦА [2]. Однако, учитывая тот факт, что два государства, имеющие наибольший вес и авторитет в организации, одновременно относятся и к региону Северо-восточная Азия, ШОС вынужденно будет обращать свое внимание и на угрозы безопасности в этом регионе. И Китай, и Россия будут стремиться использовать имеющийся международный инструмент в разрешении кризисов и предотвращении или минимизации угроз в СВА. При этом вес и значимость РФ в ШОС будет неуклонно снижаться (за счет усиления позиций Пекина в странах Центральной Азии), и данная организация будет все больше превращаться в «китайский проект». И, соответственно, все ниже в будущем станет авторитет нашей страны в принимаемых решениях и инициативах организации.

Форум АТЭС - одна из наиболее важных современных дискуссионных площадок в экономике в мире. Непосредственно вопросами безопасности она не занимается. Однако, учитывая существующие реалии, что большинство современных угроз имеют экономический характер, а АТР – самый динамич-

ный и перспективный регион мира, АТЭС так или иначе подключен поневоле к разрешению вопросов региональной и международной безопасности. В 2012 г. Россия впервые в своей истории принимала Форум на острове Русский (Владивосток, Приморский край) [9]. Особо значимым представляется факт, что данное событие происходило не в одном из городов европейской части страны (как это было ранее в случае с другими форумами), а непосредственно в СВА, в одном из тихоокеанских регионов РФ. Этот шаг был призван продемонстрировать всем странам региона значимость для нас рассматриваемого направления во внешней политике и экономике, а также стремление к усилению вовлеченности и интегрированности в азиатско-тихоокеанские структуры и организации. Сам форум 2012 г. не произвел сколько-нибудь серьезных сдвигов в данном вопросе, однако показал очень серьезный потенциал для роста. К сожалению, украинский кризис затормозил позитивную динамику и создал новые преграды (особенно это касается проблем в российской экономике, без разрешения которых об интеграции с восточно-азиатскими государствами не может идти речи). Роль и авторитет РФ в АТЭС будет зависеть напрямую от развития наших восточных территорий, интенсивности поступательного движения в решении внутригосударственных и внешнеэкономических проблем.

ВАС, или саммит восточно-азиатских государств, был образован в 2005 г. и в настоящее время включает в себя 10 государств АСЕАН, Китай, Японию, Республику Корея, Австралию, Новую Зеландию, Индию, Россию и США [3]. Данный форум в перспективе может стать самой значимой площадкой для обсуждения и принятия реальных мер в сфере безопасности в регионе. И именно в рамках ВАС у России самые слабые позиции. Снижает авторитет и отсутствие на саммитах первого лица российского государства, что по мнению восточно-азиатских лидеров, является проявлением неуважения и демонстрирует явное пренебрежение со стороны России данным форматом переговоров [7]. К слову, ни одна страна из остальных 17 участников подобного дипломатического поведения себе не позволяет. Это может негативно сказаться на наших дальнейших отношениях со странами ЮВА и иметь фатальные последствия для интегрированности в регион и авторитета РФ в вопросах региональной безопасности. Москве необходимо пересмотреть свое отношение к ВАС и активизировать участие в этом международном формате.

АРФ по безопасности был создан в 1994 г. и представляет собой площадку для диалога по вопросам политики и безопасности в регионе. Он объединяет 26 стран и ЕС. Одними из основных направлений деятельности организации являются противодействие терроризму, транснациональной преступности, морская безопасность [14]. И в этой связи у РФ есть все шансы на повышение собственной значимости. Необходимы новые инициативы, стратегии, программы по борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом и в целом в области информационной безопасности в регионе (сфера, которая

стала особенно значимой в ходе украинского кризиса). И очень важно, чтобы они исходили от РФ, нужны предложения по новым информационным реалиям и «правилам игры» для самих государств, некоему рамочному документу.

Стоит отметить и тот факт, что в настоящий момент процесс становления системы безопасности в СВА не является завершенным. И организации, существующие в регионе, в обеспечении безопасности играют значительно менее важную роль, нежели двусторонние межгосударственные отношения. Начиная с 1950-х гг. и вплоть до 1991 г. стержнем системы были военно-политические союзы США с Японией, Республикой Корея и Филиппинами [5], а также взаимоотношения СССР с КНР, КНДР и Вьетнамом. В 1990-е и 2000-е гг. значение американских союзов сохранилось и по некоторым аспектам стало еще более важным. В частности, в области предотвращения внутрорегиональных межгосударственных конфликтов. В условиях же тотальной глобализации и ситуации зависимости всех от всех в современном мире, для сохранения стабильности этого уже недостаточно (при этом значение американских союзов со странами региона и сейчас остается достаточно высоким).

Доминантными для сохранения стабильности и минимизации угроз являются отношения КНР с другими государствами, в частности, с Японией, Республикой Корея, КНДР и странами ЮВА. Во многом именно от позиции Пекина зависит будущее «корейского вопроса». В современных международных реалиях очень важную роль играют российско-китайские отношения и совместные усилия двух стран в вопросах обеспечения региональной безопасности. К сожалению, в этом тандеме Россия будет выступать вторым номером, и чем дальше, тем эта тенденция будет все более очевидной.

Крайне значимыми для безопасности в СВА в среднесрочной перспективе будут отношения РФ с Японией и Республикой Корея. Особенно это касается сферы энергетической безопасности, продовольствия, а также взаимодействия с этими странами по «корейскому вопросу». Не менее актуальным является развитие взаимодействия России с КНДР. После списания Москвой внешнего долга Пхеньяну [6] появляются новые перспективы для сотрудничества в области военной промышленности и сельского хозяйства. Интенсификация сотрудничества, а также усилия по возобновлению шестистороннего формата переговоров по КНДР могут способствовать мирному разрешению данной международной проблемы и минимизации некоторых иных угроз региональной безопасности. Кроме того, это будет способствовать повышению роли и веса нашей страны в обеспечении стабильности и безопасности в СВА.

Итак, в настоящее время РФ играет незначительную роль в системе безопасности субрегиона СВА. После окончания холодной войны и фактического «ухода» страны из Азии, в течение нескольких последних лет мы можем наблюдать попытки вернуть былое влияние и даже превзойти советские

достижения. В последней редакции концепции внешней политики РФ, АТР находится на одном из последних мест (в самом низу перечня – Латинская Америка). В условиях украинского кризиса можно ожидать в ближайшем будущем появления нового документа и реального смещения внешнеполитических усилий на восток. Есть потенциал увеличения значимости нашей страны в обеспечении энергетической безопасности региона. Однако в большинстве остальных аспектов усиление роли РФ будет сопряжено с целым рядом трудностей. Во многом это будет зависеть от того, насколько Япония и Республика Корея будут самостоятельны в принимаемых решениях по вопросам взаимодействия с РФ и насколько сможет Япония отделить политические разногласия от экономической выгоды. В международных организациях попытки российских инициатив неизбежно будут встречать противодействие США и, в отдельных случаях, Китая (в рамках ШОС). Российское влияние на ситуацию и систему безопасности в СВА будут зависеть и от профессионализма российского министерства иностранных дел и его знания специфики «восточной дипломатии». Но в целом можно предположить, что при росте влияния в отдельных сферах (энергетика, борьба с транснациональной преступностью), в остальных сохранится статус-кво или же будет отрицательный рост.

Библиографический список

1. Бергер Я. Энергетическая ориентация Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://analyticmz.ru/?p=319>.
2. Декларация о создании шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sectsc.org/RU123/show.asp?id=83>.
3. Ключевые международные организации и объединения Азиатско-Тихоокеанского региона с участием России [Электронный ресурс]. URL: http://old.vlc.ru/news/opet/2012/04/20120413_042.pdf.
4. Лаверов Н.П. Топливо-энергетические ресурсы: состояние, динамика освоения, обеспеченность [Электронный ресурс]. URL: <http://borgolova.ampei.ru/sustainable/tek/reserves/laverov>.
5. Лидеры Японии и США договорились об укреплении военного союза для поддержания стабильности в Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.rt.com/article/59760>.
6. Москва простила Пхеньяну 9 миллиардов долларов долга, взамен на переход к расчёту в рублях [Электронный ресурс]. URL: <http://rusnsn.info/novosti-v-mire/moskva-prostila-phen-yanu-9-mlrd-dolga.html>.
7. Лукин А. Президент России опять не поехал на Восточноазиатский саммит [Электронный ресурс]. URL: http://russiangouncil.ru/blogs/dvfu/?id_4=743.

8. Пимонов В. Сделано с Японией [Электронный ресурс]. URL: <http://www.riatec.ru/catalog/mintop/infograf/122013/>.
9. Приоритетные задачи АТЭС–2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.apec2012.ru/>.
10. Россельхознадзор разрешил китайцам поставлять свинину на территорию РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eer.ru/a/article/u154/14-08-2014/24574>.
11. Россия и Китай заключили контракт на поставку газа [Электронный ресурс]. URL: <http://oko-planet.su/finances/financesday/242982-rossiya-i-kitay-zaklyuchili-kontrakt-na-postavku-gaza.html>.
12. Сводки с продовольственного фронта: что, где и на сколько подорожало [Электронный ресурс]. URL: <http://finance.rambler.ru/news/analytics/150198010.html>.
13. Сделка века. Россия и Китай заключили газовый контракт на 30 лет [Электронный ресурс]. URL: <http://smartnews.ru/business/companies/17802.html>.
14. About The ASEAN Regional Forum [Электронный ресурс]. URL: <http://aseanregionalforum.asean.org/about.html>.
15. The World Factbook. East & Southeast Asia: Mongolia. Economy – overview [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/mg.html>.
16. The World Factbook. East & Southeast Asia: Korea.North. Economy – overview [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/mg.html>.

THE ROLE AND PLACE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ENSURING SECURITY IN NORTHEAST ASIA

E.V. Gamerman

Candidate of historical sciences, assistant professor of public and legal disciplines
of the Moscow Academy of Entrepreneurship, Blagoveshchensk branch

This work is devoted to the problems of regional security in Northeast Asia. Specific features of the subregion of world politics. Analyzed traditional (military), and non-traditional (non-military) security threats. Also, the author in this material were able to trace the role and the place of Russia in ensuring security in Northeast Asia in various fields, in the framework of international organizations and in bilateral relations, as well as what are the prospects of our country in this regard.

Key words: North-East Asia, regional security, Sino-Russian relations, energy security, food security, the Shanghai Cooperation Organization, Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), the East Asia Summits community.

References:

1. *Berger J.* Energy orientation of China [Electronic resource]. URL: <http://analyticmz.ru/?p=319> (In Rus.).
2. Declaration on the establishment of the Shanghai Cooperation Organization [Electronic resource]. URL: <http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=83> (In Rus.).
3. Key international organizations and associations of the Asia-Pacific region with the participation of Russia [Electronic resource]. URL: http://old.vlc.ru/news/oper/2012/04/20120413_042.pdf (In Rus.).
4. *Laverov N.P.* Fuel and energy resources: the state, the dynamics of development, security [Electronic resource]. URL: <http://borgolova.ampei.ru/sustainable/tek/reserves/laverov> (In Rus.).
5. Japan and the United States agreed to strengthen military alliance in order to maintain stability in Asia [Electronic resource]. URL: <http://russian.rt.com/article/59760> The leaders of (In Rus.).
6. Moscow is simply Pyongyang \$ 9 billion debt in exchange for passage to the calculation in rubles [Electronic resource]. URL: <http://rusnsn.info/novosti-v-mire/moskva-prostila-phen-yanu-9-mlrd-dolga.html> (In Rus.).
7. *Lukin A.* Russian President again did not go to the East Asia Summi [Electronic resource]. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/?id_4=743 t (In Rus.).
8. *Rusdnov B.* Made with Japan [Electronic resource]. URL: <http://www.riatec.ru/catalog/mintop/infograf/122013/> (In Rus.).
9. Priorities for APEC 2012 [Electronic resource]. URL: <http://rus.apec2012.ru/> (In Rus.).
10. Rossel'hoznadzor allowed the Chinese to deliver pork to the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.eer.ru/a/article/u154/14-08-2014/24574> (In Rus.).
11. Russia and China have signed a contract for the supply of gas [Electronic resource]. URL: <http://oko-planet.su/finances/financesday/242982-rossiya-i-kitay-zaklyuchili-kontrakt-na-postavku-gaza.html> (In Rus.).
12. Reports from the front of the food: what, where and how much has risen in price [Electronic resource]. URL: <http://finance.rambler.ru/news/analytics/150198010.html> (In Rus.).
13. Deal of the century. Russia and China have signed a gas contract for 30 years [Electronic resource]. URL: <http://smartnews.ru/business/companies/17802.html> (In Rus.).
14. About The ASEAN Regional Forum [Electronic resource]. URL: <http://aseanregionalforum.asean.org/about.html> (In English).
15. The World Factbook. East & Southeast Asia: Mongolia. Economy – overview [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/mg.html> (In English).

16. The World Factbook. East & Southeast Asia: Korea.North. Economy – overview [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/mg.html> (In English).

УДК-323

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ АТАТЮРКА

А.В. Сулейманов¹

В статье рассматривается политическая идеология основателя Турецкой Республики – Мустафы Кемаля Ататюрка, состоящая из шести взаимосвязанных элементов, каждый из которых фактически представляет одно из ключевых направлений доктрины кемализма: республиканизм, национализм, лаицизм, народничество (популизм), этатизм и революционность (реформизм). Автором подробно раскрывается их содержание и дается оценка их исторического значения для развития турецкого государства.

Ключевые слова: Турция; Ататюрк; кемализм; республиканизм; лаицизм; популизм; этатизм.

Политическая история Турецкой Республики, начавшая свой отчет с 1923 г., прошла насыщенный и динамичный путь своего развития. При этом современными достижениями в области внутренней и внешней политики турецкое государство во многом обязано своему основателю – Мустафе Кемалю Ататюрку, разработавшему особую политическую концепцию и осуществившему кардинальные, фантастические по масштабу политические реформы.

Политическая концепция Ататюрка основывалась, прежде всего, на отказе от экспансионистской идеологии Османской империи. Мустафа Кемаль главным образом был заинтересован в независимости и суверенитете турецкого государства. Провозгласив девиз «мир в доме, мир во всем мире» (*yurtta sulh, cihanda sulh*) турецкий лидер стремился разорвать с османским прошлым, которое для него ассоциировалось с беспорядком, коррупцией, отсталостью и исламскими догмами. Однако новая Турция не могла полностью отказаться от османского наследия. Вплоть до настоящего момента турецкое общество испытывает глубокие впечатления от исторических событий того времени. Борьба за выживание на международной арене, вместе с огромным культурным наследием прошлого оставила сильные отпечатки на национальной философии Турции и характере ее людей.

При этом, сохранив большую часть бюрократической элиты Османской империи, поддержавшей идеи кемалистов, Ататюрк, прежде всего, стремился осуществить наиболее радикальные реформы, касающиеся изменения тради-

---

¹ Сулейманов Алим Видадиевич – кандидат политических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. E-mail: alim-suleymanov@mail.ru.
© Сулейманов А.В., 2015

ционной социальной и духовной культуры Османской империи на западную (светскую) культуру. Позже эта же бюрократическая элита сформировала авторитарный режим в лице Республиканской Народной Партии (РНП), просуществовавший вплоть до 1950 г. Однако, несмотря на то, что новая правящая элита, с одной стороны, обеспечила сильную поддержку политическим амбициям Мустафы Кемалю, она так или иначе достаточно противоречиво представляла материальную связь между Османской империей и новой Турецкой Республикой [9, 12-13].

Другим важным аспектом политической идеологии Ататюрка стали его воззрения относительно внутренней и внешней политики. Он полагал, что внешняя политика государства является продолжением его внутренней политики. Кроме того, мирная внешняя политика, по его мнению, была необходима для достижения долгосрочных реформ в Турции, и его девиз «мир в доме, мир во всем мире» четко отражал эту специфику. Ататюрк хотел видеть Турцию частью цивилизованного мира. Однако для достижения этой цели мало было просто сменить правительство или создать новый парламент. Его политические реформы были направлены, прежде всего, на искоренение отсталости и безграмотности турецких людей и их дальнейшее приспособление к европейскому образу жизни.

Впервые политические принципы Ататюрка были официально провозглашены в 1931 г. на конгрессе РНП, а позже закреплены в 1937 г. в качестве поправок к конституции 1924 г. Они символически отображались на эмблеме РНП в виде шести стрелок, каждая из которых фактически представляла одно из ключевых направлений кемалистской идеологии: республиканизм, национализм, лаицизм, народничество (популизм), этатизм и революционность (реформизм). Несмотря на то, что эти шесть слов не охватывали все аспекты идеологии, они в той или иной мере представляли ее основу [13].

Республиканизм представлял собой основной фон доктрины кемализма и включал в себя понятия суверенитета, свободы и равенства всех перед законом. Данный принцип не был только изменением в политической системе, он также являлся поворотным моментом в национальной философии турок, направленный на то, чтобы приучить турецких граждан к идее необратимости каких-либо государственных изменений. С этой точки зрения республиканизм являлся барьером для тех, кто все еще надеялся на возвращение к султанату или халифату.

Данный принцип получил закрепление в ст. 1 Конституции от 1924 г., которая гласила: «Турецкое государство является Республикой». Кроме того, конституция фиксировала положения о том, что «суверенитет неограниченно принадлежит нации» и что «Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) является единственным законным представителем народа и осуществляет суверенитет во имя нации» [14, 85]. Однако в мировоззрении Ататюрка термин «республика» понимался более широко. Он был одновременно

и гарантией победы национальной революции и синонимом его основной государственно-политической концепции «безусловного и неограниченного национального суверенитета» [4, 46]. Кроме того, Ататюрк полагал, что именно республиканская форма правления больше всего подходит для только что созданной Турецкой Республики, поскольку она способна не только обеспечить наибольшую свободу гражданам страны, но и наиболее точно выразить их волю [11, 248].

Лаицизм также был необходимым компонентом модернизации, имеющий важнейшее значение не только для политической, но и социально-культурной жизни Турецкой Республики. В терминах политики он представлял собой нечто больше чем просто отделение религии от государства. Действительно, главная борьба кемалистов была направлена не на отделение религии от государства, а на необходимость разделения демократии и теократии. Другое отражение лаицизма находило себя в отходе от идеи панисламизма, стремящегося объединить все мусульманские государства под одним общим началом.

Несмотря на то, что в марте 1924 г. был ликвидирован халифат, а члены султанской семьи высланы из страны, ислам был провозглашен в качестве государственной религии. При этом желая смягчить удар по чувствам верующих мусульман, Мустафа Кемаль выступил в парламенте с призывом «очистить веру, святые чувства и ценности верующих от политических интересов и страстей и тем самым возвеличить ислам» [3, 70]. Более того, во многих речах Ататюрка приходилось слышать об упоминании бога и необходимости его божественной воле для помощи турецкому народу.

Кроме того, существует мнение, что отделение религии от государства было осуществлено в связи с тем, что часть верхушки мусульманского духовенства не поддержала идеи кемализма. Достаточно вспомнить, что глава турецких мусульман шейх-уль-ислам Дурризаде Абдуллах-эфенди опубликовал фетву — «пастырское послание». Фетва призывала ни более и ни менее, как к физическому уничтожению «революционеров» и «священной войне». Была создана «халифатская армия» под началом Англии и Греции, которая в течение непродолжительного срока была разгромлена революционными силами [5, 12].

Схожее мнение высказывает и профессор Анкарского университета Э. Телляль, указывая на то, что «одной из особенностей исторического развития Турции была не ликвидация халифата и секуляризация, а выбор светского режима» [7, 103-108]. Наряду с этим, нельзя не отметить и другое отражение лаицизма – отход от идеи панисламизма, стремящегося объединить все мусульманские государства под одним общим началом.

Национализм как источник турецкого бытия был направлен на замену империалистических и пантюркистских амбиций. Концепция национализма была неразрывно связана с национальными границами Турции, установлен-

ными в соответствии с Лозаннским мирным договором 1923 г. Ататюрк неоднократно повторял, что: «...Государство должно преследовать исключительно национальную политику... Я хочу работать в пределах наших национальных границ, ради счастья и благосостояния нашего народа» [8, 219].

Отвергнув идеи панисламизма и пантюркизма, Ататюрк не стремился строить турецкий национализм ни на религии, ни на этнической принадлежности. Он определил турецкую нацию как «политическую и социальную общность, сформированную гражданами страны и связанные единством языка, культуры и убеждений». То есть турецкий национализм был создан не на основе «этнической принадлежности», а на принципе «общего гражданства». Причем данное обстоятельство и по сей день законодательно закреплено. Так, в соответствии со ст. 66 Конституции 1982 г.: «Каждый связанный с Турецким государством через обязательства гражданства – турок» [15]. Другими словами, турецкая нация была определена не биологическими характеристиками и даже не религиозными, а скорее историко-социологическими. То есть национальная культура Турции строилась на основе объединения различных этнических групп путем демографической гомогенизации.

По данному поводу министр иностранных дел А. Давутоглу отмечал: «Наличие уникальных демографических особенностей в последнее время все больше затрагивает видение внешней политики Турции. Сегодня в ней проживает больше боснийцев, чем в Боснии и Герцеговине, больше албанцев, чем в Косово, больше абхазцев, чем в Абхазии. Кроме того, присутствует значительное число азербайджанцев и выходцев с Северного Кавказа России. Таким образом, противоречия во взаимоотношениях с данными странами оказывают непосредственное воздействие на внутреннюю политику турецкого государства» [10].

Однако национализм Ататюрка имел определенную специфику по сравнению с национализмом младотурок. Национализм Ататюрка, для обозначения которого предпочитался термин «*milliyetçilik*» (от «*milliyet*» – «нация»), вместо прежнего «*türkçülük*» (тюркизм), дистанцировался от крайнего национализма и пантюркизма и понимался Ататюрком по французскому образцу – как идеология политической нации в границах Турецкой республики, а не тюркской этнической нации, как это было, в частности, у пантюркистов. Другими словами, Кемаль четко отграничил тюркизм от близкой к нему по своим социальным корням, но, в сущности, антинациональной доктрины пантюркизма. В понимании Кемалья тюркизм – это не что иное, как турецкий национализм в границах Турции, но именно чисто турецкий, отличный от османского или исламского. «Нация, говорил он, изменила вековые формы и даже существо взаимосвязей, установленных между принадлежащими к ней людьми... Нация объединила своих сынов не связями религиозной доктрины, а принадлежностью к турецкой национальности» [2, 19].

Кроме того, турецкое национальное освобождение следовало отличать от антиимпериалистических движений, когда африканские и азиатские народы боролись за свою независимость с западными колониальными державами. Национализм в Турции, хотя и был антиимпериалистическим движением, но как ни парадоксально, также являлся программой культурной и политической вестернизации. Ататюрк часто повторял, что его борьба была направлена непосредственно против западного империализма, а не Запада в целом. При этом курс политической вестернизации, заложенный Ататюрком, осуществляется и в наши дни. Стремление Турции в Евросоюз, начавшееся еще в 1957 г. и продолжающееся по сей день, во многом было обусловлено его взглядами.

Другие принципы кемализма также оказали осязаемое воздействие на формирование турецкой политической системы. Так, «народничество» или популизм, был направлен на достижение равенства всех граждан и отрицал существование социальных классов в турецком обществе в целях предупреждения социальных конфликтов и достижения внутренней стабильности [14, 96].

В системе взглядов Ататюрка принцип народничества был одним из важнейших наряду с принципами национализма и республиканизма. Он указывал, что «подлинный характер нового национального бытия состоит в принципах народности и народного правительства. Надо довести до сознания каждого, – говорил он, – что власть передается народу, который становится, таким образом, хозяином своей судьбы». Кроме того, принцип народничества, по мнению М. Кемаля представлял собой «социальный принцип, воплощающийся в социальной системе, опирающейся на труд и право. Чтобы оградить это право, отстаивать свою независимость, – говорил он, – мы следуем принципу, который предусматривает общенациональную борьбу всего нашего народа, всей нашей национальной общности против империализма, стремящегося уничтожить наше национальное существование, и против капитализма, стремящегося нас проглотить» [2, 182].

Этатизм был программой построения смешанной экономики при лидирующей роли государства и под его контролем. Данный принцип прямо вытекал исходя из наследия османского государства – памяти о финансовом контроле европейскими странами, посредством органа Дююн Умумийе (Düyunü Umumiye), Османской империи в 1881 г. вследствие ее банкротства [12]. Таким образом, неудивительно было слышать от Ататюрка, что «под полной независимостью мы подразумеваем полную экономическую, финансовую, юридическую, военную, культурную независимость и свободу. Быть лишенным хотя бы одной независимости, равносильно быть лишенным всей независимости» [8, 54]. При этом полагая, что Османская империя потерпела крах в большей степени из-за иностранного экономического вмешательства, а также привилегий предоставленных иностранцам, в Анкаре были крайне

подозрительными относительно любых нарушений в экономике. Это подозрение выразалось также в негласном контроле иностранных компаний, функционировавших тогда в Турции. Ататюрк прямо заявлял, что «мы всегда готовы предоставить иностранному капиталу необходимые гарантии при условии, что он будет относиться с уважением к нашим законам.... Однако мы не допустим, чтобы Турцию вновь сделали страной рабов» [2, 177].

При этом некоторые турецкие ученые отмечали, что, «идеи этатизма были изначально включены в проблему турецкой национальной революции». Основное содержание этатизма утверждали они – создание на средства государства или же под его контролем и руководством «непривилегированной и бесклассовой ассоциации». Этатизм противопоставлялся всем другим экономическим системам (коммунистической, капиталистической) и изображался как типичный путь экономического развития турецкого государства.

Ататюрк, будучи основоположником и инициатором этатизма, впервые дал его характеристику на конгрессе РНП в апреле 1931 г. Позже в 1937 г. положение об этатизме было закреплено в Конституции, после чего в 1938 г. был принят закон, регулирующий деятельность госсектора и госпредприятий. К тому же утверждение этатизма проходило в условиях активного противодействия противников усиления роли государства в экономике. В 1930 г. было сломлено сопротивление недолго просуществовавшей Либерально-республиканской партии А.Фетхи. Только несокрушимая твердость Кемалья и его решимость возложить на государство «ответственность за национальную экономику» позволили реализовать избранный тогда курс. Ататюрк неоднократно подчеркивал, что «система этатизма, которую осуществляет Турция, не является системой, заимствованной у мыслителей-социалистов XIX века. Это возникшая из потребностей Турции и свойственная исключительно ей система. В нашем понимании смысл этатизма заключается в следующем: частную инициативу и личную деятельность отдельных граждан считать основой всякой деятельности..., но, принимая во внимание все нужды великой нации и просторной родины... передать экономику страны в руки государства» [1, 36].

Все эти принципы подкреплялись «революционностью» цель которой, прежде всего, состояла в том, чтобы защитить результаты новых реформ от контрреволюций, а также запрете их экспорта за границу. Таким образом, как и турецкий национализм, турецкая революция представляла собой исключительно внутреннее явление. При этом защиту завоеваний кемалистской революции должна была осуществлять, конечно же, армия и Республиканская Народная Партия. Кроме того, важное значение в защите государства Ататюрк уделял турецкой молодежи, на которую возлагал большие надежды. Сам же Кемаль как признанный лидер турецкого народа оставался главным проводником всех дальнейших преобразований, так что длинная серия буржуазных реформ вся шла под эгидой и по инициативе Ататюрка. Обретя дол-

гожданый мир, Турция углубилась во внутренние дела, а Мустафа Кемаль вплоть до своей смерти в 1938 г., стойко отбивал все нападки на него лично и его политику [6, 70].

Таким образом, Ататюрком была создана уникальная политическая идеология, сыгравшая решающую роль в формировании государственного устройства и послужившая основой развития турецкого государства в XX веке. Провозглашенные им основополагающие принципы, были полностью, либо частично, закреплены во всех турецких конституциях, в том числе и в ныне действующей от 1982 г. В связи с чем, можно утверждать о наличии влияния кемалистской идеологии и на современную политико-правовую систему Турции. Сами же принципы не случайно выглядят антагонистическими в сравнении с основными принципами Османской империи – османизмом, панисламизмом и пантюркизмом. Именно стремление Кемаля разорвать с османским прошлым ставило своей первоначальной задачей реформирование всех властных институтов и формирование новой политической системы, которая должна была обеспечить защиту побед и достижений кемализма и тем самым возвеличить турецкий народ.

Библиографический список

1. *Алибеков И.В.* Государственный капитализм в Турции. М., 1962.
2. *Ататюрк К.* Избранные речи и выступления / под ред. А.Ф. Миллера. М.: Изд-во Прогресс, 1966.
3. *Данилов В.И.* Турция 20-30-х годов: путь к демократии // Восток. 1997. №2. С. 70.
4. *Миллер А.Ф.* Становление Турецкой Республики // Народы Азии и Африки. 1973. № 6. С. 46.
5. *Пиотровский С.* Свет и тени Турции. М., 1981.
6. *Розалиев Ю.Н.* Мустафа Кемаль Ататюрк // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 70.
7. *Телляль Э.* Влияние религиозного фактора на турецко-российские отношения (1992-2006) // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2010. № 5. С. 103-108.
8. *Atatürk M.* Nutuk / Ankara: TTK Basımevi, Vol. 2. 1981. P.219.
9. *Aydin M.* Turkish foreign policy: framework and analysis / Center for Strategic Research (SAM), Ankara. 2004. P. 12-13.
10. *Davutoğlu A.* Turkey's Zero-Problems Foreign Policy [Электронный документ]. URL: http://www.mfa.gov.tr/article-by-h_e_-ahmet-davutoglu-published-in-foreign-policy-magazine-_usa_-on-20-may-2010.en.mfa (дата обращения: 28.05.2014)
11. *Dayı E.* Atatürkçü düşünce sistemi ve nitelikleri // Atatürk dergisi. Cilt 3, Sayı 3. 2003. S. 248.

12. *Düyun-u Umumiye* [Электронный документ]. URL: http://tr.wikipedia.org/wiki/Düyun-u_Umumiye (дата обращения: 30.05.2014).
13. *CHP Tarihi* [Электронный документ]. URL: http://www.chp.org.tr/?page_id=67 (дата обращения: 20.05.2014).
14. The New Constitution of Turkey // *Political Science Quarterly*, Volume 40. 1925. P. 85.
15. *Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982* [Электронный документ]. URL: <http://www.anayasa.gen.tr/1982ay.htm> (дата обращения: 25.05.2014).

ATATURK'S POLITICAL IDEOLOGY

A. V. Suleymanov

Politics PhD, associate professor of the department of east languages and lingvocultural science in the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod

The article deals with the political ideology of the founder of the Turkish Republic – Mustafa Kemal Ataturk, consisting of six interrelated elements, each of which is actually one of the key doctrines of Kemalism: republicanism, nationalism, secularism, populism, statism and revolutionary. The author fully described their content and assesses their historical significance for the development of the Turkish state.

Key words: Turkey; Ataturk; Kemalism; republicanism; secularism; populism; statism.

References:

1. *Alibekov I.V.* State capitalism in Turkey. M, 1962. (In Rus.).
2. *Ataturk K.* The selected speeches and performances / Under A.F.Miller's edition. M.: Progress Publishing house, 1966. (In Rus.).
3. *Danilov V.I.* Turkey of 20-30th years: a way to democracy // *Vostok*. 1997. №2. P. 70. (In Rus.).
4. *Miller A.F.* Formation of Turkish Republic // *The People of Asia and Africa*. 1973. № 6. P. 46. (In Rus.).
5. *Piotrovsky S.* Light and shades of Turkey/ M, 1981. P. 12. (In Rus.).
6. *Rozaliev Yu.N.* Mustafa Kemal Ataturk // *History Questions*. 1995. № 8. P. 70. (In Rus.).
7. *Tellal E.* Influence of the religious factor on the Turkish-Russian relations (1992-2006) // *Islam on Near and Middle East 2010*. № 5. P. 103-108. (In Rus.).

8. *Atatürk M. Nutuk* / Ankara: TTK Basımevi, Vol. 2. 1981. P.219. (In English).
9. *Aydin M. Turkish foreign policy: framework and analysis* / Center for Strategic Research (SAM), Ankara. 2004. P. 12-13. (In English).
10. *Davutoğlu A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy* [Electronic resource]. URL: http://www.mfa.gov.tr/article-by-h_e_-ahmet-davutoglu-published-in-foreign-policy-magazine-_usa_-on-20-may-2010.en.mfa (reference date: 5/28/2014). (In English).
11. *Dayı E. Atatürkçü düşünce sistemi ve nitelikleri* //Atatürk dergisi. Cilt 3, Sayı 3. 2003. S. 248. (In Turkey).
12. *Düyun-u Umumiye* [Electronic resource]. URL: http://tr.wikipedia.org/wiki/Düyun-u_Umumiye (reference date: 5/30/2014). (In Turkey).
13. *CHP Tarihi* [Electronic resource]. URL: http://www.chp.org.tr/?page_id=67 (reference date: 5/20/2014). (In English).
14. *The New Constitution of Turkey* // Political Science Quarterly, Volume 40. 1925. P. 85. (In English).
15. *Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982* [Electronic resource]. URL: <http://www.anayasa.gen.tr/1982ay.htm> (reference date: 5/25/2014). (In Turkey).

УДК-327.8

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АМБИЦИИ УЗБЕКИСТАНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Д.С. Плотников¹

В статье анализируется внешняя политика Узбекистана в отношении сопредельных Киргизии и Таджикистана, а также позиция России в регионе Центральной Азии. Рассматриваются узбекско-киргизские и узбекско-таджикские противоречия. Характеризуются ресурсы Узбекистана, опираясь на которые Ташкент активизирует внешнеполитическую деятельность. Выявляются общие региональные угрозы и перспективы российско-узбекских отношений.

Ключевые слова: Узбекистан; Киргизия; Россия; внешнеполитические ресурсы; афганская проблема.

Распад Советского Союза и образование СНГ изменили положение России на международной арене. Российское правительство стремилось на новой основе организовать военно-политическое сотрудничество с бывшими советскими республиками. Так, в 1993 г. Россия, Белоруссия, Казахстан, Азербайджан, Грузия и Узбекистан заключили договор о коллективной безопасности (ДКБ, с 2002 г. – ОДКБ), количество членов которого варьировалось от 6 до 9. Однако межгосударственные отношения России с некоторыми бывшими советскими республиками складывались и складываются неоднозначно. Серьезные проблемы существуют в Центрально-Азиатском регионе, в частности, в отношениях с Узбекистаном. Летом 2012 г. Узбекистан приостановил членство в ОДКБ. В начале осени того же года президент Узбекистана И.Каримов намекнул на возможность военных действий в случае неурегулирования водных проблем с Таджикистаном и Киргизией [18]. Обострение обстановки в этом регионе способствовало интенсификации военного сотрудничества Таджикистана и Киргизии с Россией. Москва начала активно перевооружать скромные по численному составу армии Киргизии и Таджикистана. По сообщениям прессы, «Таджикистан должен получить вооружений на сумму около 200 млн долларов. Контракт с Киргизией оценивается в 1,1 миллиарда долларов» [10]. Данные события разворачиваются на фоне сокращения американского присутствия в Афганистане и реваншистских настроений среди движения «Талибан». Как известно, движение «Талибан» вы-

---

¹ Плотников Дмитрий Сергеевич – к.полит.н., ст. преподаватель кафедр политических наук и государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: plotnikov.perm@mail.ru.

@ Плотников Д.С., 2015

ступает за создание теократических государств на территории Центральной Азии и с этой целью активно способствует развертыванию исламистских военизированных группировок, нацеленных на насильственный захват власти в своих республиках. Обострение обстановки в этом регионе обуславливает необходимость более пристального рассмотрения внешнеполитических ориентаций ряда региональных акторов, и, прежде всего, Узбекистана.

Концентрация внимания на Узбекистане объясняется еще и тем, что Ташкент традиционно рассматривает себя в качестве регионального лидера. В силу этого президент И.Каримов «ревностно» реагирует на любое усиление чьих-либо позиций в Центральной Азии. Официальный Ташкент считает, что Узбекистан в состоянии проводить самостоятельный внешнеполитический курс, блокируясь с теми или иными группами стран лишь для создания «противовеса» или для решения общих проблем (согласно внешнеполитической доктрине республики Узбекистан, «главным стратегическим направлением ... является... невхождение в военные блоки»¹) [6]. Россия воспринимается политическими элитами Узбекистана как один из ключевых игроков на пространстве Центральной Азии, интересы которого во многом противоречат позиции Узбекистана. По мнению узбекских оппозиционеров, президент И.Каримов опасается увеличения влияния России ввиду того, что «ее руководство до сих пор одержимо старыми имперскими и великодержавными амбициями» [13]. Беспокойство Ташкента также вызывает активное военно-политическое сотрудничество России с Таджикистаном и Киргизией, странами, в которых достаточно сильны антиузбекские настроения [17].

Стремление Ташкента к гегемонии на пространстве Центральной Азии подкрепляется наличием целого ряда ресурсов.

Во-первых, наличием сильной по региональным меркам *армии*. В настоящее время «вооруженные силы Узбекистана оцениваются военными экспертами как наиболее боеспособные в регионе» [8]. С точки зрения военных аналитиков, после распада СССР «правительство незамедлительно принялось за реформирование армии и достигло в этом наибольших успехов среди всех государств в Центральной Азии» [1]. Не обладая собственным ВПК, узбекская армия вооружена преимущественно еще советским оружием, которое вполне исправно, но морально устарело. Армии сопредельных Киргизии и Таджикистана кратно меньше по численности и менее боеспособны, что позволяет Узбекистану уверенно чувствовать себя в регионе. Так, армия Узбекистана насчитывает около 68 тыс. военнослужащих [20], тогда как личный состав армии Киргизии – 15 тыс.[3], а Таджикистана – 7,6 тыс. [7]. Те же тенденции прослеживаются и в отношении северного Казахстана (правда, отрыв Узбекистана в военной мощи не выглядит столь незыблемым и безусловным, в отличие от южных соседей по постсоветскому пространству). Военные рас-

---

¹ Эта же идея прослеживается в новой «Концепции внешнеполитической деятельности страны» от 2012 г. <http://www.gov.uz/ru/press/politics/15236>.

ходы Узбекистана и Казахстана составляют порядка 1,5 миллиарда долларов в год, что в десятки раз превышает военные бюджеты таких стран, как Киргизия или Таджикистан [2]. Военная доктрина Узбекистана претерпела определенную эволюцию. В настоящее время традиционные вызовы и угрозы сменяются новыми – терроризмом и религиозным экстремизмом. Боеспособность узбекской армии была продемонстрирована в ходе вторжения религиозных экстремистов в Баткенскую область Киргизии с территории Таджикистана в августе 1999 г. и летом 2000 г. также на юге Киргизии. В ходе боев столкновений позиции боевиков подверглись авиаудару узбекских ВВС, что способствовало дезорганизации исламистов.

Во-вторых, гегемонистские устремления Ташкента подкрепляются наличием богатого *энергетического ресурса*. Как известно, Узбекистан занимает 11-е место в мире по добыче природного газа, ежегодная добыча которого составляет 65 млрд. куб. м. [23]. При этом узбекское руководство нацелено на увеличение доли экспорта газа, которое планирует наращивать за счет внутренних потребителей [4]. Ключевым партнером Ташкента в газовой отрасли является Китай, с которым Узбекистан связывает открытый в 2009 г. газопровод. На китайском направлении объемы перекачки газа наращиваются в разы. С Китаем также подписаны совместные соглашения и о разработке ряда месторождений [23]. Эти процессы, на наш взгляд, способны существенно увеличить доходы Узбекистана, которые могут быть использованы для достижения, в том числе, и внешнеполитических целей.

В-третьих, Ташкент стремится оправдать курс на региональную гегемонию также *идейно-символическим наследием*. В качестве ключевой исторической фигуры, подчеркивающей избранность узбекского народа, его историческое значение, выбран Тамерлан, в честь которого в республике «было названо великое множество улиц, районов и хозяйств» [21], воздвигнуты памятники на центральных площадях. Изображение одного из таких памятников украшает лицевую сторону купюры номиналом в 500 сум. Фигура Тамерлана призвана не только заполнить идеологический вакуум, возникший после краха СССР, но и указать узбекскому народу на ту великую роль, которую он играл в прошлом, с проекцией на настоящее и будущее. Президент Каримов неоднократно предъявлял территориальные претензии соседним государствам (в том числе, Киргизии и Таджикистану), на том основании, что эти территории некогда входили в состав «Великого Узбекского государства». В статье «Узбекистан. Вступление в НАТО и территориальные претензии» [22] президент оправдывает территориальные претензии к Казахстану. Он отмечает, что «вся территория нынешнего Казахстана раньше принадлежала не только первому узбекскому государству, с 1312 г. носившему название Узбекистан, но и первому национальному узбекскому государству, которое называли Узбекским ханством, не говоря уж о Кокандском ханстве, что доказано ... и самими казахскими историками, за что мы им очень благодар-

ны» [22]. Помимо Казахстана президент Каримов на том же основании предъявляет претензии и к Туркменистану. Он пишет, что «... к Туркменистану у Узбекистана нет претензий, кроме претензий на всю его территорию, как к бывшей территории узбекских государств – Узбекистана, созданного Узбек-ханом (1312-1395) и Хивинских ханств» [22]. Далее следует Украина. Президент заявляет: «А по отношению к Украине территориальные претензии Узбекистана касаются тех территорий, которые раньше, во времена первого независимого Узбекского государства (1312-1395), принадлежали одной из его административно-территориальных единиц – Крымскому ханству. Поэтому Узбекистан, в первую очередь, должен потребовать передачи под его юрисдикцию Автономную Республику Крым» [22]. Таким образом, история, с позиции узбекского руководства, служит инструментом, оправдывающим геополитические амбиции.

В-четвертых, демографический потенциал. Население Узбекистана непреклонно растет в последние десятилетия, перешагнув в 2013 г. 30-миллионную отметку [15]. По прогнозам специалистов, к середине XXI в. Узбекистан по численности населения обгонит Украину (где происходит естественная убыль населения) и будет приближаться к 40-миллионной отметке [5, 275.]. Также не стоит сбрасывать со счетов многочисленное узбекское население Таджикистана, Киргизии и Афганистана. В Таджикистане проживает порядка 937 тысяч узбеков [11] (данные, возможно, занижены), что составляет около 15% населения Таджикистана. Вместе с тем, в Узбекистане проживает около 1,6 млн таджиков. Многие города Узбекистана таджикоязычны.

В новейшей истории Ташкент не раз использовал узбекскую диаспору для достижения внешнеполитических целей. Так, во время гражданской войны в Афганистане президент Каримов активно вооружал лидера узбекских военизированных формирований генерала Рашида Дустума и даже организовывал с ним личные встречи. «Заигрывания» Ташкента с узбекскими движениями Таджикистана и Киргизии вызывают опасения у соседей, порождая их недоверие, что является одной из причин напряженности в регионе. Помимо этого, Узбекистан предпринимает попытки силовым способом навязать свою волю сопредельным государствам. Как известно, Ташкент стоял за попыткой военного переворота в Таджикистане, предпринятой под руководством полковника Махмуда Худойбердыева, в ноябре 1998 г. Это произошло после того, как проузбекские силы были оттеснены от властных рычагов в Таджикистане президентом Э.Рахмоном [12, 135].

Недостаточность политических и экономических рычагов Ташкент стремится компенсировать силовыми ресурсами. Эта же тактика прослеживается в стремлении повлиять на систему перераспределения водных ресурсов региона. Приостановка членства в ОДКБ «развязала руки» Ташкенту. Резкой критике подвергся российско-киргизский проект строительства Кам-

баратинской ГЭС-1 и Камбаратинской ГЭС-2, осуществляемый при активном участии российских компаний «Русгидро» и «Интер РАО ЕЭС» [14]. С позиции Ташкента возведение ГЭС существенно уменьшает водные ресурсы Узбекистана. Ухудшению узбекско-киргизских отношений также способствовали этнические погромы, направленные против узбеков в Киргизии. Они вызвали резкие выпады в прессе со стороны узбекского президента. Обострилась и обстановка на узбекско-киргизской границе, где имели место перестрелки с человеческими жертвами, спровоцированные узбекской стороной [16]. Этот инцидент использовался Ташкентом для закрытия ключевого пограничного пункта, соединяющего Узбекистан и Киргизию.

Таким образом, Ташкент уверенно позиционирует себя в качестве регионального лидера, считающего возможным в одностороннем порядке принудить соседей к выполнению действий, угодных Узбекистану. Россия же воспринимается, с одной стороны, как нежелательный игрок, усиливающий позиции конкурентов. С другой стороны, она является противовесом Западному влиянию на Узбекистан. Ухудшение отношений Узбекистана с США и Западной Европой вследствие жёсткого подавления мятежа в Андижане в мае 2005 г. способствовало корректировке внешней политики Ташкента. Критика узбекского президента за нарушение прав человека привела к закрытию американской военной базы на территории Узбекистана в Карши-Ханабад в ноябре 2005 г., а также интенсифицировала российско-узбекские отношения. Российская сторона совместно с КНР воспринимала андижанские события как исключительно внутреннее дело Узбекистана. Вследствие этих событий узбекский «маятник» внешней политики качнулся в сторону России. Восстановление членства Узбекистана в ОДКБ в августе 2006 г. было призвано обезопасить Ташкент от нападков со стороны Запада (в том же году Узбекистан вступил в ЕврАзЭС, но уже через два года покинул ряды этой организации). Снятие санкций с Узбекистана и нормализация отношений со странами Запада, по мнению президента Каримова, делали бессмысленным нахождение Узбекистана в патронированных Москвой военно-политических и экономических организациях. Выход из этих организаций был делом времени, поскольку он «развязывал руки» узбекскому лидеру и позволял проводить более жесткую внешнюю политику. Вместе с тем, давление Ташкента на сопредельные государства способствует усилению в регионе позиций России, которая может выступить в качестве «противовеса» Узбекистану, гарантируя в рамках ОДКБ безопасность Киргизии и Таджикистана. Последним тесное военно-политическое сотрудничество с Россией приносит ряд преимуществ. Во-первых, льготные поставки российских вооружений. Во-вторых, подготовка офицерского корпуса в российских военных ВУЗах. В-третьих, российское военное присутствие нивелирует некоторые внутренние и внешние угрозы, в частности, угрозу внешних вторжений и попытки захвата власти религиозными экстремистами. Данная ситуация может возникнуть

при неблагоприятном развитии событий в Таджикистане, где расположена крупнейшая российская военная база, численность личного состава которой сопоставима с армией Таджикистана и насчитывает около 7,5 тыс. военнослужащих. И, наконец, в-четвертых, для модернизации экономик Таджикистана и Киргизии весьма привлекательны российские компании, технологии, инвестиции.

Россия и Узбекистан также имеют общие точки соприкосновений. В первую очередь, это касается афганского вопроса. Согласно заявлениям президента США Б. Обамы, американский воинский контингент покинет территорию Афганистана в 2014 г. По мнению аналитиков, это приведет к активизации движения «Талибан», которое, при определенных обстоятельствах, способно вновь овладеть Кабулом. Дестабилизация обстановки в Афганистане волнует как российское, так и узбекское руководство. Россия и Узбекистан уже не раз сталкивались с проблемой религиозного экстремизма и терактами в столицах. При этом, движение «Талибан» оказывало активную помощь, как экстремистским группам Северного Кавказа, так и радикальным узбекским движениям. Обе страны имеют необходимые силовые ресурсы для противодействия экспансии религиозного экстремизма и наркотиков из Афганистана в регион Центральной Азии. Предстоящий вывод «международных сил» из Афганистана побудил президента Каримова в апреле 2013 г. посетить Москву. Основной целью этого визита была «сверка» часов по афганскому вопросу между Россией и Узбекистаном. В совместном заявлении глав государств И.Каримов признал, что «присутствие России в Центральной Азии... является важным фактором укрепления мира и стабильности, предотвращения ползучей экспансии экстремизма и радикализма в регионе» [19]. Президент России В.Путин, в свою очередь, отметил, что в связи с выводом войск из Афганистана достигнута договоренность «эту тему и далее внимательно отслеживать и согласовывать возможные совместные шаги» [19]. Таким образом, прослеживаются тенденции сближения позиций России и Узбекистана по афганскому вопросу. На наш взгляд, это является продуктивным шагом, поскольку совместные действия этих стран могли бы с большей вероятностью нивелировать опасности, исходящие из нестабильного афганского региона.

Библиографический список

1. Армии на постсоветском пространстве: есть ли перспективы развития? [Электронный ресурс]. URL: <http://topwar.ru/9890-armii-na-postsovetском-prostranstve-est-li-perspektivy-razvitiya.html> (дата обращения: 27.09.2013).
2. Армии постсоветских республик Центральной Азии: военная мощь с американским акцентом [Электронный ресурс]. URL: <http://oko-planet.su/politik/politikmir/126775-armii-postsovetских-respublik-centralnoy->

- azii-voennaya-mosch-s-amerikanskim-akcentom.html (дата обращения: 27.09.2013).
3. Битва при Амударье [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/society/article/70075/> (дата обращения: 27.09.2013).
  4. Британская компания British Petroleum оценила запасы нефти и газа в Узбекистане [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=18891> (дата обращения: 27.09.2013).
  5. Вишневский А.Г. Демографическая ситуация // Россия и Мир новая эпоха. М., 2008.
  6. Военная доктрина республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: http://www.lex.uz/Pages/GetAct.aspx?lact_id=134026 (дата обращения: 27.09.2013).
  7. Вооруженные силы Таджикистана [Электронный ресурс]. URL: <http://belarmy.by/army-mira/vooruzhyonnye-sily-tadzhikistana> (дата обращения: 27.09.2013).
  8. Вооруженные силы Узбекистана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.military-informant.com/index.php/force/382-uzbekistan.html> (дата обращения: 27.09.2013).
  9. Дневник стройки Камбаратинских ГЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://library.kat.kg/?p=2204> (дата обращения: 03.10.2013).
  10. Иванов А. Битва при Амударье [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/society/article/70075/> (дата обращения: 03.10.2013).
  11. Итоги переписи населения Таджикистана 2000 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0191/analit05.php> (дата обращения: 03.10.2013).
  12. Казанцев А.А. «Большая игра» в Центральной Азии с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008.
  13. Каримов намерен создать антироссийскую коалицию в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://uzbekistanerk.com/rus/?p=3441> (дата обращения: 05.10.2013).
  14. Киркизия и Россия подписали соглашение по Камбаратинской ГЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20120920/754759688.html#13818514496444&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration> (дата обращения: 05.10.2013).
  15. Население Узбекистана превысило 30 миллионную отметку [Электронный ресурс]. URL: http://www.infox.ru/authority/foreign/2013/02/20/Nasyelyeniye_Uzbyeki.phtml (дата обращения: 06.10.2013).
  16. На киргизско-узбекской границе произошла перестрелка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/07/23/1155567.html> (дата

- обращения: 06.10.2013).
17. Ош, залитый кровью [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianews.ru/second/32606> (дата обращения: 07.10.2013).
  18. Президент Узбекистана резко выразился против строительства Камбаратинской и Рогунской ГЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=19412> (дата обращения: 07.10.2013).
  19. Путин и Каримов совместное заявление <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1366135920> (дата обращения: 07.10.2013).
  20. Российская газета «ВПК»: Узбекистанская армия не сумеет отразить атаки талибов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/news/20656> (дата обращения: 07.10.2013).
  21. Тамерлан вместо Ленина <http://strana.lenta.ru/uzbekistan/timur.htm> (дата обращения: 08.10.2013).
  22. Узбекистан: вступление в НАТО и территориальные претензии [Электронный ресурс]. URL: http://www.inosmi.ru/12_uz/20130708/210759352.html (дата обращения: 08.10.2013).
  23. Центральная Азия- геополитика и «война» трубопроводов [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldandwe.com/ru/page/Centralnaya_Aziya__geopolitika_i_voyna_truboprovodov.html (дата обращения: 08.10.2013).

REGIONAL AMBITIONS OF UZBEKISTAN IN THE LIGHT OF RUSSIAN POLICY IN CENTRAL ASIA

D.S. Plotnikov

PhD in political science, Senior lecturer of Department of Political science, Perm State University

The article analyzes the foreign policy of Uzbekistan in relation to neighboring Kyrgyzstan and Tajikistan, as well as the position of Russia in Central Asia. Uzbek-Kyrgyz and Uzbek-Tajik conflicts are examined. The resources of Uzbekistan are characterized, based on which Tashkent activates foreign policy. The common regional threats and prospects for Russian-Uzbek relations are identified.

Key words: Uzbekistan; Kyrgyzstan; Russia; foreign policy resources; the Afghan problem.

References:

1. Army of the former Soviet Union: Are there any prospects of development? [Electronic resource]. URL: <http://topwar.ru/9890-armii-na-postsovetskom-prostranstve-est-li-perspektivy-razvitiya.html> (date of access: 27.09.2013). (In Rus.).
2. Army of the former Soviet republics of Central Asia: military power with an American accent [Electronic resource]. URL: <http://oko-planet.su/politik/politikmir/126775-armii-postsovetskih-respublik-centralnoy-azii-voennaya-mosch-s-amerikanskim-akcentom.html> (date of access: 27.09.2013). (In Rus.).
3. Battle of the Amu Darya [Electronic resource]. URL: <http://svpressa.ru/society/article/70075/> (date of access: 27.09.2013). (In Rus.).
4. The British company British Petroleum has estimated oil and gas reserves in Uzbekistan [Electronic resource]. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=18891> (date of access: 09.27.2013). (In Rus.).
5. *Vishnevsky A.G.* Demographic Situation // Russia and the World in 2008 a new era. M., 2008. (In Rus.).
6. Military Doctrine of the Republic of Uzbekistan [Electronic resource]. URL: http://www.lex.uz/Pages/GetAct.aspx?lact_id=134026 (date of access: 09.27.2013). (In Rus.).
7. The armed forces of Tajikistan [Electronic resource]. URL: <http://belarmy.by/army-mira/vooruzhyonnye-sily-tadzhikistana> (date of access: 27.09.2013). (In Rus.).
8. The armed forces of Uzbekistan [Electronic resource]. URL: <http://www.military-informant.com/index.php/force/382-uzbekistan.html> (date of access: 27.09.2013). (In Rus.).
9. Diary construction Kambarata [Electronic resource]. URL: <http://library.kat.kg/?p=2204> (date of access: 03.10.2013). (In Rus.).
10. *Ivanov A.* Battle of the Amu Darya [Electronic resource]. URL: <http://svpressa.ru/society/article/70075/> (date of access: 10.03.2013). (In Rus.).
11. The results of census of Tajikistan 2000 [Electronic resource]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0191/analit05.php> (date of access: 03.10.2013). (In Rus.).
12. *Kazantsev A.A.* "Great Game" in Central Asia with unknown rules: World politics and Central Asia M., 2008. (In Rus.).
13. Karimov intends to create an anti-Russian coalition in Central Asia [Electronic resource]. URL: <http://uzbekistanerk.com/rus/?p=3441> (date of access: 10.05.2013). (In Rus.).
14. Kirkiziya and Russia signed an agreement on Kambarata [Electronic resource]. URL: <http://ria.ru/economy/20120920/754759688.html#13818514496444&message=>

- resize&relto=login&action=removeClass&value=registration (date of access: 05.10.2013). (In Rus.).
15. Uzbekistan's population exceeded 30 million mark [Electronic resource]. URL: http://www.infox.ru/authority/foreign/2013/02/20/Nasyelyeniye_Uzbyeki.phtml (date of access: 10.06.2013). (In Rus.).
  16. In the Kyrgyz-Uzbek border skirmish [Electronic resource]. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/07/23/1155567.html> (date of access: 06.10.2013). (In Rus.).
  17. Osh, covered with blood [Electronic resource]. URL: <http://www.russianews.ru/second/32606> (date of access: 10.07.2013). (In Rus.).
  18. President of Uzbekistan sharply expressed against the construction of Kambarata and Rogun HPP [Electronic resource]. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=19412> (date of access: 07.10.2013). (In Rus.).
  19. Putin and Karimov joint statement [Electronic resource]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1366135920> (date of access: 07.10.2013). (In Rus.).
  20. The Russian newspaper "MIC": The Uzbek army will not be able to repulse the attacks of the Taliban [Electronic resource]. URL: <http://www.fergananews.com/news/20656> (date of access: 10.07.2013). (In Rus.).
  21. Tamerlane instead of Lenin [Electronic resource]. URL: <http://strana.lenta.ru/uzbekistan/timur.htm> (date of access: 10.08.2013). (In Rus.).
  22. Uzbekistan accession to NATO and territorial claims [Electronic resource]. URL: http://www.inosmi.ru/12_uz/20130708/210759352.html (date of access: 08.10.2013). (In Rus.).
  23. The Central Asia-geopolitics and "war" pipelines [Electronic resource]. URL: http://www.worldandwe.com/ru/page/Centralnaya_Aziya__geopolitika_i_voyn_a_truboprovodov.html (date of access: 10.08.2013). (In Rus.).

УДК-323(470+571)

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ МЕЖДУ ПОСТИМПЕРСКИМ СИНДРОМОМ И СИНДРОМОМ ЖЕРТВЫ

*В.Ш. Сургуладзе*¹

Имперское российское самосознание в конце XX – начале XXI вв. снова столкнулось с самосознанием жертвы, характерным для окружающих Россию государств, входивших когда-то в орбиту её имперского влияния. Понимание образа мира-жертвы и образа мира-империи необходимо для прагматичной и взвешенной внешней политики. При столкновении этих двух мировоззрений, представителям имперского самосознания значительно проще сохранять прагматизм, так как у них отсутствует синдром жертвы, а имперское прошлое помогает выстраивать сложный фундамент национального самосознания, без доминирования в нём факторов негативной идентичности, зависящей от конфронтации с реальным или вымышленным внешним врагом. В статье особое внимание уделено геополитическим предпосылкам формирования и взаимодействия постимперского синдрома и синдрома жертвы в Грузии.

Ключевые слова: идеология; идентичность; национальное самосознание; постимперский синдром; синдром жертвы; коллективное бессознательное.

Российская Империя и Советский Союз, как и многие иные имперские образования в реальности нередко выступали своеобразным инкубатором, утробой, в которой формировался национализм и вызревали понятия о собственной самобытности, отдельности, желание претворения в жизнь независимости в оформленных и конкретных географических границах. Отделяющиеся или отделившиеся от имперских государственных организмов народы-нации редко признают тот факт, что одним из наиболее важных факторов на пути их национального становления и самоопределения выступали именно внешние имперские структуры, отталкиваясь от которых, противопоставляя себя которым и в то же время, используя которые, укреплялось национальное самосознание и предпосылки для успешного самостоятельного национального независимого государственного бытия.

Империализм, который не всегда органично сочетается с национализмом, а подчас вообще воспринимается как противоречащий ему феномен, фактически содействовал, как ни парадоксально это может звучать, форми-

---

¹ Сургуладзе Вахтанг Шотович – старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ), кандидат философских наук. E-mail: bafing@mail.ru @ Сургуладзе В.Ш., 2015

рованию как империализующих, так и империализуемых наций, способствовал становлению их коллективной идентичности.

Распад империи всегда наносит болезненный удар по самосознанию имперской нации, приводит к необходимости заново себя осознать и вписать в картину изменившегося непривычного мира. Земли, которые воспринимались своими, народы, которые ещё недавно считались «братскими», становятся открыто враждебными. Но кроме печали по утраченной империи, постимперского синдрома, носителям имперского сознания остаётся славное прошлое, которое при благоприятных обстоятельствах не омрачается синдромом жертвы – той особенностью, которой часто страдают подвергавшиеся когда-то колонизации и имперскому правлению народы. Именно этой особенностью механизма взаимодействия имперского и национального сознания в постимперский период объясняются все внешнеполитические сложности России, с которыми она сталкивается в начале XXI в. на внешнеполитической арене во взаимодействии со странами, бывшими когда-то сателлитами или республиками СССР. Все распавшиеся или прошедшие пики внешнеполитического могущества имперские образования сталкиваются с проблемой нового выстраивания взаимоотношений с историческими соседями.

Синдром жертвы и национализм отделившихся частей империи сталкиваются с постимперским синдромом страны, бывшей когда-то ядром империи. А.И. Миллер следующим образом охарактеризовал этот процесс: «Русские отличаются от всех других народов, живущих по соседству с ними, в одном очень важном элементе. В самосознании всех других народов очень большую роль играет мотив этнической виктимизации, то есть то, что они были жертвами какого-то «чужого» режима, – будь то Российская империя или поляки, которые сами, в свою очередь, стали жертвами... Но от Советской власти досталось заведомо всем. При этом у всех остальных есть мотив этнической жертвы, а у русских такого мотива нет. *Русские всегда воспринимали государство как своё, не как этнически чуждое*» [10, 109–110; 11, 10–11].

Постимперские кризисы национального самосознания становятся коллективным неврозом, причиной которого является несоответствие идеализированных представлений общества о себе, с тем качеством, в котором оно существует в реальности. Утраченная империя или «Золотой век» истории становятся коллективным Супер-Эго – источником коллективных неврозов.

В соответствии с концепцией Зигмунда Фрейда Супер-Эго, или Сверх-Я (*Über-Ich*) – комплекс представлений человека о том, каким он должен быть, чему должен соответствовать, чего достигать, как себя вести, что собой представлять, взглядов на то, что правильно и морально, достойно, чего необходимо избегать и что заслуживает осуждения. Супер-эго формируется окружением, воплощает в себе традиции и «вечные» ценности, передаваемые из поколения в поколение. Идеал супер-эго – идеал самого себя, к которому

человек стремится, и не отвечая которому, начинает испытывать психологический дискомфорт, та высота, с которой судят самих себя. «Эго-идеал», – писал Фрейд, – очень важен для понимания психологии группы. Помимо своей индивидуальной стороны, этот идеал имеет социальную сторону; он является также общим идеалом семьи, класса или нации» [21, 101; 18, 220]. Супер-эго направляет личность к социально одобренным формам поведения и оценкам.

Империя как идеал становится коллективным Супер-Эго – мерилем коллективного успеха и самооценки общества, отступление от которого – болезненный и непростой процесс, так как затрагивает глубины коллективной психологии и коллективных поведенческих установок общества.

Сложность взаимодействия имперского сознания России с самосознанием жертвы, присущим её соседям, усиливается тем, что виктимность малых народов имеет длительную «дороссийскую» историю, была присуща этим нациям задолго до их вхождения в орбиту российского влияния.

Ещё в 1946 г. из-под пера венгерского мыслителя Иштвана Бибо вышла работа под заглавием «О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств», в которой рассматривались исторические корни *виктимного синдрома* малых наций Восточной Европы [4, 155–262]. Начиная с турецкой экспансии на Запад и заканчивая многочисленными разделами сфер влияния и территорий между Пруссией, Австрией и Россией, а затем Германией и СССР, Восточная Европа на протяжении 400 лет занимала положение между молотом и наковальней. Страх потери суверенитета и утраты своей культуры и самобытности стал в этих обстоятельствах неотъемлемой частью коллективного бессознательного.

Кроме описанных выше объективных исторически обусловленных причин синдрома жертвы могут иметь значения и другие факторы ущемлённого национального самосознания. Самобытным и талантливым малым народам часто приходится сталкиваться с необходимостью самоутверждения в мире, где правят бал великие государства. Иногда это самоутверждение получается несколько надрынным. Достижения больших государств хорошо известны, малым же народам приходится громко кричать, чтобы мир признал их уникальность, талантливость и заслуги. В результате что-то может показаться гипертрофированным, даже забавным, вызвать снисходительный имперский взгляд представителей великих и обширных государств. В таких условиях сильное национальное самосознание страдает от неразделённости восприятия себя миром. Само общество, осознавая своё великое прошлое и достижения гордится собой, но постоянно испытывает дискомфорт, сталкиваясь с восприятием своего образа со стороны других народов и государств, которые не знают их достижений и не видят в них самостоятельной исторической ценности.

Усилению синдрома жертвы малых народов способствуют сохраняемая в коллективном бессознательном память о великом прошлом, о котором окружающий мир и окружающие народы не подозревают и ничего не помнят. Коллективное бессознательное лежащее в историческом прошлом общества – ключ к пониманию виктимного восприятия малых народов.

Грузия – между великим прошлым и поисками пути в будущее

Гипертрофированный патриотизм, питаемый великим прошлым, можно проиллюстрировать на примере такой древней страны, как Грузия, страны, о которой писали Геродот [6, Кн. I: 2, 104; Кн. II: 104–105; Кн. III: 97; Кн. IV: 37, 40, 45; Кн. VII: 62, 79, 193, 197], Страбон [16, 467, 471–473, 474–475 и др.], Ксенофонт [9, 108–110, 118], Диодор Сицилийский [20, Book IV. Ch. 40, 42, 45–48, 56. (Ed. 1935. Vol. II, P. 472–523)], Дион Кассий [19, Book XXXVII. Ch. 1–3 (Ed. 1914. Vol. 3, p. 103); Book XLIX. Ch. 24 (Ed. 1917. Vol. 5, p. 391); Book LXIX. Ch. 15. (Ed. 1925. Vol. 8, p. 453); Book LXX. Ch. LXIX:15. (Ed. 1927. Vol. 9, p. 471).], Прокопий Кесарийский [14, 35–36] и Агафий Схоластик [1, Кн. II. Гл. 18, 21–22, 24, 27; Кн. III. Гл. 1–6, 8–16, 18, 19, 27; Кн. IV. Гл. 1–3, 5–7, 9–13, 15, 20–23, 30–31. Кн. V. Гл. 1, 2, 13], древней воспетой мифом Колхиды¹ греков и Иберии² римлян, страны бывшей ареной борьбы между Гнеем Помпеем и Митридатом Евпатором [2, 258, 283, 302, 103, 303–304, 311–312; 13, 220, 223, 225, 232].

В начале I в. Страбон отмечал, что описанные в мифах странствования Ясона показывают, насколько знаменита была эта страна в древности [16, 473]. «Действительно, – писал историк, – Иберия большей частью так хорошо застроена городами и посёлками, что там есть даже черепичные крыши, рыночные площади и другие сооружения, воздвигнутые по правилам архитектуры» [16, 474].

Кроме мифа об аргонавтах, который красочно передал Диодор Сицилийский и другие античные авторы, послужившего материалом для огромного числа художественных произведений, в XVII – начале XIX столетия в Европе преобрела популярность история Радамиста и Зенобии, которую описал Тацит [17, Кн. XII. Гл. 44–47, 50–51; Кн. XIII. Гл. 6, 37]. Трагическая судьба этой пары легла в основу ряда произведений – оперы Генделя, трагедии Кребийона-старшего, неоконченной пьесы Грибоедова, картин Пуссена и Сабателли.

---

¹ Под Колхидой древние греки подразумевали значительно более обширную территорию, чем современная Грузия. В Колхиду входили вся современная Западная Грузия, часть Южной Грузии и земли за пределами Грузии, вдоль черноморского побережья, к юго-востоку и югу от него, населённые грузинскими племенами.

² Или Иверия – древнее название Восточной Грузии (Картли), упоминаемое античными и византийскими авторами.

Подобные отголоски древней известности и международной славы горько оттеняют положение народов, настоящее которых не отвечает воспоминаниям о великом прошлом.

Вершиной исторической славы Грузии было XII столетие. Тогда грузинские самодержцы величали себя царями царей и мечом мессии, притяжали на роль освободителей христиан Закавказья, были готовы бросать вызов Византии и успешно противостояли коалициям мусульманских государств. Это был период феноменального расцвета всех сфер культуры от монументального зодчества до литературы, эпоха высокого уровня культуры быта и экономического расцвета, бурной торговли, развития ремёсел, интенсивного культурного обмена. В XII столетии в Грузии были основаны Гелатская и Икалтойская академии, в которых преподавали выдающиеся учёные, приглашавшиеся Давидом Строителем из Византии. В академиях изучали геометрию, математику, астрономию, философию, грамматику, риторику и музыку, изучали и переводили арабскую, персидскую и греческую литературу.

Грузинские цари создавали очаги грузинской культуры в Болгарии, Греции и Иерусалиме, отправляли молодых людей на учёбу за границу. XII в. был для Грузии эпохой Руставели, в поэме которого отразился весь блеск современного ему государства. И хотя местом действия «Витязя в тигровой шкуре» выступает не Грузия, а Аравия, Индия, сказочные восточные страны, текст произведения убедительно свидетельствует о достижениях своего времени, равно как и о сильнейших ирано-византийских культурных влияниях на эту страну.

«Негрузинский» характер поэмы Руставели своеобразно подчёркивает самоуверенность грузин его эпохи. Явно нехристианские стилистические формы героев и стран, описываемых в поэме, негрузинские, но и не чуждые территориально близкой и известной миру исламского Востока Грузии. Эта «интернациональность» поэмы – своеобразное свидетельство имперского сознания грузинской элиты XII в., её кругозора, не ограничивавшегося национальными формами и рамками.

В интернациональном характере «Витязя в тигровой шкуре» в то же время можно видеть и проявление типично феодального, донационалистического, легитимистского восприятия мира, в котором схожие социальные нормы и отношения давали элитам почву для межкультурного взаимопонимания. Кроме политических и религиозных противоречий с соседними государствами и владетелями у грузинской знати имелся мощный блок общих культурных черт, облегчавших взаимопонимание народов региона.

Грузинскому расцвету XII в. предшествовали века самоотверженной борьбы с многочисленными внешними противниками и внутренние междоусобные войны, усилия по консолидации страны и сохранению собственной самобытности и культуры, пиком развития которой стало XII столетие. Однако после этой яркой вспышки на горизонте исторической судьбы Грузии

предстояли столетия страданий и бесконечной борьбы за выживание. XVI, XVII, XVIII, начало XIX столетия были для страны периодом позднего средневековья. Из некогда могущественной заступницы христиан Ближнего Востока страна превратилась в просителя помощи, а в экономическом и культурном отношении оказалась среди отсталых, нуждавшихся в модернизации стран, более того, была раздроблена на части.

О положении Грузии до присоединения к России можно судить по поэме Давида Гурамишвили «Бедствия Грузии».

В тысяча семьсот двадцатом
От рождения Христова
Весть о грешном человеке
Донеслась до всеблагого.

И поднялся враг с востока
И явился с юга снова,
Беды Картли и Кахети
Описать не в силах слово! [7, 63–64]

Злой ингуш, черкес и турок,
Перс, дидоец и лезгин,
Чтоб хоть раз унижить Картли,
Выходили из теснин.
Вслед за тем возникла смута,
На грузина встал грузин.
От меча родного брата
Пал в сраженье не один [7, 64].

Что вспахали кахетинцы,
В гору двигаясь с сохой, –
Заровняли карталинцы
Кривобокой бороною.
И вцепились мы друг в друга,
И нагрязнул враг с войною,
Придавив Кахети с Картли
Басурманскою пятою [7, 68].

Укротился пыл отважных
И любви в сердцах не стало,
Чтоб осилить бусурмана,
Больше силы не хватало.
Бросив близких и любимых,

Рать трусливая бежала.
Подрались между собою,
Подружились с кем попало.

И немало одержали наши недруги побед.
Стать хозяином нетрудно,
Коль нигде отпора нет.
Бросив жён, иные мужи
Повлеклись блудницам в след,
Ибо вместо Иисуса
Стал им дорог Магомет [7, 61].

В поэме Гурамишвили запечатлелось впечатление о России, как о возможном источнике спасения и модернизации Грузии. С восхищением пишет поэт о Петре I.

Был на севере владыка,
Повелитель всей России –
Пётр Великий, наречённый
Императором впервые.
Он для подвигов великих
Заострил мечи тупые.
О его душе бессмертной
Молят господа живые.

Он при жизни неустанно
Об отечестве радел;
Мудрый, щедрый, справедливый,
Он блюсти закон умел;
Всемогущею рукою
Всех врагов он одолел.
Опочивший, продолжает
Он творить немало дел.

После смерти государя,
Воцарившись на престоле,
Все российские владыки
По Петровой правят воле.
Если в чём и не согласны –
Не противятся тем боле.
Не умрут дела Петровы,
Существует мир доколе!

Исполняют государи
Все Петровы повеленья.
Он оставил завещанье –
Как выигрывать сраженья,
Как вести в стране торговлю,
Объезжать свои владенья,
Как нарушивших законы
Покарать за преступленья.

Вызывает восхищенье
Войска русского уклад:
Каждый полк в особой форме,
На один устроен лад.
В поле стройно маршируя,
Как один идут солдат.
Удивительно искусство
Их подкопов и осад. [7, 70–71]

Однако при Петре I Россия не оправдала возложенных на неё надежд.
Сбылись худшие опасения противников союза с русским царём.

Не смогли Петра увидеть,
Про свою сказать нужду,
Только шаха прогневили
И накликали беду.

Расходились их сужденья,
Разжигая в сердце рану:
Царь Вахтанг тянулся к русским,
Сын покорствовал Ирану.

Шах лишил Вахтанга царства,
И владыкою грузин
Сын Ираклия был признан –
Царь Кахети – Константин.

Константин по-бусурмански
Звался Мамед-Кули-Ханом.
Отличался он отвагой,
Был казист и строен станом.
Много лет, подручный шаха,

Управлял он Исфаганом.
Знать, имел он славный гребень,
Чтоб чубы чесать поганым [7, 76–77].

В августе 1722 г. русская армия высадилась на каспийском побережье в районе Дербента. Царь Картли Вахтанг VI, в соответствии с договорённостью, направил свои войска на соединение с русскими подразделениями. Однако общее наступление так и не состоялось. В наказание персидский шах передал Картли принявшему ислам кахетинскому царю Константину. Началась распря между Вахтангом и Константином, в которой приняли участие Иран и Турция [7, 88–99]. Русские войска ушли из Дербента, а Вахтанг уехал доживать свой век в Астрахань. Его свита перешла на службу русским правителям, в результате чего была образована грузинская гусарская рота, разросшаяся впоследствии до полка. Сам Гурамишвили принимал участие во взятии Хотинской крепости в 1739 г. и Семилетней войне.

После отъезда Вахтанга VI в Россию, Константин принял сторону Турции, но и эта внешнеполитическая переориентация не спасла его от гибели.

Константин не спасся тоже
Он отрёкся без возврата
Для турецкой волчьей шкуры
От персидского халата.
Хоть и сдался добровольно
Он на милость супостата,
Но покончил дни на плахе
От руки чужого ката [7, 99].

Отражая геополитическую замкнутость Грузии между тремя великими империями, Гурамишвили следующим образом описывает совет у царя Картли по поводу союза с Россией:

Зарыдав они сказали:
«Горе нашему народу!
Эта царская затея
Нам сулит одну невзгоду.
Были две петли на шее –
Будет третья сумасброду.
Разве могут три дракона
Предоставить льву свободу?»

Возмущались, что ответил
Царь на просьбу их отказом:

«Трёх царей он почитает –
Три ярма готовит разом.
Спасалар¹ великий шаха,
Внемлет он его приказам,
Чтит и русского, и турка,
Потеряв последний разум!

Это дело, безусловно,
Недостойно одобренья.
Коль заспорят эти трое,
Вовлекут и нас в сраженья.
Стиснут нас они тисками,
И не будет нам спасенья,
И великому проклятью
Предадут нас поколенья!» [7, 75]

После отъезда Вахтанга VI в Россию царь постоянно просил о направлении в Грузию военной экспедиции, однако монархи на русском троне сменялись, а дело не двигалось. Между тем Грузия продолжала оставаться средоточием противоречивых интересов Ирана, Турции и России. Более того, одержав ряд побед, Надир-шах призвал Вахтанга вернуться в страну, то есть пытался использовать его в собственных политических интересах.

Грузия в составе Российской империи: национальное самосознание и общеимперская идентичность

Режим, установленный в Грузии Российской империей, есть все основания называть колониальным. Однако важно учитывать, что этот колониальный режим был режимом империи во-первых, *единоверной* и во-вторых, империи континентальной, то есть заинтересованной и вынужденной развивать и защищать подконтрольные территории.

Установление русской администрации, особенности её поведения и функционирования *объективно* задевали национальные чувства грузин и противоречили их культурным традициям. Имперская бесцеремонность почти сразу привела к восстаниям и их жестокому подавлению властями. Не могло не вызывать раздражения использование русского языка в судах и школах, уничтожение многих феодальных привилегий, ассоциировавшихся с древними уважаемыми родами, прежде всего царским родом Багратиони.

Удар по национальному достоинству был тяжёл. В то же время в вопросах внешней политики, во время войн России с Османской империей и

---

¹ Спасалар (перс.) – военачальник. Вахтанг VI по существовавшему в те времена правилу, будучи царём Картли, считался спасаларом иранского шаха.

Ираном, как правило, верх брала единовенная солидарность и радость за совместно одержанные победы над исконными иноверными врагами Грузии. Антитурецкая и антиперсидская внешняя политика России находила в Грузии горячую поддержку, параллельно с которой шло отторжение внутренней имперской политики, вызывавшей жестоко подавляемые восстания местного населения. Примечательно, что достаточно скоро после присоединения к России в 1801–1802 гг. Восточной Грузии (Картли-Кахетинское царство) в стране начались волнения, после которых в надежде польстить грузинским феодалам главнокомандующим в Грузии был назначен Павел Дмитриевич Цицианов. А в 1804 г. разразилось совпавшее с началом военных действий между Россией и Ираном восстание горцев Картли.

Имперские власти всемерно старались русифицировать элиту, они же прекратили многовековое существование грузинского патриархата, что было вполне логичным событием, учитывая отсутствие патриаршества в самой России.

Однако, несмотря на произвол имперской администрации, нельзя утверждать, что присоединение грузинских земель к России было регрессом. Россия лишила грузинские царства и княжества самостоятельности, но она же воссоединила эти разрозненные противостоящие друг другу феодальные государства в единое целое, сняла проблему междоусобных войн и внешних набегов. И хотя мотивы этого объединения были имперскими, прикрывавшими стремление дальнейшей экспансии на Восток, историческое объединение грузинских земель под одной властью состоялось.

Наличие великого прошлого, на которое наслаиваются последующие многовековые впечатления от страданий, нанесённых великими соседями, усугубляют синдром жертвы. В грузинском случае в течение ряда веков молотом и наковальной выступали имперские Персия и Рим, Персия и Византия, Иран и Турция.

Впоследствии, после присоединения страны к Российской империи и обретения ею независимости в 1918 г. в качестве Грузинской Демократической Республики, страна в 1921 г. была снова присоединена к России в рамках уже советского имперского проекта. И хотя Российская империя *объективно* внесла огромный вклад в социально-экономическое и культурное развитие Грузии XIX столетия, охранив её от набегов иранцев и османов, нестабильности и нескончаемых феодальных войн и раздоров, а Советский Союз продолжил это развитие в XX в., в недрах общественного сознания продолжали сохраняться амбиции страны Фарсмана II, Вахтанга Горгасала, Давида Строителя, царицы Тамар и Руставели.

С учетом этого багажа массового бессознательного становятся понятными и прогнозируемыми реакции носителей этого подсознательного багажа. Понятно, что когда в начале XIX столетия началась процедура присоединения Грузинского царства к Российской империи многим грузинским князь-

ям, как и членам царского дома Грузии, не давала покоя древняя независимость, мысль о том, что пусть по могуществу их страна уступает России, но по древности её превосходит, так же как превосходила древностью грузинская царствовавшая династия, правившую династию России, а христианство Грузии – христианство России: династия Багратиони уходит корнями в VI в. [8, гл. 45], династия Романовых вела своё происхождение с конца XVI столетия, крещение Грузии произошло в 337 году, Руси – в 988.

В грузинской истории синдром жертвы является следствием понимания собственной политической немощи и попыток самосохранения элиты посредством инкорпорации в правящие слои имперских государств-соседей.

Правителям картлийских государств веками удавалось принимать культуру могущественных региональных держав, продвигаясь по службе в рамках их бюрократических аппаратов. Прежде всего, данное утверждение справедливо в отношении доисламской Персии, Византийской империи, мусульманского Ирана и Российской империи. Во всех этих государствах грузинской знати удавалось достигать самых высоких постов имперской бюрократии. Грузинское дворянство, элита с готовностью перенимали сначала персидско-византийские, а затем русские и через Россию западноевропейские обычаи и предпочтения.

Разница между Ираном, Византией и Россией заключалась в том, что Иран и Византия, как затем Иран и Турция, делили картвельские государства между собой, сохраняя за ними значительные черты самоуправления (Византия, Иран), России же удалось собрать воедино все грузинские земли.

Положение на перекрёстке великих держав диктовало культурную гибкость – уникальную способность усваивать чужие культурные влияния, национализируя их, переводя на родной язык и синтезируя с духовно близкими мотивами.

Примером подобной гибкости может быть распространённое в грузинской литературе заимствование сюжетов персидской литературы, в том числе поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре»:

Эта повесть, из Ирана занесенная давно,
По рукам людей катилась, как жемчужное зерно.
Спеть её грузинским складом было мне лишь суждено
Ради той, из-за которой сердце горестью полно [15, 24; 22, 3]

Такой же глубоко переработанной, национализированной грузинской адаптацией персидского произведения является грузинский роман XII в. «Висрамиани», представляющий собой вольный прозаический перевод поэмы персидского поэта Гургани «Вис и Рамин» [5, 279; 3, 9–10].

Последовательным проводником персидских литературных традиций на грузинской почве был царь-поэт Теймураз I, переложивший массу персид-

ских сюжетов на грузинский язык, параллельно включавший в него массу персидских и тюркских заимствований [3, 16–17, 431–469].

Многовековая, тысячелетняя необходимость самосохранения и внешнеполитического, а также культурного лавирования, на подсознательном уровне давала обществу привычку быть готовым к самым кардинальным изменениям. Прежде всего, изменениям геополитического вектора и ориентации на иное великое имперское государство.

Несмотря на бесконечную междоусобную борьбу грузинских княжеств на культурном, языковом, ментальном уровне вырабатывалось представление о национальном единстве и противопоставление всем иноязычным и инокультурным соседям.

В грузинском случае синдром жертвы – привычка к геополитической слабости, подспудная готовность к зависимости извне с одновременным неприятием этой зависимости, особенно отчётливо проявляющаяся при необходимости смены внешнеполитической ориентации, когда бывшие союзники и покровители интерпретируются как враги.

По большому счёту все великие государства, с которыми Грузии исторически приходилось сталкиваться, были ей более или менее чужды, всегда, за исключением золотого века грузинской истории, страна была зависимой и введомой. Задачей было адаптироваться и установить отношения с той стороной, союз с которой в наибольшей степени отвечал национальным интересам самосохранения.

В 1991 г. в результате распада Советского Союза образовалось независимое государство Грузия, политическая элита которого стала конструировать на фундаменте великого исторического прошлого образ России, как негативного Значимого Другого. Синдром жертвы, подчёркнутый воспоминаниями о великом прошлом, стал сознательно насаждаться правящей элитой.

В случае с Грузией попытки политической демонизации России в целом кажутся особенно необоснованными, хотя существует соблазн отнести их к явлениям одного порядка с процессами, наблюдающимися в Прибалтике, Польше и на Украине.

Постимперский синдром и синдром жертвы как часть коллективного бессознательного

Даже в условиях непрерывных нашествий и бед у общества остаётся история, пусть не известная на уровне знаний, но чувствуемая коллективным бессознательным, оставшаяся в нём. Человек, принадлежащий стране, культура которой насчитывает несколько тысячелетий, даже в самые горькие минуты национального унижения имеет возможность найти моральную опору в самой этой древности.

Великое прошлое осталось в подсознании общества, в его культуре и неотделимо от него. Через призму этого прошлого, через гордость его достижениями воспринимает общество современность и неприятно задевается тем, что его самобытная и богатая культура не достаточно известна, несоразмерна его политическому и культурному влиянию в современности. Исторически обусловленное коллективное бессознательное постоянно готово подпитывать болезненные реакции на внешние раздражители со стороны других обществ, стран, народов.

Опираясь на древность своей истории, народы могут отвечать на вызовы, бросаемые обществами, более передовыми в экономическом, научном и военном отношении, но менее богатые историческим прошлым. В таких условиях национальное самосознание поддерживается на негативном основании в том отношении, что национальное самоутверждение идёт за счёт «исторической» слабости Значимого Другого. Однако при общей слабости малого народа подчёркивание древности его истории не даёт полного морального удовлетворения, не компенсирует идущие извне вызовы, в какой-то степени даже усугубляет болезненность положения, так как при ссылках на великое прошлое, ссылающиеся на него, как правило, хорошо осознают тот контраст, который являет этому великому прошлому настоящее. При определённых обстоятельствах всё это – почва для развития синдрома жертвы, который может протекать как в очень заметных и ярко выраженных, так и в достаточно мягких, неявных формах.

В случае наличия у общества богатого, но достаточно удалённого от современности великого прошлого, синдром жертвы дополняется своеобразной разновидностью застарелого, бессознательного постимперского синдрома или его культурной разновидности – общество не может возродить материальную базу былого величия, но продолжает мыслить в заложенных им рамках самоосмысления, нуждается в признанном другими первенстве, гордится собой и болезненно переживает неразделённость этой гордости другими.

При таком исторически обусловленном культурном, социально-политическом и психологическом фундаменте коллективное бессознательное отягощено целым комплексом подспудных представлений о самоценности своей страны, общества, народа.

Примеры стран с нелёгкой исторической судьбой, стран небольших и исторически вынужденных взаимодействовать с более сильными народами, государствами, цивилизациями показывают, насколько сложным и подвижным может быть феномен национального самосознания, особенно если национальное самосознание рассматривается в привязке к внешнеполитической ориентации и идеологии, которая часто меняется и осложняется беспрестанным лавированием между противоречивыми интересами многих внешнепо-

литических игроков, которые накладываются к тому же, на внутренние раздоры.

Важнейшей особенностью коллективного бессознательного как явления социальной генетики при синдроме жертвы является *неосознанность* подоплёки оценок явлений. Чувствуя свою самооценку общество принимает и транслирует свои мнения как данность, не осознавая их истоков. Доставшееся от предков и закреплённое в коллективном подсознании, а часто и в сознании, чувство гордости и культурного, исторического превосходства усугубляет ощущение политической немощи, с которым сталкиваются в настоящем.

У малых народов мотив древности собственной истории и обиды на Значимого Другого, синдром жертвы и постимперский синдром могут пересекаться. Представителям политически состоявшихся крупных государств также приходится сталкиваться с поиском опоры в древности истории и культуры собственной страны. Именно в ней черпают источник политического самосознания страны, противостоявшие экспансии США в начале XXI столетия – Ирак, Сирия, Иран. Даже россиянам после распада СССР не раз приходилось прибегать к психологической опоре на свою более древнюю, чем у США, историю и культуру. И хотя культура США значительно древнее их политической самостоятельности, если рассматривать её как североамериканскую ветвь развития европейской англо-протестантской культуры, в обычном споре аргумент древности помогает тем, кто объективно слабее в настоящем, чем внешнеполитический оппонент и/или Значимый Другой.

Следствием синдрома жертвы становится набор совершенно определённых, явных признаков:

1. Постоянная нервозность по отношению к историческим соседям, даже в том случае, если в настоящем времени отсутствуют какие-либо рациональные основания для страха.

2. Страх, заложенный в коллективном бессознательном, подталкивает к непрагматической, часто истерически и параноидально окрашенной внешней политике.

3. Национальное самосознание, сталкивающееся с внешним вызовом, всегда прибегает к ответу, однако в случае, когда имеет место синдром жертвы, националистическое самоутверждение проявляется постоянно, отличается особым напряжением.

Указанным свойствам коллективного поведения можно найти параллели и в поведении индивидуальном, когда психологически уязвимый и неуверенный индивид прибегает к опережающему самоутверждению, не дождавшись психологического удара, связанного с затрагиванием психологически болезненной темы, переходит к защите в виде неспровоцированной коммуникационной агрессии. «От страха, как бы другие не стали задира́ть перед ним нос, от желания опередить их, он сам уж до того задира́л нос, что

все считали его нестерпимо самонадеянным», – так описал проявление этого психологического защитного механизма применительно к одному из своих героев Сомерсет Моэм [12, 640].

В каждый текущий период жизни общества история выступает основой идеологии, трактуется исходя из его современных нужд или политических нужд правительства. По сути это уже не история, а популярный миф, массовое сознание, которое бывает ущемлено на протяжении столетий и не может объективно воспринимать реальное хитросплетение исторических фактов в их совокупности.

У малых народов, входивших когда-то в обширные империи, исторический кругозор чрезвычайно узок, во всяком случае уже, чем у представителей сложных имперских государств, хотя и в сознании этих последних повсеместно довлеют представления официальных или считающихся общепринятыми мнений и идеологических, *мировоззренческих штампов*.

Практика показывает, что *«только маленькие народы и государства соглашались на чисто национальное существование, не претендуют быть миром»*. При этом всегда стоит помнить, что в далёком прошлом некоторые из воспринимаемых ныне в качестве «малых» народы не воспринимали себя таковыми и тоже «претендовали быть миром», обладали пассионарностью экспансионистских стремлений собственного мессианизма.

В политике комплекс жертвы – не только свойство коллективной идентичности и психологии, но и идеологическое оружие, посредством которого мнимая слабость и жертвенность используются в целях достижения политических результатов, становятся средством политических манипуляций и навязывания своей картины мира политическим контрагентам в целях получения искомым политическим, экономическим или моральным, идеологическим дивидендов.

В реальной политике синдром жертвы, как производное от былых слабостей и невзгод, пережитых обществом в прошлом, становится силой, своеобразным политическим капиталом. Именно в этой своеобразной утилитарной политической ценности синдрома жертвы кроются истоки многих внешнеполитических шагов ряда малых государств, элита которых сознательно играет на порождаемых синдромом жертвы чувствах масс, углубляя присущую им виктимность. К обусловленным историческим прошлым коллективным подсознательным страхам, политики стараются добавить новые произвольные спекулятивные опасения с целью более успешной манипуляции массами и проведения определённой, часто временной и стратегически необоснованной политической линии.

Синдром жертвы как данность определённой социальной реальности и важная составная часть негативной коллективной идентичности – плодотворная почва для политических спекуляций. Если в общественном сознании существуют предпосылки и черты синдрома жертвы, дальнейшее его разви-

тие и усугубление – достаточно несложный процесс. Формулировать рациональные идеологические задачи, отвечающие реальным потребностям социально-экономического и политического развития общества намного сложнее, чем брать за основу идеологии оставшиеся в наследство от прошлого коллективные комплексы и страхи.

Имперское российское самосознание снова столкнулось в конце XX – начале XXI вв. с самосознанием жертвы, характерным для окружающих Россию государств, входивших когда-то в орбиту её имперского влияния.

Мыслительные образы империи и жертвы взаимоисключают друг друга в том смысле, что могут быть примирены только посредством комплексного разностороннего анализа, который по объективным причинам практически невозможно привить широким слоям населения, тем более, что *виктимный синдром* выступает во многих новообразованных независимых государствах в качестве основы формируемого политической и культурной элитой национального самосознания. В таких условиях национальное сознание приобретает выраженные черты негативной идентичности, которая основывается на противопоставлении себя Другому, демонизируемому «страшному врагу».

Понимание образа мира-жертвы и образа мира-империи необходимо для прагматичной и взвешенной внешней политики. При столкновении этих двух мировоззрений, представителям имперского самосознания значительно проще сохранять прагматизм, так как у них отсутствует синдром жертвы, а имперское прошлое помогает выстраивать сложный фундамент национального самосознания, без доминирования в нём факторов негативной идентичности, зависящей от конфронтации с реальным или вымышленным внешним врагом.

Библиографический список

1. *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана. М.: Арктос, Вика-пресс, 1996.
2. *Аппиан Александрийский*. Римская история: в 2 т. М.: Рубежи XXI, 2006.
3. *Барамидзе А.* Пути развития древнегрузинской литературы // Древнегрузинская литература (V–XVIII вв.). Тбилиси, 1987.
4. *Бибо И.* «О смысле европейского развития» и другие работы. Избранные эссе и статьи. М., 2004.
5. *Гвахария А., Тодуа М.* О «Висрамиани» // Висрамиани. Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1967.
6. *Геродот*. История. М., 2004.
7. *Гурамишвили Д.* Стихотворения и поэмы. Л., 1980.
8. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1991.
9. *Ксенофонт*. Анабасис. Греческая история. М.: АСТ, Астрель, 2010.
10. *Миллер А.И.* Национализм и империя. М.: ОГИ, 2005.

11. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
12. *Мюллер С.* Театр: Романы. Рассказы. М., 1999.
13. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Трактаты. Диалоги. М., 1998.
14. *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.
15. *Руставели Шота.* Витязь в тигровой шкуре. М., 1987.
16. *Страбон.* География. М.: Ладомир, 1994.
17. *Тацит Корнелий.* Анналы. Малые произведения. История. М., 2001.
18. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.
19. *Cassius Dio Cocceianus.* Dio's Roman History. Loeb Classical Library edition. 9 vol. London: William Heinemann Ltd, Harvard University Press, 1914–1927.
20. *Diodorus Siculus.* The Library of History. Loeb Classical Library edition. 12 vol. London: William Heinemann Ltd, 1933–1967.
21. *Freud S.* On Narcissism: An Introduction. London: Hogarth Press, 1957.
22. *Rustaveli Shota.* The Man in the Panther's Skin. London: The Royal Asiatic Society, 1912.

NATIONAL IDENTITY BETWEEN POST-IMPERIAL AND VICTIM SYNDROME

V.Sh. Surguladze

Senior researcher at Russian Institute for Strategic Studies (RISS),
Ph.D in Philosophy

Russian imperial identity in the end of XX - beginning of XXI century, again faced with the victim consciousness, characteristic for the surrounding Russia states which were once in the orbit of its imperial influence. Understanding of the victim-identity and the post-empire identity is necessary for pragmatic and balanced foreign policy. In the collision of these two worldviews, the representatives of the imperial consciousness is much easier to maintain pragmatism, since they do not have a victim syndrome and imperial past makes it possible to build a foundation of national identity, without dominating the negative factors of identity, independent of confrontation with the real or imagined foreign enemy. The article focuses on the geopolitical assumptions of formation and interaction of post-imperial syndrome and victim-syndrome in Georgia.

Key words: ideology; identity; nationalism; postimperial syndrome; victim syndrome; collective unconscious.

References:

1. *Agathias Scholasticus of Myrina.* On the Reign of Justinian. Moscow: Arktos, Vika-press, 1996. (In Rus.).

2. *Appian of Alexandria*. Roman History. 2 vol. Moscow: Rubeji XXI, 2006. (In Rus.).
3. *Baramidze A.* The ways of Georgia's ancient literature development // Ancient literature of Georgia (V–XVIII ages). Tbilisi: Tbilisi University Publishers, 1987. (In Rus.).
4. *Bibo I.* On the Europe's development meaning and other works. Selected essays and articles. Moscow: Tri Kvadrata, 2004. (In Rus.).
5. *Gvahariya A., Todua M.* On «Visramiani» // Visramiani. Tbilisi: Literatura da khelovneba, 1967. (In Rus.).
6. *Herodotus*. The Histories. Moscow: Olma-Press Invest, 2004. (In Rus.).
7. *Guramishvili D.* Poetry and poems. Leningrad: Sovetskiy pisatel, 1980. (In Rus.).
8. *Constantine Porphyrogennetos*. On the Administration of the Empire. Moscow: Nauka, 1991. (In Rus.).
9. *Xenophon*. Anabasis. Hellenica. Moscow: AST, Astrel, 2010. (In Rus.).
10. *Miller A.I.* Nationalism and empire. Moscow: OGI, 2005. (In Rus.).
11. *Miller A.I.* Romanov's Empire and Nationalism: assay on historical research methodology. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2006. (In Rus.).
12. *Maugham S.* The Theatre: Novels. Stories. Moscow: Eksmo-Press, 1999. (In Rus.).
13. *Plutarch*. Parallel Lives. Works. Dialogs. Moscow: Ripol Classic, 1998. (In Rus.).
14. *Procopius of Caesarea*. Persian War. Vandal War. Secret History. Moscow: Nauka, 1993. (In Rus.).
15. *Rusthaveli Shotha*. The Man in the Panther's Skin. Moscow: Khudojestvennaya literatura, 1987. (In Rus.).
16. *Strabo*. Geography. Moscow: Ladomir, 1994. (In Rus.).
17. *Tacitus Cornelius*. Annals. Assays. History. Moscow: AST, Ladomir, 2001. (In Rus.).
18. *Erikson E.* Identity: Youth and Crisis. Moscow: Flinta, MPSI, Progress, 2006. (In Rus.).
19. *Cassius Dio Cocceianus*. Dio's Roman History. Loeb Classical Library edition. 9 vol. London: William Heinemann Ltd, Harvard University Press, 1914–1927. (In English).
20. *Diodorus Siculus*. The Library of History. Loeb Classical Library edition. 12 vol. London: William Heinemann Ltd, 1933–1967. (In English).
21. *Freud S.* On Narcissism: An Introduction. London: Hogarth Press, 1957. (In English).
22. *Rusthaveli Shotha*. The Man in the Panther's Skin. London: The Royal Asiatic Society, 1912. (In English).

Политика и новые институты коммуникации

УДК-32.019.5

СМИ И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА

А.И. Завьялов¹

В статье рассматривается информационная модель терроризма и её отношение с новостными агентствами. Исследуется вопрос - почему главную роль в определении что такое «терроризм», а что «простое преступление» играют СМИ?

Ключевые слова: террор; терроризм; информационная политика; новостные агентства.

Исходя из нашего понимания терроризма как комбинации стратегий и жестокой тактики, при которой жертвы (т.е. обычные граждане) являются частью более широкой цели (например, правительство), простое убийство людей, или разрушение какого-либо объекта, не отвечает целям террористов. Для воздействия терроризма используется простая модель концентрических окружностей. В центре стоит ущерб - жертвы, физическое разрушение, вызванные самим террористическим актом. Это, естественно, важно; было бы неправильно умалять важность человеческих жертв и в меньшей степени материальных убытков. Но если не использовалось оружие массового уничтожения, ущерб может касаться и ограничиваться лишь теми людьми, которые отдали свои жизни и потеряли имущество и тех, кто напрямую с ними связан, как то: члены семей и владельцы имущества. Если террористы не преследовали цель убить конкретных людей или разрушить конкретный физический объект, успех террористического акта по существу будет очень ограниченным.

В своей оценке Аль-Каиды и других террористических организаций, Мануэль Кастельс, социолог, специализирующийся на средствах информации, отметил, что такие группы полагаются в своих действиях на две основные тактики: террор и информационную политику. В отношении второго он написал: "В конечном счете, акт нацелен на человеческие умы, на трансформацию сознания. Средства массовой информации, как местные, так и мировые, являются средством коммуникации, посредством которого формируется

---

¹ Завьялов Андрей Иванович – аспирант Научно-исследовательского центра изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: aznn2007@ya.ru.
© Завьялов А.И., 2015

общественное сознание. Следовательно, акт должен быть ориентирован на средства информации, он должен быть зрелищным, давать хорошую картинку, чтобы весь мир мог его увидеть: как голливудский фильм, потому что именно на это натренировано человеческое сознание в наше время" [3, 139].

Наиболее известные (что, вероятно, значит и наиболее успешные) террористические группировки работают с информационной моделью, вышедшей далеко за рамки простого донесения сообщения до пассивной аудитории. Напротив, используемая террористическими организациями современная информационная модель нацелена на аудиторию, ориентирована на смысл, зависима от культуры и всегда включается в непрерывную нить повествования, являющегося частью социо-политического контекста, в котором эти самые организации действуют [4, 6].

Невозможно переоценить роль в этой модели общественных институтов, осуществляющих коммуникативную функцию и определяющих общественную повестку дня. К таким институтам относятся информационные агентства, которые имеют значительное влияние на общественное мнение о том, какое поведение в политике, конфликте и в подобных вопросах является приемлемым, а какое неприемлемым. Использование службами новостей упрощенных формулировок в отношении терроризма может вводить общественность в заблуждение [2, 117-124].

Само понятие "независимая пресса" уже является упрощением. Каждая информационная служба нуждается в финансовой поддержке из частных или государственных источников и, таким образом, не может игнорировать интересы этих источников. К тому же, даже в странах, где правительство не может формально контролировать новостные агентства, политики находят способы манипулирования подачей новостной информации. Руководители новостных агентств, как и политики, читают социологические исследования и часто идут на поводу у общественного мнения, а не стараются самостоятельно определить новые направления общественного развития. В последнее время немаловажным фактором стало и развитие социальных медиа [1, 604-616], которые становятся неотъемлемой частью информационной модели терроризма.

Тенденция конформизма стала очевидной при анализе террористических атак, например, произошедших в США в 2001 г. Большинство американских средств массовой информации рефлекторно отреагировали, требуя справедливого отмщения, а не задались вопросами, почему произошли атаки, и каким образом на ситуацию повлияла политика США. Среди редких голосов был голос Сьюзен Зонтаг, которая сразу после терактов написала в "Нью-Йоркер", что те, кто "имел разрешение на освещение события, включились в компанию по инфантилизации общества. Где признание того факта, что это было не "трусливое" нападение на "цивилизацию", или "свободу", или "человечество" или "свободный мир", а нападение на самопровозглашенную миро-

вую сверхдержаву, ставшее следствием союзов и действий США?" [8, 42] Смысл статьи Зонтаг не особенно глубок, но он примечателен тем, что он был очень необычен для Америки после 11 сентября. Он совершенно выбивался из большинства медийных голосов в США и большей части остального мира. Она подчеркнула тот факт, что террористический акт имеет отношение не только к организаторам и жертвам в отрыве от всего остального, а скорее отражает сложные геополитические проблемы, создающие подходящий для таких нападений контекст.

Несмотря на важность этого более широкого политического контекста, "картинки", построенные по принципу "чем проще, тем лучше" часто приводят к краткосрочной ответной реакции на терроризм. Вифамия Добкин заметила, что телевизионные новости, в частности, "помогают политическому процессу, который полагается на общественные представления о законности и руководстве к действию" [5, 52]. В случае с 11 сентября, изображения Мирового торгового центра были настолько яркими и ошеломляющими, что они доминировали в восприятии общества и подавляли любое инстинктивное желание узнать, из-за чего это произошло. Было мало сопротивления со стороны информационных агентств, которые, казалось, сосредоточились на усилении эмоциональности момента, а не на выполнении реальной журналистской работы, в которой скептицизм не должен утонуть в волнах "ура-патриотизма".

Такие журналистские отклонения могут создать практически симбиотические отношения между террористами и службами новостей. Сенсационное насилие гарантирует широкое освещение в новостях, и, как заметил Джозеф Тюмен, "стремление к максимальной огласке создает тенденцию в террористическом насилии атаковать такие цели и использовать такие символические действия, которые создают хорошую картинку для новостного телевидения". Тюмен говорит: "Хотя террористам может казаться, что они манипулируют средствами массовой информации, выбирая такие цели и используя сенсационное насилие для обеспечения освещения в новостях, на самом деле все как раз наоборот. В мире, насыщенном средствами массовой информации, новостные истории уже освещают такое огромное количество событий, связанных с насилием, смертью и трагедиями, что гарантия освещения террористического акта в СМИ требует визуально захватывающего, драматичного и, следовательно, шокирующего насилия во все больших и больших масштабах; как это ни печально, это также означает, что с каждым новым террористическим актом планка драматичности и степени ужаса поднимается" [9, 196].

Следовательно, новостные агентства играют главную роль в определении того, что такое "терроризм", а что – простое "преступление". Террористические организации, как, например, Аль-Каида, полностью осознают механизм этого процесса и планируют свои акты соответственно. Бриджит

Нейкос отметила, что "большинство террористов оценивают последствия своих актов, вероятность привлечения внимания СМИ и, что наиболее важно, возможность войти через средства массовой информации в "треугольник политического общения" [7, 15], состоящий из СМИ, общества и правительства. Другими словами, террористы могут использовать средства массовой информации, чтобы включиться в дискурс гражданского общества. В этой связи значительный интерес представляют внутренние нормы ведущих средств массовой информации, касающиеся вопросов освещения терроризма.

"Нью-Йорк Таймс" не имеет официальной политики в отношении использования терминов "терроризм" и "террорист", но редактор общественных новостей газеты Кларк Хойт занялся этим вопросом после атак в Мумбае в конце 2008 г. "Нью-Йорк Таймс" называла людей, совершивших атаки, "боевиками", "вооруженными людьми" и "нападавшими", но не "террористами". Нападения в Мумбаи, писал Хойт, поставили перед редакторами Таймс уже знакомую семантическую проблему: как называть людей, которые преследуют политические, религиозные, территориальные или неопределенные цели через насилие по отношению к мирному населению. Многие читатели хотят, чтобы газеты даже на новостных страницах выражали свой праведный гнев – или свои политические взгляды – используя слово "террорист" во всех его негативных коннотациях. То, как вы называете кого-то, имеет значение. Если он террорист – он враг всех цивилизованных людей, и с его мотивами не обязательно считаться. В отделе новостей и иностранных бюро, особенно в Иерусалиме, происходила серьезная переоценка терминологии терроризма. Редакторы и репортеры задались вопросом: газета всячески изворачивается во избежание выглядеть предвзятой, или рискует показаться бессердечной к ужасающим фактам? Они бились над такими вопросами, как: почему ответственных за атаки 11 сентября называют террористами, а убийц маленькой девочки в ее кровати в еврейском поселении – нет. И если использование слова "террорист" интерпретируется как политическое действие, то его неиспользование тоже должно являться политическим.

Хойт заметил, что бывший руководитель бюро газеты в Иерусалиме Джеймс Беннет выпустил служебную записку об ограничении терминов, относящихся к террору. Беннет написал, что первоначально он избегал слова "терроризм" вообще и считал более полезным описывать атаки в наиболее реалистичных деталях таким образом, чтобы читатели могли сами навесить собственные ярлыки. Но он неожиданно понял, что полный отказ от использования слова "был настолько нравственно нейтральным, что стал несколько нездоровым. Сам факт подрыва студентов в столовой университета, или семей, собравшихся в кафе-мороженое, уже кричит о том, чтобы его называли тем, чем он является" – писал он.

Подчеркивая разницу во мнениях внутри самой газеты, Хойт писал: Я не думаю, что можно написать набор жестких и строгих правил для слов, на-

чинающихся с буквы "т", и я думаю, что в Таймс относятся к ним осмотри-тельно, и может быть они более консервативны в их использовании, чем я. Мой собственный общий принцип: Если это выглядит как намерение посеять ужас и потрясти сознание – неважно, самолеты ли это, врезающиеся во Все-мирный торговый центр, боевики стреляющие в Мумбаи, или политический убийца в спальне маленькой девочки, я бы называл это терроризмом, осуществляемым террористами [6].

Вашингтон Пост разработал инструкции, которые помимо прочего указывают следующее: "Терроризм" и "террорист" могут быть полезными сло-вами, но это штампы. Как и все штампы, они не содержат никакой особой информации. Когда мы используем эти штампы, мы должны это делать так, чтобы это не казалось предвзятым. Например, мы не должны решать спор относительно того, является ли ХАМАС террористической или политической организацией, оправдывающей насилие, или чем-то еще, путем навешивания на ХАМАС ярлыков. Вместо этого мы должны давать читателям факты и, возможно, мнения конфликтующих сторон о том, что лучше всего характери-зует эту организацию [6].

Слова имеют значение. Если называть кого-то "террористом" или "убийцей" вместо того, чтобы использовать такие слова, как "боец сопротив-ления" или "мученик", то со временем это значительно изменит обществен-ное восприятие отдельных личностей или действий. Сюда же относится и не-обходимость избегать использования стереотипов.

Семантику может формировать политика, а от новостных агентств ждут вдумчивого выбора из описательных терминов, как если они должны описывать события без спекуляции, или какой-либо другой предвзятости. Популярное использование часто является подражанием средствам массовой информации, и, таким образом, среда, в которой происходит суждение о тер-рористических актах, формируется в какой-то степени борьбой между слова-ми.

Наиболее массовые новостные организации используют стандарты, в соответствии с которыми запрещены графические изображения террористи-ческих актов, но виновники таких атак могут распространять эти изображе-ния через Интернет и другие новые средства массовой информации для ауди-тории, которая будет более узкой, но считается более ценной, как например, потенциальные новые члены их организаций. Террористические группы так-же знают, что видеоролики в YouTube или на других сетевых ресурсах могут получать широкую аудиторию вне зависимости от того, сколько внимания ему уделяется со стороны традиционных средств информации. Видеоролики, на которых террористы казнят похищенных жертв, иногда имеют в сети по несколько миллионов просмотров. В общем и целом, донести слова и изо-бражения до различных аудиторий намного проще в нашу эпоху снижения количества цензоров значимой информации.

Сегодня новостные агентства противостоят международному обществу, которое теперь более аморфно, чем в прошлом. Сегодняшние "враги" (по определению Западных правительств и СМИ) такие, как Аль-Каида, часто не имеют родины, которую можно было бы найти на карте, не имеют места дислокации, которое можно было бы атаковать вооруженными силами и которое бы общество могло демонизировать. Не существует нацистской Германии или Советского Союза в эру, когда "виртуальные государства" могут заявлять о своем существовании, полагаясь на технологию, а не на традиционные границы. Все это одинаково дезориентирует творцов политики, журналистов и потребителей новостей. Крайне тяжело планировать политику или подготавливать новости, не имея возможности опереться на традиционные инструменты, как карты или правительства в мировом масштабе.

Библиографический список

1. *Балуев Д.Г.* Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования // Образовательные технологии и общество. 2013. Т.16. №2. С. 604-616.
2. *Грачев С., Зорин В.* Проблемные аспекты при формировании антитеррористического мировоззрения в студенческой среде // Вестник Российской нации. 2014. № 3 (35). С. 117-124.
3. *Castells M.* The Power of Identity (2nd edition) Malden, MA: Blackwell, 2004.
4. *Corman S.R., Trethewey A. and H.L.Goodall, Jr. (Eds)* Weapons of Mass Persuasion: Strategic Communication To Combat Violent Extremism. N.Y.: Peter Lang, 2008.
5. *Dobkin B.A.* Tales of Terror: Television News and the Construction of the Terrorist Threat. Westport, CT: Praeger, 1992.
6. *Getler M.* The Language of Terrorism // Washington Post September 21, 2003.
7. *Nacos B.L.* Mass-Mediated Terrorism (2nd edition). Lanham, MD: Rowman&Littlefield. 2007.
8. *Sontag S.* First Reactions// New Yorker. September 24. 2001.
9. *Truman J.S.* Communicating Terror: The Rhetorical Dimensions of Terrorism (2nd edition). Los Angeles: Sage, 2010.

MEDIA AND INFORMATION AND COMMUNICATION DEFINITION OF TERRORISM

A.I. Zavialov

graduate student (Political Science), Research centre for the study of problems of national and international security, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article describes the information model of terrorism and its relationship with news agencies. Explores the question of why a major role in determining what is "terrorism", and that "simple offence" played by the media?

Key words: terrorism; information policy; news agencies.

References:

1. *Baluev D.G. Political role of social media as a field research // Educational technologies and society. 2013. T.16. №2. P. 604-616. (In Rus.).*
2. *Grachev S., Zorin V. The problematic aspects of forming anti-terroristic world view of students // Review of Russian nation. 2014. № 3 (35). P. 117-124. (In Rus.).*
3. *Corman S. R., Trethewey A. and H.L.Goodall, Jr. (Eds) Weapons of Mass Persuasion: Strategic Communication To Combat Violent Extremism. New York: Peter Lang, 2008. (In English).*
4. *Castells M. The Power of Identity (2nd edition) Malden, MA: Blackwell, 2004. (In English).*
5. *Dobkin B.A. Tales of Terror: Television News and the Construction of the Terrorist Threat. Westport, CT: Praeger, 1992. (In English).*
6. *Getler M. The Language of Terrorism // Washington Post September 21, 2003. (In English).*
7. *Nacos B.L. Mass-Mediated Terrorism (2nd edition). Lanham, MD: Rowman&Littlefield. 2007. (In English).*
8. *Sontag S. First Reactions // New Yorker. September 24. 2001. P. (In English).*
9. *Truman J.S. Communicating Terror: The Rhetorical Dimensions of Terrorism (2nd edition). Los Angeles: Sage, 2010. (In English).*

УДК-323.2(470+571)

СЕТЕВЫЕ ДЕЛИБЕРАТИВНЫЕ ПЛОЩАДКИ В РФ

А.В. Садилова¹

Важной проблемой современности является общемировая тенденция увеличения политической пассивности граждан и рост абсентеизма. Существует мнение о том, что данные трудности возникают из-за дефектов системы представительной демократии, реализуемой во многих странах. В связи с этим актуальна тема внедрения элементов прямой демократии (делибераций) для их преодоления. Это становится возможным при помощи использования инновационных ресурсов информационно-коммуникационной сферы в политическом процессе.

В статье рассматривается вопрос о российских практиках делиберации в сетевом пространстве. Под сетевыми ресурсами делиберации в общем виде понимаются электронные диалоговые площадки, служащие для достижения политического консенсуса между властью и обществом. Автор делает вывод о недостаточной эффективности данных площадок в современном российском обществе.

Ключевые слова: представительная демократия; прямая демократия; делиберация; делиберативные площадки; политический диалог; общественное благо.

На сегодняшний день демократические страны зачастую сталкиваются с вопросом стимулирования гражданско-политической активности. Как известно, проблемы, касающиеся феномена абсентеизма, низкой степени вовлеченности молодого поколения в политический процесс, невысокого уровня удовлетворенности работой политических институтов, характерны для подавляющего большинства развитых стран. Безусловно, подобные вопросы возникают с разной остротой и частотностью, но игнорировать эти пробуксовки политических систем было бы неверным шагом.

Главная проблема представительной демократии заключается в том, что население редко выступает актором – лицом, принимающим важные политико-управленческие решения. Почувствовать себя в роли реального политического игрока можно, включаясь в электоральный процесс, или при голосовании на референдуме и пр. Но в остальное время граждане общаются с выбранными ими же посредниками – депутатским корпусом, взаимодействуют с исполнительной ветвью в качестве получателей государственных ус-

---

¹ Садилова Алена Викторовна - аспирант кафедры политических наук ПГНИУ. E-mail: a.sadilova@yandex.ru.
@ Садилова А.В., 2015

луг. Этого для формирования полноценного активного и политико-заинтересованного индивида, как показывает мировая практика, бывает недостаточно, в результате чего интерес и доверие к механизму представительной демократии существенно снизился за последние годы.

В этих условиях весьма актуальна тема модернизации политической системы путем запуска новых механизмов, направленных на вовлечение граждан в политический процесс, культивирование политической партиципации. Возвращение и инкорпорирование в политическую жизнь принципов прямой демократии, которая в силу ряда обстоятельств не имеет возможности быть реализованной в современном мире, сравнивают с «антибиотиком» от «болезней представительной системы».

Обилие инноваций в сфере информационно-коммуникационных технологий позволяют найти вариант решения или, по крайней мере, смягчения сложившейся ситуации. Речь идет о новых сетевых площадках, прототипах прямой демократии, пришедших на смену блогам и форумам, таким, как электронные (сетевые) делиберативные площадки. В общем виде делиберативные сетевые политические площадки – это место политического консенсуса, который достигается при участии граждан в государственных делах. Согласно мнению Ю.Хабермаса, при демократическом устройстве государства решающее значение отводится отнюдь не результату голосования и принятому акту, но больше самому процессу обсуждения, «обмену дискурсами» [11], где и находит свое место соединение различных мнений (т.е. консенсус).

Апологетом делиберативного устройства политической системы выступает и Джозеф М. Бассет. Хотя американский политолог напрямую не говорит о сетевых инструментах взаимодействия, но он также убежден, что путем делиберативных процедур должна осуществляться политическая власть. Более того, по его мнению, с помощью них можно определить общественное благо [9, 76]. Помимо этого, многими другими исследователями, в частности Дж. Драйзеком [10, 475-487], подчеркивалась значимость высокой легитимности принятых делиберативным способом решений. Таким образом, в политической науке сформировался целый лагерь сторонников установления политического диалога для поддержки демократического режима.

Современные делиберативные площадки стали существовать не только в традиционном диалоге (публичные слушания, форумы и т.д.), но под влиянием общего резонанса сетевизации они частью своей перешли в электронное измерение. И на сегодняшний день сектор политической делиберации в Сети имеет тенденцию к росту. Этому способствуют ключевые принципы организации самой электронной среды, которая отвечает главным условиям развертывания делиберативной модели, а именно – открытости и публичности «совещательного пространства». Кроме того, горизонтальные связи и ау-

топоезисная база Сети являются идеальным стимулом для «политической диалоговости».

Вместе с тем, есть еще одно фундаментальное условие, без которого делиберация погибает, редуцируется до примитивной бытовой коммуникации. Дело в том, что делиберативная демократия всегда оперирует понятиями общественного блага, т.е. обсуждаемые вопросы должны касаться непременно проблем общественного интереса, а не узкогрупповых, корпоративных. При высказывании актором собственных, личных вопросов общественность, согласно Ю.Хабермасу, останется «глуха», т.к. реагирует лишь на то, что будет значимо для всех. В ходе обсуждения подвергающиеся критике мнения корректируются, остаются самые «жизнеспособные», если следовать мысли классиков коммуникативной теории. В итоге социальные субъекты влияют на государственное управление при помощи делиберации, что делает их реальными акторами в политическом процессе.

Обратившись к зарубежному опыту, увидим, что подобные практики устройства делиберативных площадок весьма распространены. Во многих демократических странах делиберация растет снизу – от локального уровня, что более адекватно для самой концептуальной составляющей. Так, в Канаде на уровне муниципалитетов принято за правило участие граждан в процессе принятия решений по темам развития данной территории. Политический диалог выстраивается на электронных площадках в городах Голландии, куда муниципальные власти выносят в качестве повестки наиболее значимые вопросы по нормотворчеству и острым социальным темам, тем самым предлагая всем желающим обозначить свой вклад в обсуждение.

Если перенестись в российские реалии, то у нас любопытной особенностью является то, что практики сетевой делиберации зародились в период предэлекторальной борьбы – это сайты, созданные оппозиционными силами. Как таковой оформленной оппозиции, по мнению большинства политологов, не существует, но отдельные эпизоды антиправительственного свойства были зафиксированы в 2010-2012 гг. Именно в этот хронологический период и появились проекты делиберации с мощной политической составляющей («Просто россияне», «Демократор 2» и пр.). Данные ресурсы позиционировали себя как инструменты гражданского общества, нацеленные на улучшение социально-политической действительности путем обмена мнениями и созданием групп сторонников, подачей коллективных петиций. Отметим, что их активность сейчас существенно снижена, т.к. властные элиты, поняв мощный потенциал угрозы для работы политических институтов, коренящийся в данных проектах, перехватили у них инициативу.

Провластным аналогом конструирования делиберативности выступил в 2010 г. ресурс по внесению поправок в законопроект «О полиции» - <http://zakonoproekt2010.ru/>. Это было вызвано, в первую очередь, высокой социальной значимостью проводимой реформы, поэтому власть нуждалась в

достойном уровне легитимации наметившихся изменений. Выносить проект для широкого общественного и экспертного отклика было невыгодно, т.к. это могло спровоцировать серьезные баталии правозащитников относительно пунктов, значительно расширяющих полномочия органов полиции. По большому счету именно это и послужило запуском апробации делиберативной площадки со стороны государства, вызвав естественное недовольство сектора НКО, которые назвали это «блогерской профанацией» [2]. Итогом работы сайта стало обсуждение всего двух законопроектов: «О полиции», «Об образовании в РФ» (с 1 декабря 2010 г.) [4], на чем его история заканчивается.

Однако частично подобные механизмы делиберации инкорпорированы в электронные политические институты парламентаризма. Например, можно обратиться к сайту Государственной думы РФ в качестве подтверждения. Когда мы заходим в раздел «Информационные системы», то в самом первом блоке «Законы и законопроекты» обнаруживаем «Систему общественного обсуждения законопроектов – Вече», где зарегистрированы на начало 2015 г. более 1200 человек [8]. Подобный по своему функционалу раздел существует и на сайте Совета Федерации РФ – «Обсуждения» [3], где также можно опубликовать свой комментарий по вынесенной законодательной инициативе, ответить на мнение других авторов или просто их оценить. Единственный нюанс – совершенно не обязательно, что взгляды пользователей будут учитываться законодателями.

Наряду с вышеобозначенной практикой на сегодняшний день власть сумела найти новый вектор развития гражданских инициатив, который отводит их от проблем политического участия. Гражданам предлагается направить свои инициативы на повышение комфортности бытовой среды, т.е. включиться в процесс контроля за благоустройством и жилищно-коммунальным хозяйством. Так, общественность России к 2012-2013 гг. получила целый ряд «управляемых сетевых площадок». В проектах нового типа акцент делается на возможности граждан информировать о проблемах, которые относятся к компетенции органов исполнительной власти по вопросам городского хозяйства.

«Первопроходцем» в этой сфере стал мэр города Москвы С.С. Собянин, по инициативе которого заработал сайт «Москва – наш город» в 2012 г. [1]. В качестве ключевых задач этой электронной площадки обозначены следующие: получать от москвичей информацию о деятельности органов власти; контролировать своевременность и качество проводимых работ на объектах городского хозяйства; указывать на незаконное размещение объектов; предлагать дополнительные работы по благоустройству дворов; оценивать работу органов власти и т.д. В 2014 г. стартовал проект «Санкт-Петербург – наш город» [7], пока работающий в тестовом режиме, но полностью идентичный по своей «начинке» столичному сервису. Практика распространилась

и на другие крупные города России: так, в Казани на сайте «Открытый Татарстан» действует выкладка «Народный контроль», повторяющая инициативы центра [5]. К началу 2015 г. заработал проект по подаче жалоб относительно состояния ЖКХ и в Перми [6]. Все перечисленные примеры говорят о том, что вместо классического понимания делиберативных площадок в РФ реализуется иная модель – формирование «активных хозяйственников» вместо политических акторов. В результате чего, как таковой делиберации в виде дискуссии и обретения консенсуса представителями общества не происходит, зато остаются элементы участия граждан и односторонне представленного «общественного блага» вне политического формата.

Таким образом, выявленная тенденция в России достаточно далека от идей прямой демократии в сетевом выражении. Наличие новых электронных площадок, скорее всего, не станет толчком для коренных преобразований политической системы. В таком случае и проблемы, которые призван решить делиберативный механизм (абсентеизм, слабость гражданского общества и политическая апатия) останутся также на повестке дня. В свете этих событий вырисовывается самая главная проблема существующей власти в РФ – сужение политического сектора, где может участвовать социум. Попытки перенаправить активность граждан на ЖКХ - явный пример того, что существующие политические силы не готовы передать даже минимальные рычаги влияния в руки населению. При всем этом мировая практика внедрения делиберативных площадок развивается при сохранении идеи частичного вживления элементов прямой демократии.

Библиографический список

1. Москва – наш город [Электронный ресурс]. URL: <http://gorod.mos.ru/?show=about> (дата обращения: 07.11.2014).
2. Обсуждение закона «О полиции» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yuga.ru/news/198259> (дата обращения: 17.11.2014).
3. Обсуждения. Сайт Совета Федерации РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/press-center/discussions/> (дата обращения: 09.02.2015).
4. Общественное обсуждение законопроектов [Электронный ресурс]. URL: <http://zakonoproekt2012.ru/#law/edu> <http://www.gosbook.ru/about> (дата обращения: 17.11.2014).
5. Площадка для общественных обсуждений «Народная экспертиза». Открытый Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <https://open.tatarstan.ru/expertise> (дата обращения: 07.11.2014).
6. Проект «Решаем вместе» Администрации города Перми [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gorodperm.ru/social/reportproblem/report/> (дата обращения: 07.02.2015).

7. Санкт-Петербург – наш город [Электронный ресурс]. URL: <http://gorod.gov.spb.ru/> (дата обращения: 07.11.2014).
8. Система общественного обсуждения законопроектов «Вече» [Электронный ресурс]. URL: <http://veche.duma.gov.ru/> (дата обращения: 09.02.2015).
9. *Bessette Joseph M.* The Mild Voice of Reason: Deliberative Democracy and American National Government (American Politics and Political Economy Series)// Paperback. June 1, 1997. P.76.
10. *Dryzek J.* Political Inclusion and the Dynamics of Democratization //The American Political Science Review, Vol.90, No.3 (Sep., 1996). Pp. 475-487.
11. *Perote-Pena J., Piggins A.* A Model of Deliberative and Aggregative Democracy [Электронный ресурс]. URL: http://www.lse.ac.uk/CPNSS/research/currentResearchProjects/ChoiceGroup/PDF_files/WP_7_1.pd (дата обращения: 21.07.2014).

NET DELIBERATIVE PLATFORMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

A.V. Sadilova

PhD student , Department of Political Science, Perm State University

The worldwide tendency of citizenship political passiveness increase and absenteeism growth are among the urgent modern concerns. There exists the point of view saying that such problems result from the system of representative democracy defectiveness, it is why this type of democracy being realized in many countries. In this connection the idea of direct democracy elements (deliberations) implementing with the aim of their overcoming appears to be quite acute. The application of innovative resources of informatively-communicative sphere in political process makes it possible.

The article considers the Russian experience in deliberation points in the net space. As net resources of deliberation the author generally means electronic dialogue platforms aimed at political communication between the government and society achievement. The author concludes that electronic dialogue platforms are not quite efficient in contemporary Russia.

Key words: representative democracy; direct democracy; deliberation; deliberative platforms; political dialogue; public welfare.

References:

1. Moscow is our city [Electronic resource]. URL: <http://gorod.mos.ru/?show=about> (The date of application: 07.11.2014). (In Rus.).

2. The discussion of the law “About the Police” city [Electronic resource]. URL: <http://www.yuga.ru/news/198259> (The date of application: 17.11.2014). (In Rus.).
3. The discussions. The site of RF Federation Council. [Electronic resource]. URL: <http://council.gov.ru/press-center/discussions/> (The date of application: 09.02.2015). (In Rus.).
4. Public discussion of law drafts. [Electronic resource]. URL: <http://zakonoproekt2012.ru/#law/edu> <http://www.gosbook.ru/about> (The date of application: 17.11.2014). (In Rus.).
5. The platform for public discussions “People expertise”. [Electronic resource]. URL: <https://open.tatarstan.ru/expertise> (The date of application: 07.11.2015). (In Rus.).
6. The project of city Perm local authorities “Make decisions together” [Electronic resource]. URL: <http://www.gorodperm.ru/social/reportproblem/report/> (The date of application: 07.11.2015). (In Rus.).
7. ~~57.02.2015~~ <http://gorod.gov.spb.ru/> city. [Electronic resource]. URL: <http://gorod.gov.spb.ru/> (The date of application: 07.11.2014). (In Rus.).
8. The system of law drafts public discussion. Veche [Electronic resource]. URL: <http://veche.duma.gov.ru/> (The date of application: 09.02.2015).
9. *Bessette Joseph M.* The Mild Voice of Reason: Deliberative Democracy and American National Government (American Politics and Political Economy Series)// Paperback – June 1, 1997. P.76. (In English).
10. *Dryzek J.* Political Inclusion and the Dynamics of Democratization //The American Political Science Review, Vol.90, No.3 (Sep., 1996). pp. 475-487. (In English).
11. *Perote-Pena J., Piggins A.* A Model of Deliberative and Aggregative Democracy [Electronic resource]. URL: http://www.lse.ac.uk/CPNSS/research/currentResearchProjects/ChoiceGroup/PDF_files/WP_7_1.pd (The date of application: 21.07.2014). (In English).

УДК-323(470+571)

**ПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЕ ОБРАЗЫ КАК РЕСУРС ПОЛИТИКИ
ИДЕНТИЧНОСТИ В СУБЪЕКТАХ РФ:
СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ**

В.Д. Бедерсон¹

В статье предпринимается попытка систематизировать стратегии региональных политических элит в отношении персонифицированных образов для конструирования специфических политик идентичности. На основании анализа персонифицированных политик идентичности в 83 субъектах РФ в период 2000-2014 гг. формулируются два ключевых типа стратегий: стратегия легитимации власти главы региона или стратегия вынужденной идентификации.

Ключевые слова: политика идентичности; персонифицированный образ; персоналистский идентификатор; региональная политическая элита; региональная идентичность.

В научной литературе сложилась позиция рассматривать феномен территориальной (региональной, локальной) идентичности как имеющий политическую природу. Безусловно, особое политическое измерение региональной идентичности придает политика идентичности, которая нами вслед за Е. Цумаровой, понимается как «деятельность политических акторов по формированию как представлений о «мы-сообществе», так и чувства принадлежности к нему в границах политического сообщества». Соответственно, целью политики идентичности является «укрепление позиций и легитимация властвующих институтов», а основными направлениями – «символизация пространства, ритуализация принадлежности к политическому сообществу, формирование образа «мы-сообщества» и установление границ «свой» – «чужой» [28].

В центре исследования настоящей статьи место и значение персонифицированных образов исторических персоналий, которые актуализируются региональными политическими элитами для проведения политики идентичности и формирования того или иного варианта региональной идентичности. В этом смысле персонифицированные образы понимаются и обозначаются нами в качестве персоналистских идентификаторов, т.е. структурных элементов региональной идентитарной матрицы [19, 193-197].

---

¹ Бедерсон Всеволод Дмитриевич – ассистент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: vsbederson@gmail.com.
© Бедерсон В.Д., 2015

Исследовательский вопрос данной статьи заключается в том, чтобы определить с какой целью региональные политические элиты актуализируют и политизируют персоналистские идентификаторы как основание политики идентичности. В статье представлены результаты исследования, проведенного по материалам всех (на начало 2014 г.) 83 субъектов РФ, хронологические рамки – 2000-2014 гг.

Политика конструирования идентичности, как и любой другой политической процесс, включает в себя производящие ее элементы, каковыми являются акторы, стратегии, ресурсы, институты [5].

«Борьба» за идентичность в преломлении персоналистского идентификатора представляет собой состязание акторов (агентов идентичности – региональных политических элит), стремящихся монополизировать право на интерпретацию персоналистских идентификаторов, действующих при этом в русле какой-либо стратегии и применяющих те или иные институциональные инструменты для извлечения политических и иных благ.

Политика идентичности в современных российских регионах должна быть вписана в контекст проблемы постсоветской (постимперской) трансформации и регионализации, как производной от нее. М. Назукина и Д. Докучаев, с нашей точки зрения, убедительно доказали, что в настоящее время есть все основания говорить об «элитарном регионализме», то есть такой практике пересмотра распределения благ и ресурсов в системе отношений «центр – периферия», где активная роль со стороны регионов полностью замещается политическими элитами [11].

Проведенный анализ показывает, что в подавляющем большинстве случаев ключевым, а иногда и единственным агентом идентичности, конструирующим «самость» региона на основе персоналистских идентификаторов, является именно региональная политическая элита. Под «региональной политической элитой» в данном случае нами понимается группа или группы «обладающие реальной властью в принятии общественных важных решений» [6]. Эти группы объединяет формальная принадлежность к органам власти и формальные институциональные преимущества в реализации власти (в том числе политико-символической). Таким образом, региональная элита для нас – это, в первую очередь, главы и правительства регионов, во-вторую – легислатуры, отдельные депутаты, отдельные члены правительства или представители региональной бюрократии. Проведенный анализ говорит о том, что региональную элиту, реально конструирующую идентичность через механизмы актуализации персоналистских идентификаторов, в большинстве случаев можно еще более сузить – до главы региона, его аппарата и правительства (губернатор и его правительственная команда).

Политико-символический интерес элиты в вопросах конструирования идентичности через персоналистские образы связан с несколькими причинами, основной из которых является поиск оснований для легитимации режима,

элитной конфигурации или же непосредственно власти главы региона. Функция персонифицированного образа в данном случае заключается в партиципации политического лидера с «великим предком». Например, в части регионов Дальнего Востока (Амурская область, Хабаровский край, Приморский край) элитой региона актуализируется образ Николая Муравьева-Амурского (первого имперского наместника на этих территориях). Независимо друг от друга в Амурской области и Хабаровском крае по распоряжению действующих губернаторов успешным студентам выплачивается стипендия имени Н.Н. Муравьева-Амурского [20]. Кроме этого, в Хабаровске есть памятник Муравьеву и улица в его честь, в Благовещенске, помимо улицы и памятника, именем «героя» названа областная библиотека, во Владивостоке также есть соответствующая улица. Муравьев-Амурский в политике идентичности трех названных регионов наделяется весьма размытыми и общими характеристиками, как то «выдающийся государственный деятель», «первооткрыватель», «выдающийся сын Отечества» и т.п., что подтверждает предположение о непринципиальности реальных исторических характеристик героя по сравнению с тем содержанием, которое с его помощью конструируют агенты идентичности. Губернаторы стараются вписывать образ героя в свою политическую повседневность, обращаясь к исторической роли Муравьева-Амурского [22].

Ту же функцию партиципации главы региона выполняет образ Ахмата Кадырова в политике идентичности в Чеченской республике, где Рамзан Кадыров эффективно выстраивает символический культ своего отца, называя его именем футбольный клуб «Терек», стадион, учреждая республиканскую премию [24], государственный музей [9], благотворительный фонд [7] («имени первого президента Чечни, Героя России Ахмата-Хаджи Кадырова») и т.д. Мемориальный сайт памяти Ахмата Кадырова [25] содержит в своем контенте разделы, конструирующие такой образ Кадырова-старшего, который однозначно представляет собой региональный идентификатор. По очевидной задумке организаторов и спонсоров сайта (установить кто они конкретно не удалось, но содержание сайта однозначно дает основания утверждать, что финансирование и редактирование сайта связано с Р. Кадыровым и/или Правительством Республики Чечня). Образ А. Кадырова воплощает в себе все «лучшее, что представляет собой Чеченская республика сегодня». Примечательным блоком сайта является раздел, посвященный отношениям обоих Кадыровых, где приводятся воспоминания сына об отце: *«5 мая 2004 года, за четыре дня до его смерти, у нас состоялся разговор. Совершенно неожиданно отец сказал: «Если что случится, мне без тебя будет очень и очень тяжело. Всех своих бойцов, каждого рядового ты по имени знаешь. Я так не смогу. Если погибну я – тебе будет легче. Но тогда ты не раздумывай долго, сразу принимайся за дело. Тебе придется заменить меня»* [25]. Приведенная цитата примечательна тем, что грань между воспоминанием Р. Кадырова как

сына и как политического преемника (в определенных институциональных и конституционных условиях) практически отсутствует – и это представляет собой механизм двойного идентитарного действия: во-первых, создает культовый образ, героизирует персоналию, во-вторых, партиципирует и субъекта создания культа, включает его в пространство «священного»/культового. Н. Щербинина отмечает на примере преемственности образов Сталина и Ленина, что подобного рода практики символизации действующего политика за счет образа «легендарного предка» свойственны российской политико-культурной традиции. Автор также говорит, что *«в наши традиционный коллективный запас политического «знания» данный порядок спаривания входит как архетип властного порядка вообще»* [29].

Более сложное легитимирующее основание имеют персоналистские идентификаторы, которые функционально также направлены на легитимацию символической политики региональной элиты, но связаны не с актуализацией местного героя и проблематизацией его идентитарной значимости для регионального и общероссийского уровня, а с «арендой» общероссийской исторической персоналии для нужд региональной политики идентичности. В примерах, где элиты актуализируют таких героев, мы не найдем практик партиципации губернатора с «предком» в силу того, что такая партиципация не будем иметь успеха из-за априорной распыленности и многочисленности потенциальных субъектов, способных претендовать на интерпретацию образа героя. Но элиты регионов могут использовать подобные идентификаторы для конструирования своей версии идентичности и без персональной партиципации. В качестве примера можно привести элиту Красноярского края, которая активно продвигает образ Василия Сурикова как регионального «гения места» [3; 15]. С его помощью тоже устанавливается символическая монополия элиты на конструирование идентичности региона. Несмотря на то, что губернатор Кузнецов и его предшественники поддерживают образ Сурикова как идентификатор скорее по инерции, запущенной еще в советское время, это тем не менее не отменяет самого факта, что в современном Красноярском крае региональные элиты инструментализируют тот же самый образ для монополизации символического персоналистского пространства региона. Образ Сурикова был настолько прочно связан с регионом, где в честь художника названы улица в краевом центре, музеи, школа, училище, скверы, установлен памятник и школьникам присуждаются стипендии имени Сурикова [21; 8; 17; 13], что региональной элите было принципиально важно взять на себя ответственность в его поддержании, развитии инфраструктуры, которая воспроизводила бы мифологему «Красноярск – родина Сурикова». Функция образа Сурикова в таких обстоятельствах заключается в том, чтобы вписать регион в общероссийское культурное пространство. Одновременно обозначается ответственность субъекта, имеющего право на символические манипуляции с данным образом.

Инерция поддержания образа Сурикова современной региональной элитой особенно ярко выявляется в сопоставлении с другим значимым персоналистским идентификатором в структуре красноярской идентичности – образом Виктора Астафьева, который начал активно конструироваться после смерти писателя в 2001 г. Здесь пространство для маневров у региональной элиты значительно больше. В данном случае именно региональная элита является инициатором мемориализации образа героя и выстраивания его в качестве идентификатора. В рамках этой политики идентификации имя писателя в 2004 г. получил Красноярский педагогический университет, в течение 2009 г. были проведены многочисленные мероприятия, посвященные 85-летнему юбилею Астафьева [16], в честь писателя в крае названы музеи, вручается премия его имени, проходит ежегодная конференция его имени, создан мемориальный комплекс. Примечательно, что идентификация региона с именем писателя началась еще при его жизни, для чего в 1994 г. был создан Фонд имени В.П. Астафьева, учредителями которого выступили именно представители региональной элиты: *«учредителями выступили промышленные предприятия, финансовые структуры и учреждения культуры г. Красноярска совместно с администрацией Красноярского края. Их число увеличилось в 1996-97 гг., тогда же в число учредителей Фонда вошла администрация г. Красноярска»* [27]. Случай с Астафьевым представляет собой пример долгосрочной и стабильной идентитарной политики с целью монополизации символического пространства, а в плоскости политэкономических вопросов – привлечения федеральных средств на поддержание памяти об уникальном «герое».

В качестве еще одного примера можно привести Кировскую область, где региональная элита, как и в Красноярском крае, использует в качестве персоналистских идентификаторов образы героев, относимых к общероссийскому культурному контенту. Более того, Кировский регион примечателен тем, что здесь все активно продвигаемые персоналии относятся именно к названному типу – художники братья Васнецовы, писатели М. Салтыков-Щедрин и А. Грин. Элита региона позиционирует героев как выходцев из «вятской земли» [4; 14], которые своим творчеством обогатили не только региональное культурное пространство, но и культуру всей страны. И здесь, как и в красноярском случае, региональная элита, с одной стороны, через данные операционализируемые персоналии проще выходит на федеральный уровень капитализации памяти о «великих земляках», с другой стороны, по этой же причине, элита более скованна в своих интерпретативных практиках, поскольку «арендует» образы из всего общегосударственного культурного ландшафта.

На политику идентичности в регионах накладывает свой отпечаток практика реализации российского федерализма, генетические особенности сложившегося в стране политического режима, соображения «политической

целесообразности». Существуют примеры, когда элиты используют определенных героев в идентификационных целях, но вынужденно. В качестве примеров можно назвать образ Бориса Ельцина в Свердловской области и образ Шолом-Алейхема в Еврейской автономной области.

Политика идентификации Свердловской области с первым Президентом РФ Б. Ельциным началась в регионе в 2007 г., после его смерти. После длительной и активной дискуссии одна из улиц (улица 9 января) в Екатеринбурге была переименована в улицу Бориса Ельцина, сопротивление этому процессу оказывали местные коммунистические организации [2; 12; 18]. До этого в родном селе Ельцина Бутка ул. Карла Маркса также получила имя президента [26]. Региональная элита через образ Ельцина старалась, очевидно, символически консолидировать региональное сообщество, создать новый идентификатор «отличности» свердловчан.

Консолидирующая функция для персоналистского идентификатора, сделаем отвлечение, – одна из ключевых. Это справедливо для любых идентификаторов, но специфика персоналистского идентификатора состоит именно в том, чтобы сконструировать каналы для ассоциирования с героем на личностном уровне, так, чтобы он был основанием для поведенческого подражания, необъективированного «морального авторитета».

Однако, политико-идеологическое условия второй половины 2000-х гг. не позволили региональной элите Свердловской области сделать из образа Ельцина консолидирующий идентификатор: против коммеморации памяти о Ельцине и объективации памяти в городском ландшафте Екатеринбурга выступали и коммунисты, и просто недовольные жители, не объединенные в идеологические группы. Например, инициатива номинирования на присвоение имени Ельцина его *alma mater*, УПИ, не вызвала поддержки у студентов: *«По словам руководителя пресс-службы УГТУ–УПИ Вадима Малыгина, прошедшая недавно конференция старост вуза показала, что большинство студентов против переименования университета. Первокурсники к тому же, как утверждает Малыгин, негативно высказывались и об установке памятника Ельцину. В отличие от студентов старших курсов они относятся к первому Президенту страны без особого уважения, хотя и не против переименования в его честь одной из улиц Екатеринбурга»* [18]. Губернатор Э. Россель смог объединить часть региональной элиты вокруг идеи идентификации региона с Ельциным, но все же и в элитной среде эта идея не нашла единомышленников. Например, мэр Екатеринбурга А. Чернецкий заявил, что «последнее слово» в деле переименования улиц за горожанами, и решение будут принимать именно они.

На данном этапе история с образом Ельцина в Свердловской области развивалась примерно так же, как история с образом Астафьева в Красноярском крае: региональная элита изобретала идентификатор с целью «сформировать предложение» для регионального сообщества ассоциироваться с геро-

ем, а также «предложение» внести образ Ельцина в структуру общегосударственного культурного пространства, закрепить за элитой области право на интерпретацию образа Ельцина как «своего». Однако после того, как федеральный Центр вмешался в политику идентичности области в части мемориализации Ельцина, следует говорить уже о вынужденной идентификации. При давлении Центра в 2011 г. в Екатеринбурге был установлен памятник Ельцину, несмотря на возражения внутри регионального сообщества. Символическая политика Центра в отношении области и образа Ельцина в ее идентичности была продолжена, самым значимым действием при этом было объединение двух крупнейших региональных ВУЗов в Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина. Радикальным ответом на такое навязывание стал акт вандализма [1].

При этом необходимость Центра навязать региону память о Б. Ельцине достаточно очевидна и связана с вопросом легитимности власти В. Путина: символическое воспроизводство памяти о Ельцине направлено на подтверждение нормативности передачи власти от Ельцина Путину и исполнение неформальных «преемнических обязательств» [23] преемника перед предшественником.

В случае с Еврейской АО природа «вынужденности» использования персоналистского образа (Шолом-Алейхема) несколько иная и связана скорее с символическим наследием самого региона. Искусственность использования самого образа героя корреспондирует искусственности самой региональной идентичности, вынужденной актуализации еврейской составляющей региональной идентитарной матрицы. Полный отказ от «еврейского национализма» в идентичности поставит под сомнение саму правосубъектность области, дальнейшее и масштабное же ее разворачивание не имеет внушительного «спроса» со стороны регионального сообщества и только усилит искусственность такой идентичности [1, 98-104].

Итак, подведем итоги. Приведенные примеры инструментализации персоналистских идентификаторов региональными политическими элитами позволяют выделить следующие элитистские стратегии в отношении актуализации персоналистских идентификаторов:

- легитимация власти через партиципацию действующего руководителя региона с «великим предшественником», как правило, лояльным центральной власти и, более того, снискавшим основные заслуги именно в «службе Отечеству»;
- присоединение к общероссийскому культурному пространству в качестве особой территориальной единицы через две различные практики:
  - «аренда» существующего «героя» в общекультурном пространстве;
  - «формирование предложения» по включению в общекультурное пространство нового «героя»;
- вынужденная идентификация с «героем»:

- навязанная Центром;
- вынужденная в силу символического наследия региона или же воспроизводимая по инерции.

Рассмотренные стратегии политики идентичности региональных элит дают еще одно подтверждение того, что в рассматриваемый хронологический период в качестве главной референтной стороны для региональных элит в вопросах формирования политики идентичности утвердился федеральный Центр [19]. Актуализируемые «культурные герои» были призваны сформировать в региональном политическом пространстве такой легитимный порядок, который бы апеллировал к проблеме отношений данного региона и Центра. В этом смысле персоналистский идентификатор принимает принципиальное значение, поскольку дискурсивно формирует представление о регионе извне в логике лояльности (дискурс унификации), мягкого символического противостояния (дискурс партикуляризации) или особого выделения из числа иных регионов (дискурс уникализации). Таким образом, стратегически элиты, будь то через установление легитимных оснований или же в условиях определенной вынужденности, конструируют через образы актуализируемых «героев» тот или иной дискурсивный порядок.

Библиографический список

1. Бедерсон В.Д. Шолом-Алейхем и «вынужденный еврейский национализм» в идентичности Еврейской автономной области // Вестник Пермского университета. Серия Политология. Пермь, 2013. №2. С.98-104.
2. В Екатеринбурге изуродован 10-метровый памятник Ельцину: облили краской, разбили мраморные буквы. Место преступления оцепила полиция [Электронный ресурс]. URL: <http://ura.ru/content/svrd/24-08-2012/news/1052146668.html>.
3. В Екатеринбурге проспект Ленина предлагают переименовать в улицу Ельцина [Электронный ресурс]. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-278299.html.
4. В Красноярске открылась студенческая выставка картин, посвященная 160-летию Сурикова [Электронный ресурс]. URL: <http://newslab.ru/news/247919>.
5. Власти Кировской области собираются превратить родину Васнецовых в центр туризма [Электронный ресурс]. URL: <http://p-sssr.ru/novosti/2013-01-28/v-ryabovo-postroyat-gostinichno-muzeinyi-kompleks>.
6. Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России: рамки анализа [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ge5-pr.html>.
7. Гельман В. Шахматные партии российских элит //Pro et contra. 1996. №. 1.

8. Глава Чечни Рамзан Кадыров с семьей активно занимается благотворительностью [Электронный ресурс]. URL: <http://uadeti.com/smi/855-2013-01-20-15-10-26>.
9. Год культуры шагает по большому краю [Электронный ресурс]. URL: <http://www.24rus.ru/more.php?UID=106814>.
10. Государственный музей Ахмата Кадырова готовит новую экспозицию [Электронный ресурс]. URL: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=5895>.
11. Губернатор Шпорт вручил молодым учёным края стипендии им. Н.Н.Муравьева-Амурского [Электронный ресурс]. URL: <http://habrus.ru/content/gubernator-shport-vruchil-molodym-uchenym-kraya-stipendii-imeni-nnmuraveva-amurskogo>.
12. Докучаев Д.С., Назукина М.В. «Элитарный» регионализм в России: проблема взаимоотношений власти и интеллигенции (на материале Пермского края и Ивановской области) // Интеллигенция и мир. 2013. №. 3. С. 18-33.
13. Екатеринбург: опрос о переименовании улицы в честь Б.Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <http://789.ru/news/11537-4545.html>.
14. Занятие на тему "По следам В.И. Сурикова в Красноярске". К 165-й годовщине со дня рождения В.И. Сурикова [Электронный ресурс]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/627174/>.
15. Кировские школьники-авторы лучших работ по творчеству Грина будут отдыхать в "Артеке" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Povoljje/news.asp?id=488135&sec=1671>.
16. Красноярский край – навстречу Сурикову [Электронный ресурс]. URL: <http://www.24rus.ru/more.php?UID=23115>.
17. Красноярский край отмечает юбилей Астафьева [Электронный ресурс]. URL: <http://newslab.ru/news/282536>.
18. Красноярский художественный музей имени В. Сурикова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.surikov-museum.ru/>.
19. Мурзина Д.Ш. Мифотворчество региональных политических элит России: автореф. дис. ... канд.полит. наук. Казань, 2013.
20. На родине первого президента России разгораются споры об увековечивании его имени [Электронный ресурс]. URL: <http://flb.ru/info/40610.html>.
21. Назукина М.В. Матрица идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв.ред. И.С. Семенов. С.193-197.
22. О выплате стипендии имени Муравьева-Амурского Н.Н. Распоряжение Губернатора Амурской области от 21.07.2008 N 342-р [Электронный ресурс]. URL: <http://law7.ru/amur/act7p/i280.htm>.

23. Одаренным школьникам края присуждены именные стипендии [Электронный ресурс]. URL: <http://zapad24.ru/news/territory/25442-odarennym-shkolnikam-kraja-prisuzhdeny-imennye-stipendii.html>.
24. Олег Кожемяко встретился с потомком основателя Амурской области Сергеем Муравьевым-Амурским [Электронный ресурс]. URL: <http://blagoveshchensk.rusplt.ru/index/oleg-kojemyako-vstretilsya-s-potomkom-osnovatelya-amurskoj-oblasti-sergeem-muravevyimamurskim.html>.
25. Панов П.В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника // Политическая экспертиза: Политэкс. №3. 2010. С. 19-33.
26. Рамзан Кадыров учредил премию в области культуры, литературы и искусства [Электронный ресурс]. URL: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=10757>.
27. Сайт «Светлой памяти Героя России Ахмата-Хаджи Кадырова» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kadirov.ru/node/111>.
28. Улицу Карла Маркса переименовали в улицу Бориса Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2007/10/26/yeltsin/>.
29. Фонд имени Виктора Петровича Астафьева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.astafiev.ru/about/>.
30. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия): дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.
31. Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

PERSONALIZED IMAGES AS A RESOURCE FOR IDENTITY POLICY IN THE REGIONS OF RUSSIA: STRATEGY OF REGIONAL POLITICAL ELITIES

V.D. Bederson

Assistant of the Department of Political Sciences, Perm State University

The article attempts to systematize the strategies of regional political elites in regard to personalized images for the design of specific identity policy. Based on the analysis of personalized identity policy in 83 regions of Russia in the period 2000-2014 years formulated two key types of strategies: the strategy of legitimizing power of the head region or strategy forced identification.

Key words: identity policy; personalized image; personalistic identifier; regional political elite; regional identity.

References:

1. *Bederson V.D.* Sholem Aleichem and "forced Jewish nationalism" in the identity of the Jewish Autonomous Region // Bulletin of the University of Perm. A series of "Political Science". Perm, 2013. №2. P.98-104. (In Rus.).
2. In Yekaterinburg disfigured 10-meter monument to Yeltsin: spilled paint, broken marble letters. Police cordoned off the scene of the crime [Electronic resource]. URL: <http://ura.ru/content/svrd/24-08-2012/news/1052146668.html>. (In Rus.).
3. In Yekaterinburg Lenin Avenue propose to rename a street Yeltsin [Electronic resource]. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-278299.html. (In Rus.).
4. In Krasnoyarsk student opened an exhibition of paintings dedicated to the 160th anniversary of the Surikov [Electronic resource]. URL: <http://newslab.ru/news/247919>. (In Rus.).
5. The Government of the Kirov region are going to turn home Vasnetsovs a center of tourism [Electronic resource]. URL: <http://p-sssr.ru/novosti/2013-01-28/v-ryabovo-postroyat-gostinichno-muzeinyi-kompleks>. (In Rus.).
6. *Gelman V.* Power, governance and local regimes in Russia: A Framework for Analysis [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ge5-pr.html>. (In Rus.).
7. *Gelman V.* Chess games Russian elites // Pro et contra. 1996. №. 1. (In Rus.).
8. The head of Chechnya, Ramzan Kadyrov and his family are actively involved in charity work [Electronic resource]. URL: <http://uadeti.com/smi/855-2013-01-20-15-10-26>. (In Rus.).
9. Year of Culture steps in the long edge [Electronic resource]. URL: <http://www.24rus.ru/more.php?UID=106814>. (In Rus.).
10. State Museum of Akhmad Kadyrov is preparing a new exhibit [Electronic resource]. URL: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=5895>. (In Rus.).
11. The Governor Shport handed young scientists edge scholarship named N.N.Muraveva-Amur [Electronic resource]. URL: <http://habrus.ru/content/gubernator-shport-vruchil-molodym-uchenym-kraya-stipendii-imeni-nnmuraveva-amurskogo>. (In Rus.).
12. *Dokuchaev D.S., Nazukina M.V.* "Elite" regionalism in Russia: the problem of relations between the authorities and intellectuals (based on the Perm region and the Ivanovo region) // Intellectuals and the world. 2013. №. 3. P. 18-33. (In Rus.).
13. Ekaterinburg poll to rename the street in honor of Boris Yeltsin [Electronic resource]. URL: <http://789.ru/news/11537-4545.html>. (In Rus.).
14. Training on the theme "In the footsteps of Surikov in Krasnoyarsk." By the 165th anniversary of the birth of VI Surikov [Electronic resource]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/627174/>.(In Rus.).

15. Kirov students, authors of the best papers on creativity Green will rest in "Artek" [Electronic resource]. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Povoljje/news.asp?id=488135&sec=1671>. (In Rus.).
16. Krasnoyarsk region - towards Surikov [Electronic resource]. URL: <http://www.24rus.ru/more.php?UID=23115>. (In Rus.).
17. Krasnoyarsk region celebrates anniversary Astaf'eva [Electronic resource]. URL: <http://newslab.ru/news/282536>. (In Rus.).
18. Krasnoyarsk Art Museum Surikov [Electronic resource]. URL: <http://www.surikov-museum.ru/>. (In Rus.).
19. *Murzin D.Sh.* Mythmaking regional political elites in Russia: the author's abstract on competition kand.polit title. Sciences. Kazan, 2013. (In Rus.).
20. At home, the first president of Russia ignite debate about perpetuating his name [Electronic resource]. URL: <http://flb.ru/info/40610.html>. (In Rus.).
21. *Nazukina M.V.* Identity matrix // Political identity and identity politics: in 2 v. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), Volume 1: Identity as a category of political science: a glossary of terms and concepts / [otv.red. IS Semenenko]. P.193-197. (In Rus.).
22. Payment of the scholarship named Muraveva-Amur NN Order of the Governor of the Amur region from 21.07.2008 N 342-p [Electronic resource]. URL: <http://law7.ru/amur/act7p/i280.htm>. (In Rus.).
23. Gifted students awarded scholarships edge [Electronic resource]. URL: <http://zapad24.ru/news/territory/25442-odarennym-shkolnikam-kraya-prisuzhdeny-imennye-stipendii.html>. (In Rus.).
24. Oleg Kozhemyako met with a descendant of the founder of the Amur region Sergey Muravyov-Amur [Electronic resource]. URL: <http://blagoveshchensk.rusplt.ru/index/oleg-kojemyako-vstretilsya-s-potomkom-osnovatelya-amurskoy-oblasti-sergeem-muravevyimamurskim.html>. (In Rus.).
25. *Panov P.V.* Political order and the problem of the reproduction of power: Institute successor // Political Expertise: Politeks. №3. 2010. P. 19-33. (In Rus.).
26. *Ruslan Kadyrov* established a prize in the field of culture, literature and art [Electronic resource]. URL: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=10757>. (In Rus.).
27. Site "bright memory of the Hero of Russia Akhmad-Hadji Kadyrov." [Electronic resource]. URL: <http://www.kadirov.ru/node/111>. (In Rus.).
28. Karl Marx Street renamed after Boris Yeltsin [Electronic resource]. URL: <http://lenta.ru/news/2007/10/26/yeltsin/>. (In Rus.).
29. Fund name Victor Petrovich Astaf'eva [Electronic resource]. URL: <http://www.astafiev.ru/about/>. (In Rus.).
30. *Tsumarova E.J.* Identity politics in regions of Russia: theoretical and practical aspects (for example, the Republic of Karelia): dis. ... Kand.polit. Sciences. St. Petersburg, 2014. (In Rus.).

31. *Shcherbinina N.G.* Mytho-heroic construction of political reality in Russia. М.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2011. (In Rus.).

Политическая теория

УДК-328.18

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСК» В ПОЛИТОЛОГИИ

А.Ю. Панюков¹
В статье рассматривается история появления понятия «политический риск». Автор проводит исследование истории появления понятия «риск» и повлиявших на это факторов. На основе анализа концепции риска Николаса Лумана автор переходит к проблеме использования понятия «риск» в математике и смежных науках. Рассматривается влияние данного перехода на само понятие «риска». Приводятся различные подходы к рассмотрению «риска» в научной среде.

В статье анализируется появление понятия «политического риска» в общественных науках в рамках указанного автором направления исследований. Рассматриваются различные трактовки понятия, которые существуют в политической науке в данный момент, взаимосвязь экономики и политологии в рамках трактовки данного понятия.

Ключевые слова: «общество риска»; политические риски; транснациональные корпорации.

Тенденции современного мирового развития показывают значимость теории управления рисками в информационном обществе, стимулируют развитие целой области научного и практического знания о природе рисков. При этом риск становится предметом рассмотрения специалистов самых разных дисциплин. Современность характеризуется тем, что риск становится свойственен всем сторонам жизни человеческого общества, которое, по утверждению немецкого социолога У.Бека, следует называть «обществом риска» [2, 165].

В общественных науках появляется концепция политических рисков. Находясь в сфере политической и экономической теории, это понятие становится междисциплинарным, что определяет его важность не только для одной отрасли научного знания. Так, к данной категории обращаются и другие ученые – экономисты, социологи, управленцы. Являясь достаточно новым понятием, политические риски уже прочно вошли в научный тезаурус и практический обиход, став важной категорией политического анализа и других наук. При этом само понятие «риск» было известно задолго до становления общества современного типа.

---

¹ Панюков Алексей Юрьевич – аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: lepanyukov@gmail.com.
© Панюков А.Ю., 2015

Природа человеческой деятельности является рискованной. Человек, обладая сознанием, может благодаря этому допускать, что его знание не обладает всей полнотой. Отсюда вытекает проблема неопределенности знания, а неопределенность неизбежно может привести к рискованной ситуации.

Н.Луман отмечает, что представление о риске люди имели уже в античности, но не использовали для обозначения этого явления данное слово. Так, мореплаватели Древнего Востока имели особые правовые институты, которые служили своеобразным методом страхования рисков для владельцев грузов и судов. Внешне это походило на поклонение богам, но при этом все участники договора осознавали, что подобная особая договоренность исполняла роль страховки, распространявшейся на всех участников договора. Однако, как отмечает Н.Луман, до начала эпохи Возрождения не было осознания того, что риски связаны с решениями [6, 140].

Риск прочно входит в научный и повседневный обиход с концом Средневековья-началом Возрождения. Он уходит из сферы морской торговли, проникая во все сферы деятельности – материальной и духовной. Так, например, Луман приводит слова Паскаля, который говорит, что риск неверия слишком велик, ведь он может не привести к спасению души [6, 142]. Это так называемый «парадокс Паскаля», согласно которому не верить в Бога рискованнее, чем верить в него. При этом сам парадокс описывается в категориях «выигрыша/проигрыша», важных для понимания риска.

Как и сам Луман, так и другие исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой вхождение в обиход понятия «риск» произошло вместе с развитием математики и, прежде всего, теории вероятности, что, в свою очередь, стало возможным из-за использования арабских цифр и развития книгопечатания, то есть массовой передачи информации. Среди первых предпринятых попыток калькуляции риска была рассмотренная францисканским монахом Лукой Пачоли задача о распределении выигрыша в кости при незаконченной игре. Данные задачи привели к развитию теории вероятности, в том числе и в прикладной сфере. Исследования Пачоли положили начало исследованиям Кардано, Галилея, Паскаля и Ферма. А в 1738 г. швейцарский математик Бернулли провел анализ отношения к вероятностям и риску в жизни и азартных играх. Оказалось, что в азартных играх люди менее обращают внимания на последствия, концентрируясь на игре. В то же время в повседневной жизни люди более тщательно оценивают риски и потери, с которыми они могут столкнуться при неблагоприятном исходе [11, 30-32].

Таким образом, понятие риска и представление о нем появилось в естественных науках, а если быть точнее, то в математике и связанных с ней науках (статистике, демографии, экономике). Причем, по мнению исследователя риска П.Бернштейна, во многом эти самые науки и формировались под знаком изучения рисков и неопределенности [3, 19]. Само понятие «риска» традиционно является важнейшей характеристикой экономической деятельно-

сти, в частности, инвестиционной ее составляющей. Поэтому закономерно, что первое фундаментальное исследование собственно риска и попытка его четкой дефиниции произошла в среде экономистов.

Так, огромный вклад в исследование рисков внес американский экономист Ф. Найт еще в 1921 г., концептуализировавший понятие «риск» в своей работе «Риск, неопределенность и прибыль». Для этого он проводил различие между риском и неопределенностью. Под риском он понимал страхуемые негативные явления, в то время как под неопределенностью – нестрахуемые явления различного генезиса и последствий. Таким образом, отличительной особенностью риска является его измеримость, значимая для экономической деятельности и ее страхования [7, 225]. Риск, по Найту, – это страхуемая неопределенность, и, что наиболее важно, риск может быть измерен, в отличие от неопределенности. Данное положение признается весьма значительным в изучении рисков, ведь это была одна из первых попыток определения риска через ряд свойств, ему присущих, тем самым давая основание для его разграничения и использования как самостоятельной категории (в гуманитарных науках, в частности) [12, 63].

Н. Луман в своей книге «Социология риска» вводит важнейшее положение для понимания природы риска. Он предлагает заменить дихотомию «риск-надежность» на «риск-опасность». Для обоснования этого тезиса Луман приводит аналогию с дихотомией «болезнь-здоровье», в которой здоровье может пониматься лишь как субъективно переживаемое состояние. Так и «надежность» представляется как субъективное ощущение безопасности и защищенности от рисков. Поэтому вместо «надежности» Луман предлагает рассматривать «опасность», понимая под ней объективную картину мира и явлений, при которых возможности ущерба для субъекта лежат вовне. В то время как «риск» понимается таким образом, что возможный ущерб для субъекта вытекает из решения, принимаемого им. Луман приводит пример из жизни. Сесть в один из двух самолетов, который впоследствии разобьется, не является риском. Решение должно основываться на выборе одной из альтернатив, одна из которых несет в себе опасность, а вторая безопасна [1, 151].

Описанный алгоритм отбора риска также показывает нам одну из важнейших идей, которые вносит Луман в проблему изучения риска. Данным исследованием Луман определяет компетенцию различных наук, которые занимаются рисками. По его мнению, социальные науки занимаются отбором рисков, то есть определением того, что может рассматриваться как риск, а что – нет. В то же время проблемами исчисления, восприятия и оценки рисков занимаются математика, психология, экономика и другие науки.

Что касается рассмотрения рисков в социальных науках, то можно выделить три подхода [10, 313].

Во-первых, это классический подход, представителем которого является Дж. Милль. Риск рассматривается им как возможность потерь субъекта в

результате его осознанной деятельности, то есть субъект действия идет на риск, понимая опасность этого, но при этом ожидая, что результат в конечном счете покроет все возможные опасности.

Второй подход Соловьев условно называет неклассическим. Его представителями являются А.Маршалл и А.Пичу. Особенностью рассмотрения риска в данном случае является его трактовка как отклонения от заданной цели. То есть, в отличие от первого подхода, риск изначально не заложен в какую-либо деятельность, он появляется в ходе ее. Таким образом, риск приносит различие между планируемой и осуществленной деятельностью.

Но наиболее существенный вклад в рассмотрение понятия и природы «риска», в том числе связанного с политической сферой жизни общества, внесли представители модернистского подхода У.Бек и Э.Гидденс. Особенностью их научных изысканий является социологическая трактовка риска, позволяющая выявить особую роль системы человеческих взаимоотношений, которая характеризуется как рискогенная, что раскрывает особенности рисков в сфере политических отношениях.

Упомянутые теории рассматривают риск и как отдельное явление, и как присущую современному обществу характеристику. У. Бек написал в 1986 г. книгу «Общество риска». Ключевой идеей книги является мысль о том, что система социальных отношений современного общества распределения благ производит риски. При этом акцент делается на том, что общество само становится субъектом, подвергающимся риску, но при этом является объектом, производящим этот риск. Таким образом, в центр своего исследования Бек ставит социальную архитектуру и политическую динамику, благодаря которым и складывается такая ситуация. Также одной из ключевых идей книги является то, что в обществе риска сознание определяет бытие, то есть знание о рисках становится политически значимым [1, 26].

Категория «политический риск» была введена в научный оборот относительно недавно. «Политические риски», согласно общепринятым представлениям, стали рассматриваться бизнес-структурами (прежде всего в США) после революции на Кубе в 1959 г. и прихода к власти Ф.Кастро. Первой теоретической работой, в которой появилось понятие «политический риск», называют монографию американского исследователя Ф.Рута «Бизнес США за рубежом и политический риск» [13, 126].

Интерес к данной теме можно рассматривать как следствие развития глобальной экономической и политической систем, их тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

В то же время можно отметить конкретные объективные предпосылки начала исследования политических рисков уже после Второй Мировой войны. Политическая ситуация того времени складывается на основе нескольких ключевых изменений. Во-первых, Соединенные Штаты вышли из этой войны победителями, причем не только в военном и политическом отношении, но и

в экономике. За счет восстановления Европы существенное развитие получила и экономика самих США. Экономический рост позволил расширить географию бизнеса и привел к появлению крупных американских транснациональных корпораций [14, 355]. Также окончание Второй Мировой войны положило начало процессу деколонизации, что, в свою очередь, стало одним из факторов вышеупомянутого расширения географии американского бизнеса.

Но главной проблемой для американских ТНК после войны стала советизация многих стран Третьего мира. Собственно, борьба сверхдержав на этом поле и стала большой проблемой для международного бизнеса, постоянно несшего потери вследствие гражданских войн, военных переворотов, национализации и т.п. Поэтому зачастую желание политических действий Соединенных Штатов было подкреплено необходимостью экономических гарантий для бизнеса. Многие военные вторжения США были связаны с необходимостью возврата под контроль различных предприятий и недопустимостью их национализации и переходу в другие руки (например, операция «Правое дело» армии США по захвату и контролю Панамского канала в 1989 г.).

Иранская революция 1978-1979 гг. стала еще одним катализатором рассмотрения проблемы политического риска. После этих событий многие американские компании, ведущие бизнес за рубежом, стали заниматься рисками своих инвестиционных проектов. Так, в 1980 г. появилась Ассоциация аналитиков политических рисков (APRA – Association of Political Risks Analysts), которая объединяла специалистов в данной области [15, 249].

Таким образом, говоря о концепции «политических рисков», следует отметить, что она была первоначально сформулирована в развитых странах и предметом ее исследования была политическая ситуация в развивающихся странах и возможность безопасного инвестирования в них. Но при этом сейчас все чаще термин «политические риски» применяется и по отношению к развитым странам (например, в связи с особенностями законодательства и затрудненным выходом российских компаний на европейский рынок, забастовками и внутренней нестабильностью в развитых странах).

События 11 сентября 2001 г. в США, когда террористической атаке подверглись небоскребы в Нью-Йорке, стали причиной рассмотрения рисков безопасности как политических [8, 58].

В целом необходимо отметить, что политический риск понимается как опасность определенных политических решений со стороны суверенных государств по отношению к компаниям, занимающихся экономической деятельностью на территории этих государств. В этом случае возможны следующие трактовки политических рисков. Одна группа исследователей понимает политические риски как государственное вмешательство в проведение деловых операций. Например, В.Вестон и Б.Сорж определяют политический риск как «действия национального правительства, которые мешают проведению деловых операций».

вых операций, изменяют условия соглашения или приводят к конфискации собственности иностранных компаний» [9, 67].

Представители другой группы исследователей говорят о политических действиях и событиях, накладывающих ограничения на деятельность иностранных компаний. Так, американские исследователи С.Робокс и Ф. Роот связывают политический риск с влиянием иных политических сил как внутри, так и за пределами государства (партиями, движениями других государств). Аналогичное представление о политических рисках можно встретить у Д.Джодис, которая рассматривает политический риск как «изменения в условиях проведения операций иностранными компаниями, возникающими в ходе политического процесса» [9, 68]. В этом случае действия наднациональных сил также могут приниматься как факторы появления политических рисков.

Как было отмечено выше, в эпоху глобализации изменяется роль национальных государств, которые теперь не только создают политические риски, но и сами подвергаются рискам политического свойства, когда суверенное государство перестает быть центром принятия политических решений [4, 22]. На протяжении всего периода рассмотрения понятие «политический риск» постоянно расширялось и дополнялось, в связи с чем необходимо включить в него все риски, которые появляются в политическом процессе, независимо от того, на кого они направлены (как на бизнес, так и на государство). Поэтому можно предложить в качестве определения «политического риска» любую опасность политического характера, которая может привести к коллапсу в какой-либо из сфер конкретного государства и общества [5, 347].

При этом последняя трактовка понятия «политический риск» характерна для отечественной политологии. Если в западной традиции политический риск рассматривается, прежде всего, в контексте экономической деятельности компаний на территории других государств, то в российской политологии более распространенным является понимание политического риска как угрозы политической стабильности в целом. Подобная угроза стабильности может влиять как на компании, ведущие деятельность в стране, так и на само государство.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. М., 2000.
2. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 5, С. 161-168.
3. Бернстайн П. Против богов: Укрощение риска / пер. с англ. М., 2000.
4. Бордовских А.Н. Политические риски: современные проблемы оценки и теоретического моделирования: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.

5. Государственная политика и управление: учебник в 2 ч. / Л.В. Сморгун, А.П. Альгин, И.Н. Барыгин [и др.]; под ред. Л.В. Сморгунова. Ч. 1: Концепции и проблемы государственной политики и управления. М.: РОССПЭН, 2006.
6. *Луман Н.* Понятие риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 5. С. 135-160.
7. *Найт Ф.Х.* Риск, неопределенность и прибыль / пер. с англ. М., 2003.
8. *Пожалов А.А.* Исследования политического риска: история зарождения, становления и развития // Вестник Московского Университета. Серия 12 Политические науки. 2006. №3. С. 43-56.
9. *Соколов А.* Политический риск от теории к практике. М., 2009.
10. *Соловьев А.И.* Теория принятия государственных решений. М., 2004.
11. *Холмс Э.* Риск-менеджмент / пер. с англ. М., 2007.
12. *Эжиев И.* Теоретические подходы к исследованию проблемы риска. // Власть. 2010. №2. С. 61-64.
13. Экономическая политология: Отношения бизнеса с государством и обществом / отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2012.
14. *Lipson C.* The development of expropriation insurance: the role of corporate preferences and state initiatives // International Organization. Vol. 32. No. 2 (March. 1978). Pp. 351-375.
15. *Rayfield G.* Raiders of the Lost Art: Adventures of a Political Scientist in the Private Sector // PS. Vol. 19. No. 2 (Spring. 1986). Pp. 248-251.

THE FORMATION OF THE CONCEPT "POLITICAL RISK" IN POLITICAL SCIENCE

A.U. Panyukov

PhD student, Faculty of political science, Lomonosov Moscow state University

The article discusses the history of the emergence of the concept of "political risk". In this regard, the author studies the history of the emergence of the concept of "risk" and factors influenced this process. Based on the analysis of Nicholas Luhman's understanding of risk the author moves to the issue of using the concept of "risk" in mathematics and related sciences. The article discusses the impact of this transition on the concept of "risk". It describes different approaches to the consideration of "risk" in the scientific community.

Then, the author analyzes the emergence of the concept of "political risk" in the social sciences within the framework of the research areas specified by the author. He discusses the various interpretations of concepts that exist in political science at the moment, the correlation of economics and political science in the framework of the interpretation of this notion.

Key words: "the risk society"; political risks; transnational corporations.

References.

1. *Beck U.* The risk Society. On the way to another modern. М., 2000. (In Rus.).

2. *Beck U.* From industrial society to risk society // THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems. 1994. No. 5. P. 161-168. (In Rus.).
3. *Bernstein P.* Against the gods: the taming of the risk. M., 2000. (In Rus.).
4. *Bordovskih A. N.* Political risks: modern problems assessments and theoretical modeling: dis. 23.00.02. M., 2009. (In Rus.).
5. Public policy and management: tutorial: 2 h / L.C. Smorgunov, A.P. Elgin, I.N. Barygin [and others]; edited by L.C. Smorgunova. Vol. 1: Concepts and problems of public policy and management. M., 2006. (In Rus.).
6. *Luhmann N.* The concept of risk // THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems. 1994. No. 5. P. 135-160.
7. *Knight F. H.* Risk, uncertainty and profit. M., 2003. (In Rus.).
8. *Pozhalov A. A.* Research political risk: the history of the origin, formation, and development // Vestnik of Moscow University. Series 12 "Political science". 2006. No. 3. P. 43-56. (In Rus.).
9. *Sokolov A.* Political risk from theory to practice. M., 2009. (In Rus.).
10. *Soloviev, A. I.* Theory of public decision-making. M., 2004. (In Rus.).
11. *Holmes E.* Risk management. M., 2007. (In Rus.).
12. *Ezhiev I.* Theoretical approaches to the study of the problem of risk // Power. 2010. No. 2. P. 61-64. (In Rus.).
13. Economic political science: the business relationship with the state and society / Ed. by A. D. the Bogaturov. M., 2012. (In Rus.).
14. *Lipson C.* The development of expropriation insurance: the role of corporate preferences and state initiatives // International Organization. Vol. 32. No. 2 (March. 1978). P. 351-375. (In English).
15. *Rayfield G.* Raiders of the Lost Art: Adventures of a Political Scientist in the Private Sector // PS. Vol. 19. No. 2 (Spring. 1986). P. 248-251.

УДК-32

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИО-КОНСТРУКТИВИСТСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

И.В. Хлебников¹

В статье рассматривается проблема синтеза теоретических взглядов на социальные движения и создания нового социо-конструктивистского подхода, анализирующего субъективные стороны социальной активности в новом качестве.

Ключевые слова: социальные движения; теории; парадигмы; смена взглядов.

В ушедшем веке развитие гражданского общества сопровождалось бурным расцветом форм массовой активности и, в первую очередь, социальных движений, получивших исторический приоритет вследствие проводившихся реформ в области расширения гражданских прав и создания общества демократии участия. Вместе с тем, по мере усложнения социальной картины, активно сменяли друг друга многочисленные теоретические направления, объединяемые по ряду признаков, в исследовательские парадигмы. Видимые теоретические различия, качественное изменение предмета исследования к началу нового столетия поставили вопрос об очередном поиске путей исследования социальных движений. Целью работы является попытка проследить во времени ряд взглядов, источников с указанием на вероятную преемственность, оценить социо-конструктивистские идеи на социальные движения на витке вероятной смены парадигм нового столетия; возвращения к анализу субъективных, эмоционально-когнитивных и других элементов в новом качестве, а также линии размежевания и возможного синтеза концепций социальных движений.

Переход к синтезу теорий в изучении социальных движений обусловлен сильным взаимным влиянием микро- и макроподходов. Во взаимосвязи различных уровней анализа можно точнее определить необходимые условия и обстоятельства для успешного активизма, а также более точного прогнозирования общественной реакции на структурные условия.

В ряде случаев высказывалась возможность слияния некоторых позиций, обозначались вероятные грани [1], однако, по мнению отечественного автора, прямой синтез подходов «затруднен, но в принципе возможен» [46, 11]. Тем не менее, среди классических взглядов и подходов второй половины

---

¹ Хлебников Илья Викторович – старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории и международных отношений, Удмуртский государственный университет. Email: Khlebnikov8@gmail.com.
© Хлебников И.В., 2015

XX в. наблюдается некоторая общность, пусть качественно различная, но позволившая в ушедшем десятилетии выйти на первый план подходу, ориентированному на культурно-эмоциональное измерение социального действия. В последние годы издаются работы, прямо синтезирующие основные парадигмы, но заслуживающие отдельного внимания [33]. В отечественной литературе теоретические вопросы социальных движений рассматривались с 1970-х гг., однако, на нерегулярной основе. Работы 1980-х гг. заслуживают внимания в силу популярности изучения больших социальных групп, в том числе их сознания. Среди наиболее значимых работ, отличающихся комплексностью и критическими оценками, труды Ашина Г.К., Яницкого О.Н., Дилигенского Г.Г., Здравомысловой Е.А., Костюшева В.В., Халий И.А. по проблемам теоретико-методологического развития и с использованием эмпирических данных российского общества [55].

Общепризнано, что в XX в. утвердились две школы – американская и европейская [46, 5-7] –, и сменились три парадигмы исследований движений, к которым относятся: парадигма коллективного поведения, коллективного действия и новых социальных движений. Вопрос о том, что считать парадигмой в данной области, при не единовременном формировании предмета, различии в параметрах исследований, всесторонности аспектов исследований и крайней обширности предлагаемых аргументов, можно считать открытым и сегодня. Тем не менее, предложенный вариант определения в отечественной литературе представляется весьма удачным. «Парадигма – более общее понятие, чем концептуальная модель, теория или совокупность теорий... под парадигмой понимается некоторая общность принципов и постулатов, лежащих в основе теоретического подхода. Включение тех или иных концептуальных моделей в парадигму обосновывается их методологической общностью. Исходные принципы во всякой данной модели или теории иногда декларированы, а иногда только подразумеваются. Авторы разных моделей не всегда идентифицируют себя с определенной парадигмой. Формирование парадигмы происходит под влиянием многих факторов, среди которых в качестве основных выделяются интеллектуальная социологическая традиция; политико-культурный контекст, в котором развиваются общественные движения; преобладающая политическая ориентация исследователей» [46, 6].

По мере общественного развития теории анализировали различные типы движений, опираясь на доминировавшие представления о проходивших изменениях, например, от массового общества до рационального действия и постмодернизма.

Несмотря на то, что в задачи статьи не входит описание максимум ранних подходов, следует указать, во-первых, на их некоторые принципиальные основы, положившие начало широким исследованиям и, во-вторых, последовавшие различия.

Весьма сложно определить начальную фазу исследований в связи с поздним формированием самого предмета. Тем не менее, марксистские идеи, представления о толпе в социальной психологии последней трети XIX в., элитистские культурологические взгляды первой трети XX в., доктрина массового общества и тоталитаризма, прочие идеи составили существенную базу последующих подходов, во многом опиравшихся на неомарксизм, культурно-идентификационные, ценностные и иные ориентации в исследованиях, в которых прослеживается духовная общность. Большое количество примеров социальной активности рассматриваются с этих позиций.

Исследование протеста определялось изначально представлением об иррациональном, а впоследствии рациональном выборе и действии индивидов. Так или иначе, любой протест можно считать социальным поведением, а сложившееся исследовательское представление продолжает сохраняться в качестве основного теоретического водораздела.

Многие исследователи первой половины XX в., включая М. Вебера, З. Фрейда, Э. Дюркгейма, Н. Смелзера, др. преломляли базовые заключения Г. Лебона и Г. Тарда, полагая, что разрушение социально-политических, моральных представлений в сочетании с новыми условиями жизни, являясь последствием модернизации, стало основой изменения типа мышления человеческого сообщества. Общественные взгляды прошлого еще сохраняли значимость, когда новые идеи формировались, что привело к неопределенности. Депривация вела к недовольству, определяла верования в качестве детерминант действий. Эмоциональное состояние, в конечном счете, вело к активности, выполняя роль значимой движущей силы всего внеинституционального действия. Механизмы же формирования массовых движений, которым уделялось повышенное внимание, сводились к установлению психоэмоциональных связей, групповым ощущениям и пр. аспектам. Тем самым, в теории изначально произошло разграничение рационально-институционального и эмоционально-иррационального поведения.

Одним из центров анализа макротеорий являлось структурное напряжение, приводившее в движение внутренние аффективные механизмы. Апеллируя к идеям психоанализа, они характеризовали индивида как «атомизированного», всесторонне отчужденного, оставленного посредническими институтами наедине с угрозами в состоянии общественной аномии. Вследствие чего, по мнению Э. Хоффер, перманентно нуждающийся в идентификации индивид, склоняется к принятию предлагаемых социальных верований [17].

Смещение акцента с индивидуального на анализ структур привело к складыванию образа действия «массового общества», представленного, например, У. Корнхаузером, разделившим первичные группы указанными характеристиками на имеющие и не имеющие сильные локальные связи, влияющие на лояльность институтам [23, 93]. Л. Киллиан, Р. Тернер, подчерки-

вая замкнутую эмоциональную реакцию, постулировали растущую склонность к насилию в массовом обществе, поскольку «поведение толпы, в сущности, определяется отклонением от традиционных общественных норм» [45, 143]. До момента расцвета когнитивных подходов и слияния социально-психологических аргументов в связи с тем, что «протест имеет психосоциологическое измерение...» [39], именно социальная психология и смежные взгляды на эмоционально-культурную сферу имели преобладающее влияние.

Большинство индивидов представлялось втянутыми в социальную активность посредством манипулирования внутренними переживаниями, берущими начало в толпе и не отражающими подлинными цели, к которым стремится индивид и движение. Тем самым очертания приобрел предмет исследований, в основном связанный с авторитарными движениями. Более того, обозначилась методологическая сложность, связанная с идентификацией состояний общества при отсутствии широких эмпирических данных и предварительного анализа реальной политики.

Сегодня широкие теории массовых движений, связывавшие их с социо-историческими обстоятельствами, переосмысливаются. Эмоционально-культурный подход не отрицает рациональный выбор и действие, интеракцию, эмпирические показатели, но в отличие от теории мобилизации, а также политического процесса, не абстрагирует их. На первый взгляд, подходы, связанные с ресурсным обеспечением, принципиально не учитывали эмоционально-культурную сферу, поскольку опирались не на отчужденность индивидов, а переносили акцент с вопросов сущности движений на вопрос организации действия. Тем самым движения становились также политической силой, но располагавшейся по другую сторону институтов и прочих политических каналов, чем объясняется дальнейшее расширение их деятельности. Однако, например А.Обершолл, провел краткий анализ эмоциональных аспектов, в первую очередь, более необходимых при понимании природы затяжных конфликтов [32], а в теории Ч.Тилли схема усложняется за счет того, что эмоционально-культурные аспекты становятся составной частью организационных и прочих ресурсных компонентов, а также ими опосредуются [43, 52-171], то есть не являются ведущими.

Отмечая, что люди живут в воспринимаемом мире, реагируют, интерпретируя окружение, социальные психологи как предшественники социально-конструктивистских подходов для понимания протеста перенесли акцент с описания восприятия и интерпретации на то, как проходят эти процессы. Субъективные процессы оказались и в сфере внимания Д.МакАдама. В отличие от классических подходов, исходивших из того, что «некоторые формы структурного напряжения продуцируют субъективное напряжение, и поэтому психологическая диспозиция в протестном настроении... – это форма избегания структурной напряженности» [28, 7] Д.МакАдам предложил формулу «когнитивного высвобождения», включавшего субъективный процесс,

благодаря которому индивиды и группы определяют проблемную ситуацию, используют ресурсы, продуцируют идеологию перемен. Но «либерация» носит именно когнитивный характер как «ответная реакция участников на конкретные испытания, служащая изменению, трансформации политических условий в набор «когнитивных стимулов», сигнализирующих инсургентам, что политическая система все более уязвима, склонна к изменениям» [28, 49]. Эмоциональное высвобождение оказалось подчинено когнитивности.

В то же время не исчезли дискуссии об истощении социального капитала [36], представления об относительной депривации, возникающей в ситуации изменения социальных условий [14], сравнения их со стандартами прошлого, сконструированными стандартами [37] и пр. Временная соположенность подходов несколько усложнила пестроту аргументов. Теории мобилизации и политического процесса, хотя и отмечали повсеместную распространенность недовольства, но сознательно ослабили депривацию и прочие субъективные переживания, сделав их вторичным компонентом в объяснении всесторонних процессов в массовых движениях [30]. Тем самым акцент анализа сводился не к объяснению степени и причин массового недовольства, а к исследованию процесса объединения недовольных. Однако объясняя значимость ресурсов и политического окружения для достижения поставленных движением целей, многие теоретики столкнулись с настоящей (субъективной) природой многих невещественных ресурсов (вопросов лидерства, доверия, морально-этических компонентов и пр.). С другой стороны, исследование перемен посредством привлечения и распределения ресурсов дало четкое представление о чистой механике организации протестного движения [38]. Исследуя организационные формы движений, спланировавших часть населения, сторонники структурализма отдавали приоритет группам, разделявшим убеждения и установки будущего движения. Таким образом, структурное представление о движении (по возрастающей) таково: организация учитывает наличие идей, степень и характер убежденности групп, рационально привлекаются ресурсы, профессионально планируются коллективные действия. Субъективность учитывается в некоторой мере, но с ее проявлениями не связывается успех, который, как полагают, более зависит, в частности, от интенсивности тактики и натиска [34, 14,30]. В целом аргументы, связанные с политическим или институциональным окружением, носили аналогичный характер с той разницей, что коллективное действие детерминировалось окружающей, в том числе и культурной средой, а также когнитивными представлениями о самом действии [42, 39]. Д.МакАдам связал политические возможности с культурно-эмоциональными аспектами на примере движения за гражданские права в США, поставив в зависимость динамику активности, в частности, от эффективности институтов, влияющих на идентичность (афроамериканские церкви, колледжи и пр.) [28, 7]. Таким способом автор показал непрямую взаимозависимость частей политической моде-

ли в отличие от классических подходов, напрямую связывавших нестабильность с протестом.

Когнитивное высвобождение, наряду с социально-экономическими, организационными частями, определяет периоды расширенных политических возможностей, которыми готовы воспользоваться массовые социальные движения, опирающиеся на ряд ресурсов. Некоторые исследователи полагают, что подход не всегда корректен и видят в отсутствии четких механизмов, связывающих политический процесс с коллективным действием, проблему, создающую разнонаправленные результаты [22, 19-36], а стимулы и ожидания соотносят с возможностями и вероятными ограничениями [11, 27-54]. По мнению Дж.Гудвина и Дж.Джаспера, теория политических возможностей гипертрофировала, в том числе, аспект мобилизации, превратив его в малоприменимый инструмент анализа. Так, например, все процессы, поддерживающие в любой исторический период социальные движения, рассматривались априори как способствовавшие расширению политических возможностей [11, 36]. Эти авторы подразумевали переплетение культурно-политических процессов в общей структуре и делали заключение, что политические возможности не существуют без предварительной интерпретации сквозь культурные фильтры [11, 33]. Поэтому критика теории политических возможностей сводилась к поиску лакун, которые способствовали, в первую очередь, при всех равных условиях развитию и объяснению мобилизации для удовлетворения возможностей, а не восприятию и осознанию этих возможностей. В развернувшейся дискуссии о том, является ли новое предложение шагом назад [44, 58] или универсальным взглядом [12, 107], оказалось сложно преодолеть теоретические пережитки прошлого и сформировать основание новой парадигмы. С другой стороны, Д.МакАдам признал критику и предложил собственные замечания к сложившейся ситуации детерминизма в теории политических возможностей, а также призвал к теоретическому синтезу [27, 37]. В вышедшей следом совместной работе Д.МакАдама, С.Тарроу и Ч.Тилли провозглашался перевод теории политических возможностей с чрезмерно индивидуалистических, материалистических на новые, динамические пути анализа мобилизации [29, 73-74]. В широком смысле социальные движения анализировались вблизи какого-либо конфликта или борьбы интересов с поиском универсальных информационно-когнитивных механизмов, побуждающих к активности, и повторяющихся процессов и схожих ситуаций [29, 333-335]. Иными словами акцент перенесен с форм активности и ее результатов на ход сравнительного процесса, поиск причинных связей, создание модели идеально функционирующего движения неопределенного характера.

Под влиянием внешней и внутренней критики господствовавшие десятилетиями политические подходы не могли развиваться поступательно. Кроме того, многие взгляды не в полной мере учитывали новые нематериальные

факторы общественной жизни. Постиндустриальные концепции начали приносить первые плоды в социальных науках, а набирающая силу ситуация постмодерна, описываемая и социальной философией, активно способствовала переосмыслению мотивов поведения членов общества. На первый план вышли ценности, нематериальные потребности, идентичность, аспирация и участие, культура. Европейское направление, представленное изучением новых социальных движений, не отрицало создание в ходе модернизации двух типов массовых сообществ. Первое сообщество, маргинализированное под влиянием индустриализации, второе, особо уязвимое в своем стиле жизни и ценностях, но претендующее на изменение культурных кодов. Полагая новую идентичность продуктом мобилизации, А.Мелуччи определил ее как «процесс конструирования системы действия...интерактивный, разделяемый процесс, создаваемый несколькими группами индивидов, обеспокоенных направленностью действия, областью возможностей и ограничениями...» [40, 44]. Иными словами, идентичность включает когнитивное представление, опосредованное речью, культурными практиками, сетью отношений и «эмоциональным капиталом» [40, 45]. Следуя за А.Мелуччи, многие авторы перенесли понимание идентичности в прошлое [52, 355-373], полагая, что «не существует мышления без чувств и смысла без эмоций» [40, 45]. Идентичность заполнила разрыв между когнитивностью и действием, объективными условиями и субъективными ориентациями [31, 69-70].

На фоне расцвета когнитивного подхода [7] в развернувшейся критике структуралистских взглядов [9, 133-155], культура отчетливо приобрела когнитивное выражение, несмотря на самобытное содержание [9]. Отвечая на вопрос о том, почему возникает протест, социально-конструктивистский подход концентрируется на процессах восприятия и интерпретации индивидами окружающих условий, а также аффективной стороне социального действия. Теоретической основой послужила социально-психологическая критика мобилизации [21, 583-600]. Подход пытается ответить на вопрос, почему схожие общественные позиции или условия не всегда обеспечивают схожее поведение, и опирается на несколько категорий, каждая из которых является центральной в собственной теории. Например, осознание, идентичность, мотивации, аффекты. Так, распространение ценностей в обществе, конструирование представлений о возможных путях достижения целей признается когнитивной теорией в качестве одной из первых функций движений. Не столько прямой доступ к ресурсам, сколько четкое представление о соотносительности с заявленными целями [8, 464-481] и дальнейшем распределении благ влияют на участие людей в движении и его судьбе. Посредством фрейминга, процесса распространения идей и рекрутирования, движения влияют на индивидуальное интерпретирование окружающих условий и ситуаций, балансируя между ожиданиями и поражением. Идентичность, часто противопоставляемая интересам, определяемая как осознание принадлежности группе,

часть самооценки, поддерживающая эмоционально и ценностно эту принадлежность [41, 24], множественна по отношению к современному человеку. Групповой протест опирается на групповую идентификацию. Статистически меньшинство участвует в социальных движениях, и лишь некоторые готовы к действию. Мотивы становятся важнейшей частью взаимосвязанных вопросов функционирования движения. Мотивы носят различный характер, однако всегда представляют результирующую линию, состоящую из предметных, идейных, психологических и прочих аспектов [51]. Аффекты, эмоции стоят за названными категориями и ускоряют, усиливают их активность, переводя в последовательные действия [18, 157-205]. Благодаря М.Веберу, положившему начало дихотомии «иррационального-рационального» действия, исследования аффективной сферы не велись системно и столь же интенсивно, как идейно-идеологических, культурно-психологических и прочих аспектов [13, 3]. М.Вебер писал: «Чем больше мы подвержены эмоциональным реакциям... тем более мы ими руководствуемся... Для типологического научного анализа удобно рассматривать все «иррациональные», аффективно детерминированные элементы поведения как факторы отклонения от концептуально чистого типа рационального действия» [54, 2].

Произошел заметный поворот от непризнания губительной иррациональности в рамках классических подходов к ее относительно последовательному изучению в ушедшем десятилетии. В фокусе оказались как структурные элементы, создающие и направляющие в нужное русло аффекты, так и сами аффекты, по возможности, ранжированные по степени применения и влияния. Например, к исходному материалу причисляется аффективное взаимовлияние индивидов, усиливаемое и передаваемое масс-медиа, внутреннее и внешнее взаимодействие через моральную агитацию, символизм и пр., построение авторитета, достижение компромиссов и тд. Аффекты, разделяемые по временному воздействию, прямому и косвенному контакту, ситуативные настроения, значимые для политики, согласно Дж.Джасперу, Ф.Полетте, Дж.Гудвину, во многом социально сконструированы, «культура формирует социально допустимое выражение эмоций, имеющих различные источники» [12, 13]. Связь ценностей, эмоций с организационно-политическими факторами объясняется в теории фреймов [3, 409-430], а связь эмоций с более широким культурным контекстом в работе Ф.Полетты о протестном движении 1960-х гг. в США [35], – сложившейся ситуации эмоционально-культурного единения. Социо-конструктивистские подходы, исследуя когнитивность, идентичность, аффекты, мотивацию, раскрывают вопрос участия масс в политике с обратной, весьма противоречивой стороны. Основным недостатком подхода является отсутствие объединяющей все категории концепции, а также склонность к исследованию частных случаев, притом, что имеется настоятельная необходимость в комплексных сравнительных исследованиях.

Пройдя несколько этапов развития со второй половины 1980-х гг. (Сноу, Бенфорд), исследуя фрейминг, идентичность, когнитивность, в том числе посредством лингвистики, некоторые исследователи соединили их в понятие культуры с эмоциями и нравственностью [19, 59-111], трансформируя аффективный материал в верования и указания как твердую основу политической риторики, укрепления внутренних связей, мобилизации и последующего действия [47]. Поэтому в ушедшем десятилетии заметны связи между подходами. Даже в последнем труде Ч.Тилли призывал «отойти от классификации (политических) событий, повествования об единичных эпизодах в сторону методов, прослеживающих взаимодействие участников многочисленных событий» [53, 344], имея в виду отличие эмоционально-когнитивных взаимодействий от уже структурированных взаимосвязей, создающих фон для первых [5, 3-32]. Поскольку сознание индивидов несколько изменяется в ходе взаимодействий, постольку восприятие реальности зависит от них лишь частично. Тем не менее, связи со структуралистским подходом в период его критики Д.МакАдамом без принятия различных культурных форм оказались невозможны. Поэтому социо-конструктивистский подход продолжает проявлять себя через взаимодействие с другими идеями, в частности, с модернизированными при помощи постструктурализма взглядами чикагской школы [48].

Еще Г.Тардом и Г. Лебоном было замечено изменение поведения в толпе. Позднее, например Дж.Лофланд, уделял некоторое внимание эмоционально-когнитивным компонентам участия индивидов в действиях толпы, подчеркивая их качественное изменение и позитивный, воодушевляющий характер [26, 355-381]. Изначально не устанавливая связи между эмоциями и когнитивной деятельностью, Дж.Лофланд позднее подчеркивал инструментальную важность аффективных связей в практических действиях социальных организаций [15, 228-229]. Современные исследования, отошедшие от макротеорий, стремятся обнаружить и описать прямые механизмы создания когнитивных смыслов: нравственные, аффективные связи, идентичность, культурные коды, ритуалы [25, 221-264] и т.д. Поскольку в когнитивности и эмоциональности имеется публичный и индивидуальный компонент, неразделяемые практически, постольку представления о реальности и чувства оказываются слиты воедино [49]. Тем самым, возникает сложно преодолимая ситуация, с одной стороны, требующая самостоятельного исследования аффективных компонентов, а с другой подчиняющая их когнитивным процессам. Еще одно препятствие возникает при определении индивидуального, а не группового действия, поскольку большинство теоретических концептов ориентировано на анализ последнего. Например, в одном случае автор полагает, что субъекты создают свои суждения, идентичность и пр. в зависимости от исполняемых ролей в процессе взаимодействия [6, 469-518], которые анализируются внешне, исходя из уже обладаемых целей, преимуществ индиви-

дов, без возможности рассмотрения перемены социальных установок или когнитивного конструирования новых, т.е. внутренних зависимостей. В другом случае так же нарушается соотношение между групповым и индивидуальным действием. Уделяется внимание анализу стратегии движений, на основе культурно-аффективной области, эмоционально-речевому взаимодействию, отмечаются ключевые решения, позволяющие достичь одной задачи, но ограничивающие возможности по отношению к следующей. Однако авторы предлагают рассматривать деятельность индивида через широкую область активности, частью которой он неизбежно является [24, 209-226], т.е. ограничиваются лишь признанием влияния аффективных компонентов. Прямая зависимость построения стратегии движения от аффективных связей, настроений, нравственных эмоций прослежена Дж.Гудвиным, Дж.Джаспером, Ф.Полеттой [10, 413-425] с целью анализа манипуляции и наделения эмоциональных форм новыми смыслами и значениями. Иными словами, открыто поле исследований того, как и насколько возможно изменять традиционное сочетание между группами и выражаемыми ими впечатлениями, эмоциями, а также общественными стандартами и закрепившимися гендерными ролями и даже стереотипами с учетом ситуации, в которой оказываются индивиды.

Инструментальное отношение к идентичности и прочим социопсихологическим формам, стремление проследить связи культурно-эмоциональных форм с социальной структурой составляют неотъемлемую часть развития социо-конструктивистского подхода. Например, предлагавшееся на рубеже 1980-90-х гг. [16, 10-21] «измерение» идентичности посредством использования категорий: нравственная оценка идентичности, эффективность и действенность помогли оценить представления и ожидания политически активных граждан. При рассмотрении того, как движения пытаются повлиять на восприятие основных участников действий, находя их культурные основания, возникала уязвимость, проистекавшая из политико-культурных позиций тех, кто оценивал участников, порой наделяя их желательными чертами. Однако общая оценка культурно-эмоциональных аспектов сохранила традиционный характер, отражавший их влияние на процесс мобилизации или демобилизации.

Более продуктивное представление о роли аффектов исходит из их связи с исполняемыми индивидами социальными ролями и статусами, а также вероятного переноса аффектов в политическую сферу, их влияния на ожидания [50]. Немаловажна и компенсация в движении недостающих индивиду в иных областях жизни аффектов, которая во многом напоминает депривацию. В этом варианте суждений также присутствует значительный субъективизм, выражающийся в стереотипном представлении о протестующих, в их негативном определении через какую-либо недостаточность. Тем не менее, представление о влиянии структуры нашло значительное подтверждение только в иной направленности, не напомиравшей структурализм. На первый план по-

ставлены исследования культурно-психологических механизмов развития, укрепления или ослабления внутреннего морфогенеза, структуры, иерархии и т.д. в зависимости от характера движения, состава и временной ситуации. Вопрос о том, как изменить статус с меньшими негативными затратами не был закрыт. Поэтому сложно не вернуться к тому мнению, что потеря ресурсов и вместе с тем возможностей поддержания привычного уровня отношений вызывает волну аффективных реакций, вновь способствующих мобилизации [2, 29-82]. В свою очередь, это мнение возвращает к исследованиям массовых представлений о справедливости, опирающихся не только на экономические аспекты, но и на восприятие формальных и сущностных процессов в политической системе [20, 321-346, 197-204], поскольку несправедливостью затрагиваются не только отношения, но и принципы гражданской жизни.

В конечном итоге с начала 2000-х гг. исследователи неоднократно возвращались к традиционному видению внутренних механизмов толпы, требующих физического взаимодействия, разделяемых большинством настроений и внимания [4]. Изучение символизма и групповых ритуалов подчеркнуло дихотомию их происхождения: персонального или имперсонального взаимодействия, стороннего, например, медийного влияния, и привело к общему заключению, что связь между эмоциями и вызываемыми ими настроениями, символизм и внутренняя репрезентация, нарушение установленных ритуалов и внутренних норм помогают поддерживать коллективное действие. Важным аспектом подхода является и преодоление «вещественных» границ, основ «структурного напряжения», а также продолжение исследований, например, элит в значительной степени подверженных культурно-аффективному воздействию.

В заключение следует отметить, что доминирование традиционных взглядов объясняется твердой опорой на исследование факторов политического протеста, четкий исследовательский и понятийный аппарат. Однако теории мобилизации ресурсов и политических возможностей, стараясь ответить на вопрос, например, о неравномерной вовлеченности, участии индивидов в движении и распределении результатов между ними, наполнялись неоднозначными дефинициями и упускали из анализа переменные микроуровня. В итоге макроподходы, в основе которых лежит рациональность коллективного действия, раскрывающая влияние структурных факторов на индивидуальные стимулы участия, неспособны к объяснению иррациональности самих стимулов. В то же время изменился вектор общих представлений. Сегодня он направлен на понимание того, как изменения в поведении влияют на структурные условия.

Предлагаемый в западной литературе «компромисс» на основе социо-конструктивистского подхода, подразумевает слияние сильных - аналитических и инструментальных - сторон теории мобилизации ресурсов, политиче-

ских возможностей, с одной стороны, фрейминга и идентичности, с другой. Идя по пути слияния структурных и когнитивистских элементов, он позволяет объяснить, теоретически осмыслить спонтанность и иррациональность в политическом процессе, индивидуальное восприятие и личностные характеристики.

Таким образом, анализ исследовательской традиции показывает возможность и стремление к теоретическому синтезу различных подходов, пытаются снять вопрос о непреодолимости барьера в исследованиях между принципом рациональности и иррациональности, учитывая, что за последней теоретически закреплена существенная роль в объяснении ряда современных общественных процессов.

Библиографический список

1. From Structure to Action: Comparing Social Movement Research Across Cultures / ed. by B. Klandermans, H. Kriesi, S. Tarrow. Greenwich: JAI Press, 1988. 368 pp.; Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings / ed. by D. McAdam, J. McCarthy, M. Zald. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 426 pp.; *Porta D., Diani M.* Social Movements: an Introduction. 2nd ed. Wiley, 2006. 345 pp.; The Blackwell companion to social movements / D. Snow, S. Soule, H. Kriesi. Wiley, 2004. 776 pp.
2. *Barbalet J. M.* Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge University Press, 2001. P. 29-82.
3. *Benford R.* An Insider's Critique of the Social Movement Framing Perspective // Sociological Inquiry. 1997. Vol. 67, № 4. P. 409–430.
4. *Collins R.* Social Movements and the Focus of Emotional Attention // Passionate politics: emotions and social movements / eds.: J. Goodwin, J. M. Jasper, F. Polletta. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2001. 370 pp. *Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2004. 439pp.
5. *Collins R.* The Program of Interaction Ritual Theory // Interaction Ritual Chains. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2004. P. 3–32.
6. *Emirbayer M., Goldberg C. A.* Pragmatism, Bourdieu, and Collective Emotions in Contentious Politics // Theory and Society. 2005. Vol. 34. P. 469–518.
7. *Eyerman R., Jamison A.* Social Movements: a Cognitive Approach. Penn. State Univ. Press, 1991. 184 pp.
8. Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation [Электронный ресурс] / D. Snow [et al.] // American Sociological Review. 1986. Vol. 51, № 4. P. 464-481. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2095581> (дата обращения: 17.03.14).

9. *Frontiers in Social Movement Theory* / edited by A. Morris, C. Mueller. New Haven : Yale University Press, 1992. P. 133–155.
10. *Goodwin J., Jasper J., Polletta F. Emotional Dimensions of Social Movements // The Blackwell Companion to Social Movements. Wiley, 2004. P. 413–425.*
11. *Goodwin J., Jasper J. M. Caught in a winding, snarling vine: the structural bias of political process theory // Sociological Forum. 1999. Vol. 14, № 1. P. 27–54.*
12. *Goodwin J., Jasper J. M. Trouble in paradigms // Sociological Forum. 1999. Vol. 14, № 1. P. 107. Подробнее о новом соотношении классических и постструктуралистских взглядов Jasper J. M. Basic approaches // Art of Moral Protest: Culture, Biography, and Creativity in Social Movements. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2008. P. 17–100.*
13. *Goodwin J., Jasper J., Polletta F. Passionate politics: emotions and social movements. P. 3. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2001. 370 pp.*
14. *Gurr T. R. Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970.*
15. *Heidi S. Social Movement Organizations: Guide to Research on Insurgent Realities by John Lofland // Annals of the American Academy of Political and Social Science Review, 1997. Vol. 553: Transport at the Millennium. P. 228–*
16. *Duse R. Effects of Emotion Displays on Social Identification [Электронный ресурс] // Social Psychology Quarterly. Special Issue: Sentiments, Affect and Emotion. 1989. Vol. 52, No. 1. Pp. 10-21. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2786900?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=21103629961581> (дата обращения: 1.04.14).*
17. *Хоффер Э. Истинноверующий: мысли о природе массовых движений. Европейский гуманитарный университет, 2001. 200 с.*
18. *Individuals in Movements: a Social Psychology of Contention // Handbook of Social Movements Across Disciplines / eds.: B. Klandermans, C. Roggeband. N. Y.: Springer Science, 2007. P. 157–205.*
19. *Jasper M. J. Cultural Approaches in the Sociology of Social Movements // Handbook of Social Movements Across Disciplines / eds.: B. Klandermans, C. Roggeband. N. Y.: Springer Science, 2007. P. 59–111.*
20. *Jasso G. Emotion in Justice Processes // Handbook of the Sociology of Emotions / eds.: J. E. Stets, J.H. Turner. Springer, 2008. P.321-346. Turner J. H., Stets J.E. The Sociology of Emotions. Cambridge University Press, 2005. P.197-204.*
21. *Klandermans B. Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory [Электронный ресурс] // American Sociological Review. 1984. Vol. 49, № 5. P. 583–600. URL: <http://www.jstor.org/stable/2095417> (дата обращения: 17.03.14).*
22. *Koopmans R. The missing link between structure and agency. Outline of an evolutionary approach to social movements // Mobilization. 2005. Vol. 10. P. 19–36.*

23. *Kornhauser W.* The Politics of Mass Society. Glencoe 3, Free Press, 1959. P.93.
24. *Krinsky J., Barker C.* Movement Strategizing as Developmental Learning: Perspectives from Cultural-Historical Activity Theory // Culture, Social Movements, and Protest. Ashgate Publishing, Ltd., 2009. P. 209–226.
25. *Lalich J.* Bounded choice: true believers and charismatic cults. Berkeley; L. A.: Univ. of California Press, 2004. P. 221–264.; Ibid. Bounded Choice: True Believers And Charismatic Cults // Nova Religio: the Journal of Alternative and Emergent Religions. 2006. Vol. 9, № 4. P. 117–120.
26. *Lofland J.* Crowd Joys // Urban Life. 1982. Vol. 10, № 4. P. 355–381.
27. *McAdam D.* Introduction to the second edition // Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930-1970. 2nd ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1999. xxxvii.
28. *McAdam D.* Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930-1970. Chicago; Lnd.: The Univ. of Chicago Press., 1982. P. 7.
29. *McAdam D., Tarrow S., Tilly. C.* Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. P. 73–74.
30. *McCarthy J. D., Mayer N. Zald.* Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // The American Journal of Sociology. 1977. Vol. 82, № 6. P. 1212–1241. URL: <http://www.jstor.org/stable/2777934> (дата обращения 2.03.2014).
31. *Melucci A.* Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. P. 69–70.
32. *Oberschall A.* Social Conflict and Social Movements. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice-Hall, 1973. 371 pp.
33. *Opp K. D.* Theories of Political Protest and Social Movements: a Multidisciplinary Introduction, Critique, and Synthesis. N. Y.: Taylor & Francis e-Library, 2009. 403 p.
34. *Piven F. F., Cloward R. A.* Poor Peoples Movements: Why They Succeed, How They Fail. N. Y.: Random House, 1977. P. 14, 30.
35. *Polletta F.* Freedom Is an Endless Meeting: Democracy in American Social Movements. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2004. 295pp.
36. *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic traditions in modern Italy. Princeton; N. J.: Princeton Univ. Press, 1993. 280 pp.
37. *Runciman W. G.* Relative Deprivation and Social Justice. Routledge; Lnd., 1966.
38. *Sharp G.* From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation. Boston: The New Press, 2012. 160 pp.; Idem. Waging Nonviolent Struggle: 20th Century Practice and 21st Century Potential. Boston: Porter Sargent Pub., 2005. 598 pp.; Idem. Social Power and Political Freedom. Boston: Porter Sargent, 1978. 440 pp.

39. *Smelser N. J.* Essays in Sociological Explanation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.questia.com/read/98536808/essays-in-sociological-explanation> (дата обращения: 1.03.2014).
40. *Social Movements and Culture* / eds. H. Johnston, B. Klandermans. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1995. P. 44.
41. *Tajfel H.* The Social Psychology of Intergroup Relations // *Annual Review Psychology*. 1982. Vol. 33. P. 24.
42. *Tarrow S.* Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. P. 39.
43. *Tilly C.* From Mobilization to Revolution. Reading; Mass.: Addison-Wesley., 1978. Chap. 3/5. P. 52–171.
44. *Tilly C.* Wise quacks // *Sociological Forum*. 1999. Vol. 14, № 1. P. 58.
45. *Turner R. H., Killian L. M.* Collective Behavior. Englewood Cliffs. N.J.: Prentice-Hall, 1957. P. 143.
46. *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.
47. Авторы последнего времени: Scheff, Honneth, Lofland, Goodwin, Polletta, Jasper, Young, Lalich.
48. Например, с опорой на классика Гоффмана И. Представление себя в повседневной жизни. Канон-Пресс-Ц, 2000. 304 с.
49. Например, см.: *Nussbaum M. C.* Upheavals of Thought: the Intelligence of Emotions [Электронный ресурс]. Cambridge: Cambridge Univ. Press., 2001. URL: <http://ebooks.cambridge.org/ebook.jsf?bid=CBO9780511840715>. (дата обращения: 25.03.14).
50. *von Scheve C., von Luede R.* Emotion and Social Structures: Towards an Interdisciplinary Approach // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2005. Vol.35, №3. P.303-328. *Caprariello A., Cuddy J. C., Fiske S.* Social Structure Shapes Cultural Stereotypes and Emotions: A Causal Test of the Stereotype Content Model // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2009. Vol. 12, №2. P.147–155. *Burke P.* Identity, Social Status, and Emotion // *Social Structure and Emotion*/ eds.: J. Clay-Warner, D.T. Robinson. Academic Press, 2008. P.75-93. *Kuppens T., Yzerbyt V. Y.* Group-Based Emotions: The Impact of Social Identity on Appraisals, Emotions, and Behaviors // *Basic and Applied Social Psychology*. 2012. Vol. 34. P.20-33.
51. *Marwell G., Oliver P., Prahl R.* Social Networks and Collective Action: a Theory of the Critical Mass. III // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94, № 3. P. 502–534; *Oppenheimer J.* The Critical Mass in Collective Action: a Micro Social Theory by Gerald Marwell and Pamela Oliver [Электронный ресурс] // *Public Choice*. 1994. Vol. 79, № 3/4. P. 390–392. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/30026895?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=21103543738431> (дата обращения: 20.03.14).

52. *Bonwick C.* The American Revolution as a Social Movement Revisited // *Journal of American Studies.* 1986. Vol. 20, № 3. P. 355–373.
53. Цит. по: *Kriesi H.* Charles Tilly: Contentious Performances, Campaigns and Social Movements // *Swiss Political Science Review.* 2009. Vol. 15, № 2. P. 344.
54. *Goodwin J., Jasper J., Polletta F.* Passionate politics: emotions and social movements. P. 2. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2001. 370 pp.
55. *Ашин Г.К.* Доктрина "массового общества". М., 1971. *Дилигенский Г.Г.* Феномен массы и массовые движения // *Рабочий класс и современный мир.* 1987. № 3; *Яницкий О.Н.* Гражданские инициативы и самодеятельность масс. М., 1988; *Яницкий О.Н.* Социальные движения. Сто интервью с лидерами. М., 1991; *Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию* / отв. ред.: В. В. Костюшев. М., 1999; *Социология общественных движений: концептуальные модели* / отв. ред. В.В. Костюшев. М., 1992; *Халий И.А.* Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М., 2007.

FORMATION OF THE SOCIAL-CONSTRUCTIVE APPROACHES ON SOCIAL MOVEMENTS LAST THIRD OF 20TH CENTURY

I.V. Khlebnikov

Senior lecture Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Faculty of History, The Udmurt State University

The article is concern with theoretical paradigms of past and present in explaining rise and decline of social movements. The major theories set out to social and economic terms have been re-evaluated. New approaches are emerged and point up the subjective aspects of individual interactions. The diverse between the old and new approaches seems to be unbridgeable. The article shows how the different theoretical views can be related. Is it possible to integrate them into a single theoretical framework?

Key words: social movements; theories; paradigms; change of views.

References:

1. From Structure to Action: Comparing Social Movement Research Across Cultures / ed. by B. Klandermans, H. Kriesi, S.Tarrow. Greenwich: JAI Press, 1988. 368 pp.; Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings / ed. by D. McAdam, J. McCarthy, M. Zald. Cambridge: Cambridge University Press,

1996. 426 pp.; *Porta D., Diani M.* Social Movements: an Introduction. 2nd ed. Wiley, 2006. 345 pp.; The Blackwell companion to social movements / D. Snow, S. Soule, H. Kriesi. Wiley, 2004. 776 pp. (In English).
2. *Barbalet J. M.* Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge University Press, 2001. P. 29-82. (In English)
  3. ~~English~~ *R.* An Insider's Critique of the Social Movement Framing Perspective // Sociological Inquiry. 1997. Vol. 67, № 4. P. 409–430. (In English).
  4. *Collins R.* Social Movements and the Focus of Emotional Attention // Passionate politics: emotions and social movements / eds.: J. Goodwin, J. M. Jasper, F. Polletta. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2001. 370 pp. *Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2004. 439pp. (In English).
  5. *Collins R.* The Program of Interaction Ritual Theory // Interaction Ritual Chains. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2004. P. 3–32. (In English).
  6. *Emirbayer M., Goldberg C. A.* Pragmatism, Bourdieu, and Collective Emotions in Contentious Politics // Theory and Society. 2005. Vol. 34. P. 469–518. (In English).
  7. *Eyerman R., Jamison A.* Social Movements: a Cognitive Approach. Penn. State Univ. Press, 1991. 184 pp. (In English).
  8. Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation [Electronic resource] / D. Snow [et al.] // American Sociological Review. 1986. Vol. 51, № 4. P. 464-481. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2095581>. (In English).
  9. Frontiers in Social Movement Theory / edited by A. Morris, C. Mueller. New Haven : Yale University Press, 1992. P. 133–155. (In English).
  10. *Goodwin J., Jasper J., Polletta F.* Emotional Dimensions of Social Movements // The Blackwell Companion to Social Movements. Wiley, 2004. P. 413–425. (In English).
  11. *Goodwin J., Jasper J. M.* Caught in a winding, snarling vine: the structural bias of political process theory // Sociological Forum. 1999. Vol. 14, № 1. P. 27–54. (In English).
  12. *Goodwin J., Jasper J. M.* Trouble in paradigms // Sociological Forum. 1999. Vol. 14, № 1. P. 107. Подробнее о новом соотношении классических и постструктуралистских взглядов *Jasper J. M.* Basic approaches // Art of Moral Protest: Culture, Biography, and Creativity in Social Movements. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2008. P. 17–100. (In English).
  13. *Goodwin J., Jasper J., Polletta F.* Passionate politics: emotions and social movements. P. 3. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2001. 370 pp. (In English).
  14. *Gurr T. R.* Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970. (In English).

15. *Heidi S.* Social Movement Organizations: Guide to Research on Insurgent Realities by John Lofland // *Annals of the American Academy of Political and Social Science Review*, 1997. Vol. 553: Transport at the Millennium. P. 228–229. (In English).
16. *Heise R.* Effects of Emotion Displays on Social Identification [Electronic resource] // *Social Psychology Quarterly. Special Issue: Sentiments, Affect and Emotion.* 1989. Vol. 52, No. 1. Pp. 10-21. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2786900?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=21103629961581>. (In English).
17. *Hoffer E.* The True Believer: Thoughts On The Nature of Mass Movements. Harper Perennial; Reissue edition, 2009. (In Rus.).
18. *Individuals in Movements: a Social Psychology of Contention* // *Handbook of Social Movements Across Disciplines* / eds.: B. Klandermans, C. Roggeband. N. Y.: Springer Science, 2007. P. 157–205. (In English).
19. *Jasper M. J.* Cultural Approaches in the Sociology of Social Movements // *Handbook of Social Movements Across Disciplines* / eds.: B. Klandermans, C. Roggeband. N. Y.: Springer Science, 2007. P. 59–111. (In English).
20. *Jasso G.* Emotion in Justice Processes // *Handbook of the Sociology of Emotions* / eds.: J. E. Stets, J.H. Turner. Springer, 2008. P.321-346. *Turner J. H., Stets J.E.* The Sociology of Emotions. Cambridge University Press, 2005. P.197-204. (In English).
21. *Klandermans B.* Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory [Electronic resource] // *American Sociological Review*. 1984. Vol. 49, № 5. P. 583–600. URL: <http://www.jstor.org/stable/2095417>. (In English).
22. *Koopmans R.* The missing link between structure and agency. Outline of an evolutionary approach to social movements // *Mobilization*. 2005. Vol. 10. P. 19–36. (In English).
23. *Kornhauser W.* The Politics of Mass Society. Glencoe 3, Free Press, 1959. P.93. (In English).
24. *Krinsky J., Barker C.* Movement Strategizing as Developmental Learning: Perspectives from Cultural-Historical Activity Theory // *Culture, Social Movements, and Protest*. Ashgate Publishing, Ltd., 2009. P. 209–226. (In English).
25. *English B.* Bounded choice: true believers and charismatic cults. Berkeley; L. A.: Univ. of California Press, 2004. P. 221–264.; *Ibid.* Bounded Choice: True Believers And Charismatic Cults // *Nova Religio: the Journal of Alternative and Emergent Religions*. 2006. Vol. 9, № 4. P. 117–120. (In English).
26. *Lofland J.* Crowd Joys // *Urban Life*. 1982. Vol. 10, № 4. P. 355–381. (In English).
27. *McAdam D.* Introduction to the second edition // *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930-1970*. 2nd ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1999. xxxvii. (In English).

28. *McAdam D.* Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930-1970. Chicago; Lnd.: The Univ. of Chicago Press., 1982. P. 7. (In English).
29. *McAdam D., Tarrow S., Tilly. C.* Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. P. 73–74. (In English).
30. *McCarthy J. D., Mayer N. Zald.* Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // *The American Journal of Sociology.* 1977. Vol. 82, № 6. P. 1212–1241. URL: <http://www.jstor.org/stable/2777934>. (In English).
31. *Melucci A.* Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. P. 69–70. (In English).
32. *Oberschall A.* Social Conflict and Social Movements. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice-Hall, 1973. 371 pp. (In English).
33. *Opp K. D.* Theories of Political Protest and Social Movements: a Multidisciplinary Introduction, Critique, and Synthesis. N. Y.: Taylor & Francis e-Library, 2009. 403 p. (In English).
34. *Piven F. F., Cloward R. A.* Poor Peoples Movements: Why They Succeed, How They Fail. N. Y.: Random House, 1977. P. 14, 30. (In English).
35. *Polletta F.* Freedom Is an Endless Meeting: Democracy in American Social Movements. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2004. 295pp. (In English).
36. *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic traditions in modern Italy. Princeton; N. J.: Princeton Univ. Press, 1993. 280 pp. (In English).
37. *Runciman W. G.* Relative Deprivation and Social Justice. Routledge; Lnd., 1966. (In English).
38. *Sharp G.* From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation. Boston: The New Press., 2012. 160 pp.; Idem. Waging Nonviolent Struggle: 20th Century Practice and 21st Century Potential. Boston: Porter Sargent Pub., 2005. 598 pp.; Idem. Social Power and Political Freedom. Boston: Porter Sargent, 1978. 440 pp. (In English).
39. *Smelser N. J.* Essays in Sociological Explanation [Electronic resource]. URL: <http://www.questia.com/read/98536808/essays-in-sociological-explanation>. (In English).
40. *Social Movements and Culture / eds. H. Johnston, B. Klandermans.* Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1995. P. 44. (In English).
41. *Tajfel H.* The Social Psychology of Intergroup Relations // *Annual Review Psychology.* 1982. Vol. 33. P. 24. (In English).
42. *Tarrow S.* Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. P. 39. (In English).
43. *Tilly C.* From Mobilization to Revolution. Reading; Mass.: Addison-Wesley., 1978. Chap. 3/5. P. 52–171. (In English).
44. *Tilly C.* Wise quacks // *Sociological Forum.* 1999. Vol. 14, № 1. P. 58. (In English).
45. *Turner R. H., Killian L. M.* Collective Behavior. Englewood Cliffs. N.J.: Prentice-Hall, 1957. P. 143. (In English).

46. *Zdravomyslova E. A.* The Paradigms in western sociology of social movements. StPet.: Science, 1993. (In Rus.).
47. Авторы последнего времени: Scheff, Honneth, Lofland, Goodwin, Polletta, Jasper, Young, Lalich. (In English).
48. Например, с опорой на классика *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre Monograph No. 2, 1956. (In Rus.).
49. Например, см.: *Nussbaum M. C.* Upheavals of Thought: the Intelligence of Emotions [Electronic resource]. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. URL: <http://ebooks.cambridge.org/ebook.jsf?bid=CBO9780511840715>. (In English).
50. *von Scheve C., von Luede R.* Emotion and Social Structures: Towards an Interdisciplinary Approach // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2005. Vol.35, №3. P.303-328. *Caprariello A., Cuddy J. C., Fiske S.* Social Structure Shapes Cultural Stereotypes and Emotions: A Causal Test of the Stereotype Content Model // Group Processes & Intergroup Relations. 2009. Vol. 12, №2. P.147–155. *Burke P.* Identity, Social Status, and Emotion // Social Structure and Emotion/ eds.: J. Clay-Warner, D.T. Robinson. Academic Press, 2008. P.75-93. *Kuppens T., Yzerbyt V. Y.* Group-Based Emotions: The Impact of Social Identity on Appraisals, Emotions, and Behaviors // Basic and Applied Social Psychology. 2012. Vol. 34. P.20-33. (In English).
51. *Marwell G., Oliver P., Prahl R.* Social Networks and Collective Action: a Theory of the Critical Mass. III // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94, № 3. P. 502–534; *Oppenheimer J.* The Critical Mass in Collective Action: a Micro Social Theory by Gerald Marwell and Pamela Oliver [Electronic resource] // Public Choice. 1994. Vol. 79, № 3/4. P. 390–392. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/30026895?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=21103543738431>. (In English).
52. *Bonwick C.* The American Revolution as a Social Movement Revisited // Journal of American Studies. 1986. Vol. 20, № 3. P. 355–373. (In English).
53. *Kriesi H.* Charles Tilly: Contentious Performances, Campaigns and Social Movements // Swiss Political Science Review. 2009. Vol. 15, № 2. P. 344. (In English).
54. *Goodwin J., Jasper J., Polletta F.* Passionate politics: emotions and social movements. P. 2. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2001. 370 pp. (In English).
55. *Ashin G.K.* The Mass Society Doctrine. M., 1971. *Dilygensky G.G.* Mass Phenomena and social movements // Working class and modern world. 1987. № 3. *Yanitsky O.* Civic initiatives and activity of the masses M., 1988. *Yanitsky O.* Social Movements. 100 interviews with leaders. M., 1991. *Public Movements in contemporary Russia: from social problem to collective action.* ed.: V.V. Kostyushev. M.: Science, 1999. *Sociology of public movements: conceptual*

models. ed.: V.V Kostyushev. M., 1992. *Haliy I.A.* Contemporary social movements: innovative potential of the conversions in Russian traditional environ. M.: Institute of Sociology, 2007. (In Rus.).

УДК-323(470+571)

ТЕОРИИ «КОНСЕРВАТИВНОЙ» МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Д.П. Кондраль, А.Г. Кузьмин¹

Статья посвящена анализу новейших «консервативных» концепций развития государства и общества, значимость которых сегодня возрастает в условиях усиления кризисных моментов в государстве. В статье анализируются ключевые направления и угрозы реализации программ несбалансированного ужесточения системы государственного управления в условиях социально-политической нестабильности. В качестве основных рекомендаций для предотвращения установления в условиях социально-политического кризиса в России автократического режима указаны: необходимость соблюдения прав и законности; беспрекословное следование принципам демократии, открытости и прозрачности; важность постоянного развития системы артикуляции и агрегации интересов общества; поддержание достойного уровня жизни населения России.

Ключевые слова: политическая модернизация; консервативные теории модернизации; политическая система; Россия; политические угрозы; креатополис; технократизм.

Современные кризисные условия развития российского общества определяют повышение значения консервативных теорий социально-политической модернизации страны. Внутренние (стагнация производства, социально-политический кризис и др.) и внешние (рост напряжённости в отношениях со странами-членами НАТО и их сателлитами, а также странами бывшего СССР) проблемы развития страны приводят к поиску новой идеологической базы развития России.

Кризисность современной социально-экономической системы России определяет ориентацию россиян не на свободу, а на сильное и справедливое государство, что служит опорой возможного проведения в стране консервативных преобразований, в частности, как ответа России на санкционную политику стран Европы и Америки.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № М-33-01014 «Русский радикальный национализм начала XXI в.: политические основания идеологии и деятельности».

¹ Кондраль Дмитрий Петрович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии и методологии образования Ухтинского государственного технического университета. E-mail: lbvf17@gmail.ru.

Кузьмин Александр Геннадьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Сыктывкарского государственного университета. E-mail: akuzmin09@rambler.ru.

@ Кондраль Д.П., Кузьмин А.Г., 2015

В связи с этим, возрастает вероятность политического уклона «вправо» как реакции на разрушение несиловых факторов российской государственности. Среди основных причин этого следует выделить: демографический потенциал, идейно-духовное состояние общества, систему национальных отношений, науку, образование, финансово-экономическую систему [11]. Ослабление данных факторов, даже при повышении мощи силовых факторов (военная система, территориальная составляющая и др.), приводит к разрушению российской государственности и сужению перспектив стратегического развития страны.

Угроза разрушения российской государственности может стать причиной радикализации российского социума и привести к процессам нарушения национального единства страны [1]. Подобные последствия прослеживаются, например, в современной Украине.

Поэтому в условиях нестабильности социально-экономической системы страны и внешнеполитических отношений с рядом стран Европы и НАТО важным является непротиворечие процессов повышения общественного самосознания и демократизации общества процессам формирования и поддержания стабильной деятельности государственных институтов управления [3], а также общегосударственных ценностей и идеалов.

Попытки создания механизмов развития и усиления современного российского общества и государства в условиях кризисных и потенциально опасных моментов политической современности прослеживаются в рамках «правых» теорий политической модернизации России.

В рамках современной теории «правой» модернизации страны закрепились идея реализации принципа социальной справедливости в сильном государстве. Данная идея, связав две ключевых ценности россиян (сильного и справедливого государства), стала основой идеологии праворадикального движения. Главной идеей является предоставление жителям страны высокого социально-экономического уровня жизни через формирование сильного государства, основанного на принципах социально-культурного и этического единства жителей страны.

Образцом сильного государства в рамках теории правой модернизации выступают исторические империи в России.

Одним из объединений российских теоретиков имперского направления является Институт динамического консерватизма (ИДК) – общественная организация, существующая с апреля 2009 г. Как следует из информации, размещенной на сайте аффилированного с ИДК «Изборского клуба» к главным задачам данного учреждения относятся «исследования в области национального мировоззрения, экспертиза в сфере социального знания, участие в формировании новой конфигурации идеологических предпочтений в российском обществе, создание пула специалистов, осуществляющих обществен-

ную экспертизу инноваций и поддержка перспективных инноваций, направленных на благо и развитие России».

В 2009-2012 гг. этот интернет-ресурс освещал деятельность Института динамического консерватизма (ИДК). Осенью 2012 г. ИДК и вновь созданный экспертный Изборский клуб заключили стратегический союз и соглашение о партнерстве. С начала 2013 г. ИДК и Изборский клуб объединили свои информационные ресурсы – с этого момента сайт действует под двойным именем «Изборский клуб – Институт динамического консерватизма» и на него можно заходить одновременно по двум адресам: dynacon.ru и izborskclub.ru. Важным фактом является то, что именно в рамках ИДК был осуществлен проект, в котором проявила себя команда нового Института: в 2005 г. под редакцией экономиста, председателя правления «Института динамического консерватизма» Андрея Кобякова и философа, одного из учредителей Центра динамического консерватизма, занимающегося разработкой доктрины консервативных преобразований в России Виталия Аверьянова был создан коллективный теоретический труд авторов и экспертов ИДК «Русская доктрина», созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель».

Один из теоретиков русской правой политической традиции Александр Проханов отмечает зарождение в современной России новой – Пятой Империи (наряду с Киевской Русью, Московским царством Рюриковичей, Российской Империей Романовых, СССР), которая должна быть сформирована на основе реинтеграции постсоветского пространства [7; 8]. Предтечей новой Империи, как считает автор, является Евразийский союз. Культурным же базисом государства должны стать ценности православных монастырей России.

В своих произведениях Проханов пытается совместить почвенническо-православный взгляд на внутренний мир русского человека с «техноцентрическим» и одновременно гуманистическим подходом к изображению событий и явлений современной действительности. Свои взгляды Проханов успешно пропагандирует не только в своих многочисленных художественных произведениях, но и со страниц газеты «Завтра», где он является главным редактором с момента её основания в 1993 г. Кроме того, Проханов является председателем экспертного сообщества «Изборский клуб» (создан в сентябре 2012 г.) и главным редактором ежемесячного журнала «Изборский клуб (Русские стратегии)», выходящего с января 2013 г. Журнал освещает деятельность клуба, публикует его доклады и декларации, отчеты о поездках и круглых столах, а также отслеживает события и тенденции, которые представляются важными участникам объединения.

«Изборский клуб» – периодическое собрание известных экспертов, специализирующихся на изучении внешней и внутренней политики России. Члены данной организации придерживаются идеологии, которая соответствует не вполне корректному стереотипу, появившемуся в российском политическом лексиконе 1990-х гг. под названием «красно-коричневые».

Один из постсоветских словарей, где упоминается данный термин, пишет, что красно-коричневые – это «совокупность политических сил, проповедующих коммунистическую и националистическую идеологию». В более широком смысле российские либерал-реформаторы, решительно заявляя о «радикальном разрыве как с советским прошлым, так и с наследием царизма», без серьезных аргументов объединяют в этом уничижительном термине весь «советский и досоветский период» [5]. В одно время это клише применялось по отношению к защитникам Дома Советов в 1993 г. Под этим термином подразумевается объединение коммунистических и крайне правых идеологов, сил или организаций, в условиях современной России это та или иная форма «союза коммунистов с национал-патриотами».

Один из официальных программных документов избороцев, опубликованный в декабре 2012 г., так описывает суть амбивалентности пропагандируемой ими идеологии: «...мы призываем всех государственников, кому дорого будущее России, выступить единым патриотическим, имперским фронтом, противостоящим либерально-глобализаторской идеологии и ее адептам, России необходимо слияние двух мощнейших энергий, произрастающих из "красной" и "белой" идеологий русского патриотизма. Это слияние подразумевает привнесение в структуру и систему деятельности государства мощного элемента социальной справедливости, который наследуется от СССР, и возвращение к православно-христианской духовности и универсальности традиционной России». Основным механизмом реализации плана членов «Изборского клуба» является соединение двух «традиций государственности: традиции русских царей, собирателей империи, и традиции Сталина, советского цивилизационного строительства» [10].

В рамках современной теории правой модернизации России обосновывается идея национального развития страны. В основе национальной доктрины лежит идея создания наднациональности на основе русской нации, вбирающей в себя все национальные специфики бывшего СССР.

В сентябре 2009 г. Д.А. Медведев, будучи Президентом РФ, отдал поручение правительству (вице-премьеру – главе аппарата правительства РФ Сергею Собянину) рассмотреть предложение российского гражданина Максима Калашникова, касающееся технологической модернизации экономики.

Кучеренко Владимир Александрович (р. 1966) – известный писатель (псевдоним Максим Калашников), публицист, аналитик. Соавтор и член редколлегии Русской доктрины, соучредитель Центра динамического консерватизма. В своем письме, которое автор отправил Медведеву через Интернет, высказывается идея создания биоагроэкополиса - небольшого «города будущего» (сгустка инноваций) на одном из пустующих участков федеральных земель близ Москвы, где «могут быть воплощены последние технологические новации отечественных изобретателей». В проекте

предусматривалось также создать Национальную Инновационную систему – ВИСНХ (Высший инновационный совет народного хозяйства), а также аналог ДАРПА (Департамента передовых исследований) при МО США – «Управление передовых разработок при президенте РФ» [6; 2].

При этом нужно иметь в виду, что Калашников-Кучеренко известен не только как публицист и писатель-футуролог. В российском правом сообществе его знают как опытного журналиста и пиарщика, имеющего опыт работы в различных «бумажных» и интернет-изданиях. В 1993-2001 гг. он был политическим обозревателем «Российской газеты», с января по октябрь 2002 г. – заместителем главного редактора газеты «Стиггер», 2002-2004 гг. – работал в редакции журнала «Русский предприниматель» и др. Кроме того, Калашников-Кучеренко ведет довольно активную политическую деятельность: в 2005 г. он являлся соучредителем Центра динамического консерватизма, 2005-2007 гг. – один из разработчиков проекта «Русская доктрина», в 2006 г. – основатель сетевого сообщества «Русское братство» (<http://www.bratstvo.su/>), с мая 2009 г. – член оргкомитета партии «Дело нации» [4]. Калашников также входит в руководство таких умеренно-националистических партий, как «Родина: здравый смысл» и «Партия дела».

У Калашникова имеется опыт сотрудничества и с национал-патриотическими изданиями, например, в № 3 (371) от января 2008 г. «концептуально-аналитической газеты» «Знание – Власть!» были опубликованы сразу две работы Калашникова. В качестве передовицы была размещена статья под названием «Проблема более чем актуальна», посвященная проблеме коррупции в правоохранительных и властных структурах РФ. Материал второй статьи был сделан в качестве отдельного восьмистраничного вкладыша и назывался «Америка и имперская диктатура». Эта публикация была посвящена жесткой критике современного американского режима, эпохи правления «глобалов» и призывам построить в России собственную «Диктатуру Развития». Характерно, что номером раньше был опубликован сопредседатель Национально-державной партии России, известный идеолог современного русского национализма Александр Севастьянов, опубликовавший в № 1-2 (370) 2008 г. газеты «Знание – Власть!» также в виде восьмистраничного вкладыша статью «Русское движение на новом этапе. Подводя итоги». Учредителем и главным редактором данного издания является Валерий Задерей, входивший в руководство таких имперских националистических организаций, как «Концептуальная партия «Единство», «Союз русского народа Л. Ивашова» и «Военно-державного союза России».

Калашников, являясь одним из теоретиков русского национализма радикального направления, выступает за воссоздание государства на имперских началах, в качестве русской модели государственности предлагает создание добровольной сверхплеменной коалиции народов, основанной на принципе самодержавия.

Автор отмечает, что при продолжении снижения численности русского населения вероятен окончательный распад инфраструктуры бывшего СССР. Данные процессы сегодня актуальны и поэтому требуют внимательного изучения в рамках формирования внешнеполитической доктрины России.

Как один из авторов «Русской доктрины», Калашников прогнозирует возможность скорого системного кризиса, при котором сильные страны могут фактически «поделить» Россию. Для выхода из кризисной ситуации и развития страны предлагаются следующие стратегии: 1) ведение асимметричной войны; 2) разработка и широкое внедрение новых экологически чистых технологий; 3) чистка управленческих рядов путём идеологической и творческой ротации элит.

В качестве средства приращения территорий для восстановления границ бывшего СССР, как считает автор, можно использовать методику «оранжевых революций». Применение смежной методики, подобной указанной (невоенной), в частности, оказалось эффективным при возвращении Крыма в состав России весной 2014 г.

Идеология правой модернизации нашла отражение в «Русской доктрине» (2005 г.), сформированной под эгидой православной церкви: «Государство должно подхватить инициативу Церкви, поддержать курс на духовную, моральную и политическую консолидацию народа. Нужно рассматривать православие не как сегмент общественной жизни, но как силу, тождественную самой национально-государственной традиции России. Иными словами, требуется сделать Традицию тем, чем ей быть естественно, – полем общенационального политического консенсуса».

В Доктрине отображены ключевые идеологические постулаты правоориентированных политических сил страны: «Православная традиция – вопреки расхожему интеллигентскому мнению – постоянно давала примеры и социально-экономической, и политической, и культурной модернизации – без нарушения догматической стороны своего вероучения» [9]. Рассматриваемая концепция предполагает формирование русского инновационного социализма, основанного на духовно-нравственных ценностях православия и консервативной политической идеологии.

Основой развития России видится формирование самостоятельной русской культуры, основанной на православных ценностях и идеалах, поэтому в основе развития общества лежит идея духовной суверенности и социальной правды.

Ключевыми принципами российской государственности, согласно Доктрине, являются:

1) демократия (реализуемая в совещательной форме принятия политических решений, предполагающей создание «Земского собора» как высшего совещательного представительного органа страны);

2) формирование профессионального управленческого звена, реализующего свои исполнительные полномочия в рамках высшего исполнительного органа страны – Сената;

3) единоначалие (так, Президент должен управлять всеми тремя ветвями власти непосредственно).

Идеалом и перспективой развития российской политической системы, согласно Доктрине, видится формирование монархического государства.

Важной идеей программы является признание необходимости интеграции инфраструктуры постсоветских стран. Для повышения эффективности территориального управления предполагается формирование единой системы местного самоуправления и органов государственной власти.

Также немаловажное значение имеет переход от административного деления, основанного на принципе национальной исключительности к экономической целесообразности и территориальной управляемости регионов путём оптимизации Федеральных округов по численности населения в рамках предлагаемых экономических районов (см. табл. 1) [11]:

Таблица 1

**Соотношение между экономическими районами РСФСР
и современными федеральными округами (ФО)**

Федеральный округ	Экономический район
Центральный	Центральный и Центрально-Черноземный
Северо-Западный	Северный и Северо-Западный
Южный	Северо-Кавказский и небольшая часть Поволжского
Приволжский	Волго-Вятский, почти весь Поволжский и ½ Уральского
Уральский	½ Уральского и Тюменская область Западно-Сибирского ЭР
Сибирский	Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский
Дальневосточный	Дальневосточный

Таким образом, в рамках теории правой модернизации России проработаны политические, социальные, экономические, культурно-этические вопросы развития российского социума.

Вопрос возрождения имперской мощи России (подобной СССР или Российской Империи) рассматривается в рамках консервативных теорий модернизации как ключевое условие построения сильного государства, способного адекватно реагировать на внутренние и внешние вызовы и угрозы. Все внешние и внутренние факторы функционирования существующей общественной системы, не способствующие перспективному развитию страны (про-

блемы на Кавказе, действия США, ситуация на Украине и др.) рассматриваются как нежелательные или враждебные. Их влияние на внутреннюю политику страны необходимо снижать до минимума.

Общая политическая линия в рамках теорий правой модернизации России направлена на создание и поддержание условий стабильного функционирования общества и государства. В частности, ключевыми являются идеи верности своей нации, политической независимости и деятельности на благо народа, страны, перманентный культурный и духовный рост в рамках исконно русской православной традиции, всесторонняя защита условий жизни нации, её территории, экономических ресурсов и духовных ценностей.

Следует отметить, что рассмотренные теории консервативной модернизации политической системы страны, стремясь усилить государственную и общественную систему, не исключают следующие политические угрозы: 1) формирование авторитарного централизованного управления, не способного полноценно функционировать ввиду крайнего ужесточения контроля за деятельностью управленческого аппарата; 2) распространение малоэффективной авторитарной бюрократической культуры; 3) отсутствие гражданского механизма контроля религиозного догматизма; 4) возможное нарушение принципов демократии, свободы, открытости и прозрачности политической системы, а также принципа участия граждан в принятии и реализации политических решений.

Рассмотренные угрозы остаются сегодня актуальными, что во многом определяется необходимостью усиления системы государственного управления в условиях кризисности социально-экономической системы страны и внешнеполитической нестабильности отношений с рядом стран Европы и НАТО.

Для предотвращения выявленных угроз важны: 1) контроль соблюдения права и законности в государстве; 2) безоговорочное следование принципам демократии, открытости и прозрачности политической системы; 3) модернизация системы артикуляции и агрегации интересов общества; 4) всесторонняя поддержка свободной рыночной системы; 5) обеспечение достойного уровня жизни населения страны.

Следование указанным требованиям является важным аспектом предотвращения формирования малоэффективной и опасной для общества системы государственного управления.

Таким образом, «охранительные» теории модернизации политической системы в условиях социально-политического и экономического кризиса приобретают, с одной стороны, важную значимость для обоснования необходимости формирования собственных механизмов политического и социального управления, способствующих повышению эффективности государственной системы управления и формирования стабильной социальной структуры общества, но с другой – могут приводить к чрезмерному необоснован-

ному ужесточению способов политического управления при отсутствии технологий полноценного демократического гражданского контроля процесса принятия и реализации управленческих решений в переходный период в России.

Учёт теорий «правой модернизации» политической системы России в процессе формирования государственной политики в центре и регионах является важным условием полноценного определения путей развития страны. Вместе с тем, необходимо чётко определять политические угрозы и противоречия реализации теоритических концепций «правой модернизации» в кризисных условиях современной России и её регионов для предотвращения «перегибов» во внутренней и внешней политике государства.

Библиографический список

1. *Верховский А., Кожевникова Г.* Призрак Манежной площади: Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2010 г. // СОВА. Информационно-аналитический центр. 11.03.2011. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.sovacenter.ru/racismxenophobia/publications/2011/03/d21140/> (дата обращения: 04.05.2014).
2. Дмитрий Медведев поручил правительству РФ рассмотреть предложение М.Калашникова, касающееся технологической модернизации экономики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosinvest.com/news/597363/> (дата обращения: 04.05.2014).
3. *Кондраль Д.П., Морозов Н.А.* Управление процессами модернизации политической системы современной России (региональный аспект): монография. Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ. 2012. 165 с.
4. Кучеренко Владимир Александрович (Максим Калашников). [Электронный ресурс]. URL:<http://www.anticompromat.org/zhurnalisty/kalashnikbio.html> (дата обращения: 04.05.2014).
5. *Моченов А.В., Никулин С.С., Ниясов А.Г., Савваитова М.Д.* Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М.: Олма-Пресс, 2003. 256 с.
6. Письмо Максима Калашникова Президенту РФ Д. Медведеву. [Электронный ресурс]. URL: <http://m-kalashnikov.livejournal.com/141905.html> (дата обращения: 04.05.2014).
7. *Проханов А.А.* Симфония Пятой Империи. М.: Яуза-Эксмо, 2007. 288 с.
8. *Проханов А.А., Кугушев С.В.* Технологии «Пятой Империи». М.: Яуза – Эксмо, 2007. 320 с.
9. Русская доктрина. Сергиевский проект. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusdoctrina.ru/page95509.html> (дата обращения: 04.05.2014).
10. Ульяновская декларация Изборского клуба. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/901/> (дата обращения: 04.05.2014).

11. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2013. 472 с.

THE THEORY OF 'CONSERVATIVE' MODERNIZATION IN MODERN RUSSIA

D.P. Kondral

PhD in political science, Assistant professor of philosophy and methodology of education Ukhta State Technical University

A.G. Kuzmin

Assistant professor of history, political science and sociology of Syktyvkar State University, Political Science, Associate Professor

The article is devoted to analysis of the "conservative" concepts of the state and society, the significance of which grows today in an increasingly crisis moments in the state. The article analyzes the key trends and threats programs unbalanced tightening of public administration in terms of socio - political instability. The main recommendations for the prevention of the establishment in terms of socio - political crisis in Russia's autocratic regime, are: the need to respect human rights and rule of law; unquestioning adherence to the principles of democracy, openness and transparency; the importance of the continued development of articulation and aggregation of interests of society; maintain a decent standard of living of the population of Russia.

Keywords: political modernization; conservative modernization theory; political system; Russia; political threats; kreatorpolis; technocratic.

References:

1. *Verkhovsky A., Kozhevnikova G.* Ghost Manezh Square: Radical Nationalism in Russia and to oppose it in 2010 // SOVA. Information-Analytical Center. 11.03.2011. [Electronic resource]. URL: <http://www.sovacenter.ru/racismxenophobia/publications/2011/03/d21140/> (date accessed: 04.05.2014). (In Rus.).
2. Dmitry Medvedev instructed the Russian government to consider the proposal Kalashnikov concerning technological modernization of the economy. [Electronic resource]. URL: <http://www.rosinvest.com/news/597363/> (date accessed: 05.04.2014). (In Rus.).
3. *Kondral D.P., Morozov N.A.* Process management modernization of the political system of modern Russia (regional aspect): monograph. Syktyvkar: GAOU VPO Crags. 2012. 165 p. (In Rus.).
4. Kucherenko Vladimir (Maxim Kalashnikov). [Electronic resource]. URL: <http://www.anticompromat.org/zhurnalisty/kalashnikbio.html> (date accessed: 04.05.2014). (In Rus.).

5. *Mochenov A.V., Nikulin S.S., Niyasov A.G., Savvaitova M.D.* Dictionary of modern slang Russian politicians and journalists. М.: Olma-Press, 2003. 256 p. (In Rus.).
6. Letter Maxim Kalashnikov Russian President Dmitry Medvedev. [Electronic resource]. URL: <http://m-kalashnikov.livejournal.com/141905.html> (date accessed: 04.05.2014). (In Rus.).
7. *Prohanov A.A.* Fifth Symphony Empire. М.: Jauza-Eksmo, 2007. 288 p. (In Rus.).
8. *Prohanov AA, Kugushev S.V.* Technology "Fifth Empire". М.: Jauza-Eksmo, 2007. 320 p. (In Rus.).
9. Russian doctrine. Sergius project. [Electronic resource]. URL: <http://www.rusdoctrina.ru/page95509.html> (date accessed: 04.05.2014). (In Rus.).
10. Ulyanovsk declaration Izborsk club. [Electronic resource]. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/901/> (date accessed: 05.04.2014). (In Rus.).
11. *Yakunin V.I., Bagdasarian V.E., Sulakshin S.S.* New technologies to combat Russian statehood. М.: The scientific expert, 2013. 472 p. (In Rus.).

УДК-32:324(470+571)

ДИСКУССИИ О ПРИНЦИПАХ ФОРМИРОВАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

*Г. Д. Селянинова*¹

Статья посвящена разработке избирательной системы, вопросам подготовки и проведения выборов в представительные учреждения различных уровней, осуществлявшейся специальной комиссией, созданной летом 1919 г. в Омске при режиме А.В. Колчака. Достаточно остро в комиссии дискутировались вопросы о размерах избирательных округов и правилах их нарезки, о принципах равного и сословного представительства, о преимуществах прямых и косвенных выборов. Комиссия также обсуждала проблемы выборного процесса, способ формирования органов, на которые должна быть возложена организация и проведение выборов.

Ключевые слова: представительный орган; выборы; избирательные права граждан; избирательные округа.

Февральская революция вызвала к жизни представления о возможности развития демократии в России посредством передачи властных полномочий Учредительному собранию. Соответственно, после свержения монархии ключевым политическим вопросом становится вопрос об организации легитимной власти через созыв представительного органа. Учредительное собрание в результате было созвано в ноябре 1917 г., но в январе 1918 г. оно было распущено большевиками. Эти события хорошо исследованы историками [3, 5, 6, 8, 9, 10]. Тем не менее, идея возрождения или созыва нового учредительного представительного органа сохранялась в течение всего периода Гражданской войны и была важным фактором консолидации антибольшевистских сил.

Вопрос о созыве учредительного представительного органа обсуждался на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. Многочисленными правительствами “демократической контрреволюции” были предложены различные программы создания учредительного представительного органа: башкирским правительством Заки Валидова, киргизским правительством Алаш, Временным областным правительством Урала и т.д. [1, 2, 7]. В данной

---

¹ Селянинова Гульсина Дагирьяновна – доцент кафедры государственного управления и истории, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. E-mail: gsina@mail.
@ Селянинова Г.Д., 2015

статье анализируется малоизвестный проект, разработанный в Омске при А.В. Колчаке.

После переворота, совершенного под руководством адмирала А.В. Колчака в Омске был создан так называемый «Омский блок», объединивший 13 организаций. Он был поддержан организацией, созданной в Екатеринбурге и возглавлявшейся А.С. Белевским-Белоруссовым, одним из лидеров Национального союза. Екатеринбургский блок выдвинул в качестве главной цели восстановление государственности России на общих демократических принципах, но в их российском понимании: единая и неделимая Россия при осуществлении равноправия наций, широкое местное самоуправление, необходимость религиозного воспитания народа.

Депутация местного отделения Всероссийского Национального союза, возглавляемого А.С. Белевским-Белоруссовым, была представлена А.В. Колчаку во время его визита в Екатеринбург 12 мая 1919 г. Депутация вручила адмиралу доклад о текущих событиях, в котором было изложено в том числе и видение перспектив развития государственности России. Вскоре после этого А.В. Колчак назначил А.С. Белевского-Белоруссова председателем комиссии для разработки условий выборов Национального собрания учредительного характера, что может свидетельствовать о том, что он принял предложения А.С. Белевского-Белоруссова.

А.С. Белевский-Белоруссов переехал в Омск и летом 1919 г. возглавил комиссию, которая подготовила полномасштабную программу, основанную на идеях Екатеринбургского блока. Она касалась вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера и областных представительных учреждениях. Кроме А.С. Белевского-Белоруссова, в комиссию входили Н.Н. Козьмин (товарищ председателя), профессор С.П. Мокринский, И.А. Антропов, М.С. Венецианов, В.А. Рязановский, Д.М. Эбулдин, М.В. Казимиров, П.А. Кронеберг. Н.В. Худяковский исполнял обязанности секретаря комиссии, Е.А. Аносова – помощника секретаря. Комиссия постоянно пополнялась новыми членами.

Комиссия разрабатывала законодательную базу избирательной системы, а также вопросы, касающиеся подготовки и проведения выборов в представительные учреждения различных уровней. Активно обсуждался вопрос об избирательных правах граждан. Достаточно остро дискутировался вопрос о делении России на избирательные округа и об отношении числа представителей к числу избирателей. Члены комиссии разделяли представление о том, что Учредительное собрание не должно быть многочисленным. В качестве аргумента высказывалась мысль, что в России при огромной потребности в образованных людях количество их явно недостаточно. Кроме того, члены комиссии имели реальное представление о политической ориентации основной массы населения, и в их планы не входило допускать крестьянство в главный представительный орган государства.

Согласованная позиция относительно недопущения в Учредительное собрание представителей крестьянства проявилась также при обсуждении вопроса о прямых и степенных выборах. Одним из бескомпромиссных защитников этой позиции был А.С. Белевский-Белоруссов. Мотивируя необходимость принятия степенных выборов для сельского населения, он указывал: «... во-первых, на малокультурность и слабое политическое развитие широких народных масс, во-вторых, на легкодоступное при прямых выборах влияние на избирателей со стороны демагогических элементов, каковая опасность менее возможна при системе косвенных выборов, при которых выборы производятся в коллегии выборщиков, представляющей из себя группу лиц из более сознательных элементов, и, в-третьих, на весьма серьезные технические затруднения для применения прямых выборов» [4, Д. 2. Л. 10об.].

Относительно предоставления избирательных прав гражданам у членом комиссии не было единодушной позиции. На одном из заседаний А.С. Белевский-Белоруссов поставил на обсуждение вопрос об активном и пассивном избирательном праве. Сам он выступил в пользу ограничения активного избирательного права, предложив предоставить его лишь лицам мужского пола, достигшим 25 лет и проживающим в данном избирательном округе в течение года или имевшим в этом округе постоянную оседлость до большевистского бунта и затем, по причинам беженства, переменявшим свое местожительство [4, Д. 2. Л. 11об.].

Настаивая на лишении избирательных прав женщин, он аргументировал свою позицию следующим образом: «Русская женщина в массе своей не предъявляет требования политических прав, давать же эти права, когда на них нет спроса, или умножать вотум избирателей в силу каких-либо абстрактных соображений, исходя, например, из принципа равноправия женщин, не представляется целесообразным» [4, Д. 2. Л. 11об.]. Его оппонентом выступил член комиссии М.С. Венецианов. Он заявил: «Женщины из среды интеллигенции всегда стремились и стремятся к получению права наравне с мужчиной» [4, Д. 2. Л. 11об.]. Но позиция А.С. Белевского-Белоруссова была непреклонной: «Участие в выборах женщин не переменит состава Учредительного собрания, а потому оно является бесцельным и, как таковое, не должно быть освящено законом» [4, Д. 2. Л. 11об.].

В итоге по вопросу избирательных прав Комиссия постановила: «Ценз оседлости, как условие для предоставления избирательного права, отвергнуть. Пассивное избирательное право предоставить всем лицам на тех же основаниях, на которых предоставляется активное избирательное право. Возраст для выборщиков установить общий, принятый и для активного, и для пассивного избирательного права, то есть 25 лет» [4, Д. 2. Л. 12об.-13].

Что касается нарезки избирательных округов, обсуждались три варианта соотношений – один депутат к 200 000, 250 000 и 300 000 жителей, и к

этому вопросу члены комиссии возвращались неоднократно [4, Д. 2. Л. 10]. На заседаниях комиссии обсуждался и вопрос об участии в выборах военно-служащих [4, Д. 2. Л. 9–14]. Комиссия детально разрабатывала проблемы организации выборного процесса при системе прямых или непрямых выборов и т. д. [4, Д. 2. Л. 9–29].

Активная работа комиссии в течение июня и первой половины июля 1919 г. увенчалась выработкой Общих положений избирательного закона. Данный документ был составлен председателем комиссии «на основании принятых комиссией принципов и подготовлен для представления о них доклада правительству» [4, Д. 2. Л. 39]. Докладная записка председателя подготовительной комиссии А.С. Белевского-Белоруссова, направленная председателю Совета министров, основывалась на принципе о «суверенном характере созываемого Народно-представительного собрания, учредительного по своим функциям, национального по своим задачам и составу» [4, Д. 3. Л. 48]. В качестве основы избирательной системы провозглашался «принцип всеобщих, равных и тайных выборов, обеспечивающий их демократический и национальный характер»; объявлялось также, что «избирательная система должна обеспечить всенародный характер собрания, его государственность и работоспособность» [4, Д. 3. Л. 49].

Вместе с тем, вопрос о характере выборов (прямые или косвенные) комиссия оставила открытым. Касаясь времени созыва Учредительного собрания, А.С. Белевский-Белоруссов подчеркивал, что «правительство никаким определенным сроком себя не связывает, так как срок этот будет зависеть от обстоятельств, время осуществления которых точно предвидеть нельзя» [4, Д. 3. Л. 49]. Здесь же оговаривались эти обстоятельства: «Созыву собрания должно предшествовать объединение под властью правительства значительнейшей части территории государства Российского; прекращение Гражданской войны, воссоздание в ныне занятых большевиками местностях аппарата управления, без которого немыслима правильность выборов» [4, Д. 3. Л. 49]. При наличии всех этих условий, подчеркивалось в докладной записке, правительство «берет на себя обязательство без крайней необходимости созыв Учредительного собрания не отсрочивать» [4, Д. 3. Л. 49].

При решении вопроса о местных и областных представительных органах предлагалось осуществлять «принцип народного самоуправления, имеющего быть положенным в основу Российской государственности», и исходить из территориальных условий страны, требующих децентрализации управления [4, Д. 3. Л. 49об]. Как подчеркивал А.С. Белевский-Белоруссов, «всякий шаг в этой области (местного самоуправления. – Г.С.) будет иметь характер прецедента и послужит основанием для домогательств со стороны многочисленных областей, претендующих на автономию. Вопрос об областной автономии и формах ее есть, таким образом, вопрос не местный, а общегосударственный и трактоваться должен как таковой» [4, Д. 3. Л. 49об].

Некоторое время спустя было принято постановление, в котором была признана «безусловная необходимость того, чтобы выборам в Национальное Учредительное собрание предшествовали выборы в земские учреждения» [4, Д. 2. Л. 45]. Вопрос об очередности проведения выборов в различные представительные учреждения возник не случайно: представители местных органов управления различных регионов Урала и Сибири обращались к подготовительной комиссии с просьбами о содействии в проведении выборов в представительные органы власти. Так, 3 сентября 1919 г. была заслушана докладная записка на имя председателя Совета министров Мухаммед-Габдулхая Габдулловича Курбангалиева, уполномоченного от башкир, председателя комитета по оказанию помощи беженцам-башкирам, по вопросам об автономном областном устройстве Башкирии, чуть раньше обсуждался доклад Н.Н. Козьмина о Сибирском автономном областном управлении [4, Д. 2. Л. 78,75]. Было принято решение отложить рассмотрение подобных обращений до обсуждения общего вопроса об автономии областей [4, Д. 2. Л. 7].

Смерть застала А.С. Белевского-Белоруссова в ночь на 13 сентября 1919 г. в Иркутске, куда он приехал для встречи чехословацкой делегации. На заседании комиссии 17 сентября 1919 г. было принято постановление о временном возложении обязанностей председателя на профессора С.П. Мокринского, поскольку товарищ председателя Н.Н. Козьмин руководил подкомиссией по выработке Положения о выборах во Всесибирский представительный орган. Принять на себя разработку программы занятий Сибирского совещания общественных и национальных организаций предложили профессору Карлу Германовичу Дишлеру [4, Д. 2. Л. 94]. Начатое А.С. Белевским-Белоруссовым дело было продолжено, и на дальнейших своих заседаниях подготовительная комиссия по-прежнему обсуждала вопросы формирования избирательной системы России до конца сентября 1919 г.

Военные действия, переместившиеся на территорию Сибири, положили конец работе подготовительной комиссии. Планам ее членов не суждено было реализоваться. Тем не менее, представляется важным, что выработанная программа была основана на гражданском понимании населения России, составленного из различных наций и народностей, равных в их правах; это равенство должно было быть гарантировано независимостью местного самоуправления, в то время как демократические свободы реализовывались через представительный орган – один для всех – парламент. Население рассматривалось как сумма жителей данной территории, независимо от этнического происхождения. Признавалось необходимым проведение выборов всеобщих, равных и тайных, но вопрос о прямых или косвенных выборах оставался открытым, обсуждался в комиссии также вопрос нарезания избирательных округов и участия различных социальных групп в представительном органе. Материалы данной дискуссии, сохранившиеся в архивных делах, являются

ценным источником, свидетельствующим об идеологических основаниях режима А.В. Колчака.

Библиографический список

1. Аманжолова Д. А. Алаш, советы, большевики // Отечественная история. 1994. № 1. С. 59–73.
2. Аманжолова Д. А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. 410 с.
3. Всероссийское Учредительное собрание. М., 2010. 447 с.
4. ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп. 1.
5. Знаменский О. Н. Конец Учредительного собрания. Л., 1967. 111 с.
6. Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и полит. крушения. Л., 1976. 364 с.
7. Казанчиев А.Д. Уфимская Директория 1918 г. Уфа, 2003. 115 с.
8. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. 362 с.
9. Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. 460 с.
10. Рубинштейн Н. Л. Большевики и Учредительное собрание. М., 1938. 127 с.

DISCUSSIONS ABOUT THE BASIC PRINCIPLES OF ALL-RUSSIAN CONSTITUENT ASSEMBLY FORMATION DURING THE CIVIL WAR

G.D. Selyaninova

Associate Professor, Perm National Research Polytechnic University, Department of Public Administration and History

The article is devoted to the development of electoral system, and the preparation of the Constituent Assembly elections and elections of other representative bodies. These issues were discussed by the Special Commission, established in 1919 in Omsk during the Kolchak regime. Debates focused on such problems as districts magnitude, the choice between direct and indirect voting as well as between equal and class representation. The issues of organization of elections were also important.

Key words: legislature; elections; electoral rights of citizens; electoral districts.

References:

1. *Amanzholova D. A.* Alash, Soviets, Bolsheviks // *History of Russia*. 1994. № 1. pp 59-73. (In Rus.).
2. *Amanzholova D.A.* On a break. Alash in ethno-political history of Kazakhstan. Almaty: Taymas, 2009. 410 p. (In Rus.).
3. Russian Constituent Assembly. Moscow: ROSSPEN, 2010. 447 p. (In Rus.).
4. GARF. F. R-4707. Op. 1. (In Rus.).
5. *Znamenskii O.N.* End of the Constituent Assembly. Leningrad: Lenizdat, 1967. 111 p. (In Rus.).
6. *Znamenskii O.N.* Russian Constituent Assembly: A History of convening and falling. Leningrad: Science, 1976. 364 p. (In Rus.).
7. *Kazanchiev A.D.* Ufa`s Directory of 1918. Ufa: Eastern. University Press, 2003. 115 p. (In Rus.).
8. *Protasov L.G.* Russian Constituent Assembly: the History of Birth and Death. Moscow: ROSSPEN, 1997. 362 p. (In Rus.).
9. *Protasov L.G.* People of Constituent Assembly: a portrait in the interior of the era. Moscow: ROSSPEN, 2008. 460 p. (In Rus.).
10. *Rubinstein N.L.* Bolsheviks and the Constituent Assembly. Moscow: Partizdat, 1938. 127 p. (In Rus.).

Государство и общество

УДК-323.2(470+571)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОПОРНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ВУЗОВ КАК КАТАЛИЗАТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Е.А. Данилова¹

Инновационная образовательная среда и формирование системы инновационных вузов являются значимым условием оптимизации становления инновационной экономики. В статье проводится анализ основных государственных мер по выделению и фиксации системы опорных вузов, способных взять на себя роль катализатора инновационных процессов. Исследуются две основные функции вузов: воспитание кадров для формирования нового поколения инноваторов и обеспечение выпуска наукоемкой продукции за счет создания научно-производственных союзов с промышленными предприятиями. Также вузы рассматриваются как важный инструмент государственного позиционирования инноваций внутри страны и на международной арене.

Ключевые слова: инновационное развитие; инновационные университеты/вузы; инновационный инструмент; позиционирование инноваций.

Переход на инновационную модель экономики является императивом развития российской государственности и формально закреплено в важнейших государственных документах. В современных условиях перед российским руководством, поставившим цель формирования инновационной экономической системы, стоит задача максимальной оптимизации этого процесса. Важность комплексного подхода к решению данной задачи требует сбалансированного учета полного набора факторов становления государства инновационного типа, в том числе интересов и действий всех значимых акторов инновационного процесса.

Проблема перехода на инновационный путь развития не является сугубо экономической. В связи с тем, что «процесс модернизации состоит не только во введении технологических инноваций, а главное – в изменении практик и привычек людей, росте новых форм жизни, стилей мышления» [1], недооценка необходимости наращивания социально-политического инновационного капитала неизбежно приведет к пробуксовке реформ, направлен-

---

¹ Данилова Елена Александровна – кандидат политических наук, докторант, философский факультет/аналитик, Дирекция программ развития, Национальный исследовательский Томский государственный университет. E-mail: elena.a.danilova@yandex.ru.

@ Данилова Е.А., 2015

ных на модернизационное развитие страны. Образовательная среда играет принципиальную роль в становлении российской инновационной экономики. Вузы способны расширить узкие экономические рамки проблемы инновационного трансфера, сместить акцент на формирование многоуровневого инновационного пространства в новом масштабе. В логике модели «тройной спирали» Г. Ицковица университеты выступают равноправными участниками процесса инновационного социально-экономического развития, более того, они способны стать катализатором внедрения инноваций, поскольку «университеты и другие площадки инновационных исследований все более и более уверенно становятся питательной средой для нового экономического развития» [4, 114].

Как принципиально значимый участник становления российской инновационной системы вузы могут способствовать наращиванию инновационного потенциала страны: как за счет повышения качества образования нового поколения инноваторов, обладающих метакомпетенциями, так и посредством формирования благоприятной инновационной среды, а также особого типа культуры предпринимательства, без которых применение инновационных экономических инструментов будет неэффективным. «Важнейшей составляющей становления, укрепления и развития инновационной сферы в современной России является целенаправленное формирование инновационно-ориентированных кадров» под влиянием научно-исследовательской среды [3, 34]. Система непрерывного образования, направленная на повышение квалификации в течение всей жизни, формирующая готовность к инновациям, должна стать основой для кардинального социально-экономического сдвига.

В связи с вышесказанным задача государства сегодня – предоставить вузам финансовые, инфраструктурные и организационные возможности для повышения эффективности их участия в инновационном процессе. Так, вузы имеют доступ к различным инновационным инструментам, включая участие в реализации федеральных целевых программ, постановлений Правительства РФ №218, 219, 220 от 9 апреля 2010 г. (направленные на поддержку взаимодействия вузов с промышленностью, наполнение инфраструктуры вузов, привлечение в вузы ведущих ученых с мировым именем, соответственно), в проектах государственных фондов развития, деятельности технологических платформ, инновационных территориальных кластеров, программах инновационного развития крупных компаний с госучастием и т.д. Применение определенного набора инновационных инструментов в каждом конкретном случае формирует инновационный потенциал вуза, повышает его конкурентоспособность, обуславливает дальнейшее инновационное развитие. При этом важно, чтобы государственная поддержка оказывалась на действительно конкурентной основе (не столько прямые дотации, сколько основанные на конкурентоспособных предложениях со стороны вузов), и последующая ревизия достигнутых результатов проводилась без излишней забюрократизиро-

ванности процесса отчетности. Это два важных параметра государственной поддержки.

Позиционирование вузов в качестве субъекта инноваций связано с выявлением и фиксацией университетов-лидеров. Значимыми шагами по формированию в стране инновационного «пояса» вузов является их ревизия и постепенное выделение системы опорных вузов. Так, в 2006 г. началась реализация приоритетного национального проекта (ПНП) «Образование», направленного на поддержку центров инновационной активности на базе вузов; усиление взаимодействия ведущим вузов и сектора реальной экономики (усиление роли вузов в инновационном развитии страны); развитие сетевого взаимодействия лидирующих вузов; поддержка взаимодействия вузов-лидеров с другими региональными/профильными вузами (сетевое взаимодействие); апробация инвестиционного механизма финансирования высшей школы, в том числе в форме частно-государственного партнерства [8]. В рамках реализации ПНП «Образование» в результате двух очередей конкурса в 2006-2007 гг. было выявлено 57 ведущих вузов, реализующих инновационные образовательные программы и получивших бюджетные субсидии общим объемом 30 млрд руб. при условии 20%-ного софинансирования [6].

С 2007 г. формируется система федеральных вузов (утверждена Указом Президента Российской Федерации №1172 от 21 октября 2009 г. «О создании федеральных университетов в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах» в целях оптимизации региональных образовательных структур и укрепления связей образовательных учреждений высшего образования с экономикой и социальной сферой федеральных округов [12]; на сегодняшний день в России их 9). С 2008 г. выстраивается система национальных исследовательских университетов (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 7 октября 2008 г. «О реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов» [13], вне конкурса присвоившим этот статус МИФИ (Национальный исследовательский ядерный университет) и МИСиС (Национальный исследовательский технологический университет) и Постановлением Правительства Российской Федерации №550 от 13 июля 2009 г. «О конкурсном отборе программ развития университетов, в отношении которых устанавливается категория «национальный исследовательский университет» [5] с целью отбора высших учебных заведений, одинаково эффективно осуществляющих образовательную и научную деятельность на основе принципов интеграции науки и образования; на текущий момент в России их 29). За период 2009-2013 гг. вузы-победители получили каждый до 1,8 млрд руб. Примечательно, что в процессе отбора ведущих вузов финансовая составляющая бывает вытеснена имиджевыми характеристиками. В общем объеме бюджета объем субсидии может не играть принципиальную роль, «в данном случае важен престиж, который дает почетное звание для университета и для региона, где он располо-

жен» [9, 101]. Кроме того, особый статус осенью 2009 г. был присвоен МГУ им. М.В. Ломоносова и СПбГУ на основании Федерального закона от 10 ноября 2009 г. №259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» [15]: кроме отдельной бюджетной строки, Федеральный закон устанавливает их аффилированность с Правительством и Президентом РФ, что способствует дополнительному усилению их имиджевых характеристик внутри и вовне страны.

В позиционировании российских вузов, в том числе, в международном аспекте, немалую роль сыграло определение в июле 2013 г. 15 победителей конкурса на получение субсидии для обеспечения вхождения в мировые рейтинги университетов (ТОР-100) к 2020 г. не менее пяти российских университетов [14]. Уже в 2013 г. этим университетам Правительством РФ была выделена специальная субсидия общим объемом 9 млрд руб. [7]. Наделение вузов характеристиками инновационности и международной конкурентоспособности, даже в перспективе, являются для руководства страны способом усиления престижа не только системы государственной образовательной среды, но и государства в целом.

Вместе с тем, интеграция высшей школы РФ в мировое научно-образовательное пространство и необходимость повышения конкурентоспособности России требуют системной образовательной политики [2, 12]. Претендуя на роль инновационного субъекта, вузы нуждаются в создании внутренней подлинно инновационной среды за счет внедрения принципов инновационного управления. На современном этапе университеты нуждаются в инновационном управлении, принципами которого, по мнению Г.В. Суровицкой, должны быть: опережающее развитие университета, проектирование его инновационного развития, открытость образования и общественного участия, стратегическое инвестирование, инновационность образовательной среды [10, 80]. Эффективное инновационное управление обеспечивает устойчивость инновационной экосистемы университета, под которой Н.Р. Тойвонен понимает «совокупность внутренней инновационной системы университета, внешних субъектов, условий и факторов, непосредственно участвующих или обеспечивающих гармоничную и эффективную организацию инновационной деятельности университета» [11, 75]. Таким образом, условием становления российских университетов как субъекта инноваций является освоение инновационных принципов управления инновациями. Совокупность эффективного использования предлагаемых государством набора инновационных инструментов и успешного формирования внутренней инновационной среды в итоге обусловит конкурентоспособность университета и сохранение либо утрату его позиции в системе опорных вузов страны.

В заключение стоит отметить, что результирующим итогом политики в сфере образования должны стать изменение модели высшего образования, ее

четкая ориентация на эффективное развитие сектора исследований и разработок в университетах, углубление кооперации вузов с передовыми компаниями реального сектора экономики и научными организациями, кардинальное расширение международной интеграции российских вузов в сфере образования и научно-исследовательских разработок. Учитывая традиционно низкий спрос на инновации в российской промышленности и актуальную готовность опорных вузов к инновационной деятельности, государственная политика должна включать комплекс мер по стимуляции и даже принуждению предприятий к сотрудничеству с университетами в области инновационных разработок.

Ведущие российские университеты на современном этапе становятся не только субъектами инноваций, но и важным инструментом государственного позиционирования инноваций внутри страны и на международной арене. Выделение системы опорных вузов, претендующих на мировую конкурентоспособность (в том числе, программа TOP-100), участие вузов в глобальных международных научных проектах, результатом которых становится как прирост научного знания и современных метакомпетенций, так и выпуск конкурентоспособной наукоемкой продукции, для России сегодня является способом заявить о себе как о равном партнере в отношении ведущих мировых держав. В конечном счете, вузам надлежит взять на себя роль активного и эффективного посредника между государством и предприятиями, катализатора инноваций в российской промышленности для встраивания России в мировую экономическую систему и формирования ее устойчиво благоприятного международного имиджа.

Библиографический список

1. *Александров Д.* Модернизационная роль университетов // Русский журнал. 2010. 30 апреля. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.russ.ru/pole/Moderizacionnaya-rol-universitetov> (дата обращения: 12.07.2014)
2. *Алдохина Н.В., Виноградова Е.В., Саломатова Т.И., Чернакова Е.В.* Модернизация университетов как стратегический ресурс инновационного развития России // Актуальные проблемы гуманитарных наук: материалы межвузовской научно-практической конференции. 25 марта 2010 г. / под ред. Н.Л. Сергеевой. Новосибирск, 2011. 292с.
3. *Батоврина Е.В., Шестоперов А.М.* Научно-исследовательская среда и формирование инновационно-ориентированных кадров в России // Вестник Московского университета. Сер.21. Управление (Государство и общество). 2011. № 2. С. 34-47.
4. *Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты - предприятия - государство. Инновации в действии; пер. с англ. / под ред. А.Ф. Уварова. Томск, 2010. 238с.

5. О конкурсном отборе программ развития университетов, в отношении которых устанавливается категория "национальный исследовательский университет": постановление Правительства Российской Федерации № 550 от 13 июля 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mon.gov.ru/dok/prav/obr/5556/> (дата обращения: 01.07.2014).
6. О мерах государственной поддержки образовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы: постановление Правительства Российской Федерации № 89 от 14 февраля 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mon.gov.ru/pro/pnpo/vuz/2222/> (дата обращения: 13.07.2014).
7. О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров: постановление Правительства Российской Федерации № 211 от 16 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3208> (дата обращения: 22.07.2014).
8. Приоритетный национальный проект "Образование" [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B/%D0%BF%D0%BD%D0%BF%D0%BE> (дата обращения: 02.07.2014).
9. *Сударушкина Е.С.* Особенности финансирования национальных исследовательских университетов // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1 (13). С. 100-105.
10. *Суровицкая Г.В.* Концепция инновационного управления университетами // Экономика образования. 2012. № 1. С. 78-89.
11. *Тойвонен Н.Р.* К вопросу о понятийном аппарате формируемых университетских инновационных образований // Инновации. 2011. № 10 (156). С. 70-80.
12. О создании федеральных университетов в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах: Указ Президента Российской Федерации № 1172 от 21 октября 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mon.gov.ru/dok/ukaz/obr/6306/> (дата обращения: 28.07.2014).
13. О реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов: Указ Президента Российской Федерации от 7 октября 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/452> (дата обращения: 23.07.2014).
14. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента РФ № 599 от 7 мая 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1610850> (дата обращения: 15.07.2014).

15. О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете: федеральный закон РФ от 10 ноября 2009 г. №259-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1032814> (дата обращения: 02.07.2014).

**FORMING OF THE SYSTEM OF THE STRONG INNOVATION
UNIVERSITIES AS A CATALYST OF THE INNOVATION STATE
DEVELOPMENT**

E.A. Danilova

PhD in Political Science, Doctoral candidate, Philosophy faculty/analyst, Direction of development program, National research Tomsk state university

An innovation education environment and a forming of the system of the innovation universities are a key condition of the optimization for an innovation economy formation. In the article the principle state measures for fixation of the system of the strong innovation universities for an intensification of the innovation processes are analyzed. The two main functions of the universities are researched: a personnel training for a formation of the innovation generation and an ensuring of the issue of the knowledge-intensive production due to a research-and-production cooperation with the industry enterprises. Besides, universities are viewed as a significant instrument for a state innovation positioning on the domestic and international scene.

Key words: innovation development; innovation universities; innovation instrument; positioning of innovations.

References:

1. *Alexandrov D.* A modernization role of the universities университетов // Russian magazine. 2010. 30 April. [Electronic resource]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Modernizaciennaya-rol-universitetov> (access date 12.07.2014) (In Rus.).
2. *Aldokhina N.V., Vinogradova E.V., Salomatova T.I., Chernakova E.V.* A modernization of the universities as a strategic resource of an innovation development of Russia // Actual problems of humanitarian sciences: Materials of an interuniversity science practical conference. 2010. 25 March. / Edited by Sergeeva N.L. Novosibirsk: SGUPS Edition, 2011. 292p. (In Rus.).
3. *Batovrina E.V., Shestoporov A.M.* Science research environment and formation of innovation-oriented cadres in Russia // Moscow state university bulletin. Ser. 21. Government (State and society). 2011. №2. P. 34-47. (In Rus.).

4. *Etzkowitz H.* The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action / translation from English, edited by Uvarov A.F. Tomsk: TUSUR university, 2010. 238p. (In Rus.).
5. Russian Federation Government regulation №550 of 13 July 2009 "About competitive selection of development programs of the universities having the category «national research university» [Electronic resource]. URL: <http://old.mon.gov.ru/dok/prav/obr/5556/> (access date 01.07.2014) (In Rus.).
6. Russian Federation Government regulation №89 of 14 February 2006 "About state support measures of educational institutions realizing innovation educational programs" [Electronic resource]. URL: <http://old.mon.gov.ru/pro/pnpovuz/2222/> (access date 13.07.2014) (In Rus.).
7. Russian Federation Government regulation №211 of 16 March 2013 "About state support measures of Russian Federation leading universities for their competitiveness strengthening among leading world science educational centers" [Electronic resource]. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3208> (access date 22.07.2014) (In Rus.).
8. Priority national project «Education» [Electronic resource]. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B/%D0%BF%D0%BD%D0%BF%D0%BE> (access date 02.07.2014) (In Rus.).
9. *Sudarushkina E.S.* Specifics of financing of the national research universities // Tomsk state university bulletin. 2011. №1 (13). P. 100-105. (In Rus.).
10. *Surovitskaya G.V.* A conception of an innovation government of the universities // Economy of education. 2012. №1. P. 78-89. (In Rus.).
11. *Toivonen N.R.* To the question about a conceptual apparatus of forming university innovation constitutions // Innovations. 2011. №10 (156). С. 70-80. (In Rus.).
12. Russian Federation President Decree №1172 of 21 October 2009 «About O создании of federal universities in the North-Western, Privolzhskiy, Ural and Far-Eastern federal regions» [Electronic resource]. URL: <http://old.mon.gov.ru/dok/ukaz/obr/6306/> (access date 28.07.2014) (In Rus.).
13. Russian Federation President Decree of 7 October 2008 «About realization of a pilot project for making of national research universities» [Electronic resource]. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/452> (access date 23.07.2014) (In Rus.).
14. Russian Federation President Decree №599 of 7 May 2012 «About measures for realization of state politics in the field of education and science» [Electronic resource]. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1610850> (access date 15.07.2014) (In Rus.).
15. Federal law №259-FZ of 10 November 2009 "About Moscow state university named after M.V. Lomonosov and Saint-Petersburg state university"

[Electronic resource]. URL:
<http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1032814> (access date 02.07.2014)
(In Rus.).

УДК-323.2(470+571)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО, ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО И ГЕОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В XXI СТОЛЕТИИ

Н.А.Самохвалов¹

Современные геополитические тенденции накладывают свой отпечаток на любое государство мирового сообщества, в том числе на Российскую Федерацию. В связи со сказанным внешняя и внутренняя политика российского государства должны быть подвержены постоянному модернизационному процессу, чтобы эффективно отвечать на современные вызовы и угрозы в политическом пространстве. В подобных условиях особое значение приобретает построение эффективного механизма реализации государственной молодежной политики Российской Федерации, поскольку именно молодежь представляет собой реальную силу, способную непосредственно принимать участие в строительстве политико-правового ландшафта и выступать основным индикатором экономических, социальных, политических и иных процессов, осуществляемых в современном российском обществе.

Ключевые слова: молодежь; государственная молодежная политика; вызовы и угрозы государственной молодежной политики.

Реалии современности таковы, что мировые общеполитические процессы находятся сегодня в постоянном модернизационном процессе, которому присущ целый комплекс противоречий и разногласий. При этом сложившиеся политические тренды и установки эволюционируют как во внешней политике, так и во внутривнутриполитическом курсе конкретного государства. Российская Федерация безусловно являющаяся движущей силой формирования нового мирового многополярного политического ландшафта в первую очередь подвержена определенным видоизменениям протекающих политических процессов.

Внешний политический курс нашего государства в последнее десятилетие был определен построением партнерских отношений с Европейским союзом и США, однако, ввиду событий вокруг Украины, санкционной политики США и ЕС, ряда недружественных заявлений правящих элит ведущих западных государств, Россия вынуждена выстраивать партнерскую политику

---

¹ Самохвалов Николай Александрович – аспирант кафедры политологии Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова. E-mail: nikolai-samohvalov@yandex.ru.
© Самохвалов Н.А., 2015

ческую модель уже со странами Азии и Латинской Америки, и это совершенно оправданно. Внешнеполитическая обстановка остается в достаточной степени конфронтационной и парадоксальной для российского обывателя и граждан других государств, разделяющих и поддерживающих российскую риторику, при этом закономерности дальнейшего развития подобных процессов для большинства политологов являются в большей мере предсказуемыми. Отдельного внимания заслуживает реализация внутривнутриполитического курса современной России под влиянием резкого слома внешнеполитической мировой конъюнктуры.

Внутриполитический курс современного российского государства состоит из совокупности политических институциональных систем. К подобным политическим институциональностям необходимо, на наш взгляд, относить экономическую, социальную, культурную и иные составляющие внутреннего политического курса России.

В выступлениях высших должностных лиц и ведущих политиков мы каждодневно слышим о важности и приоритетности практической реализации указанных выше институциональных составляющих внутривнутриполитического курса российской государственности, при этом явно недостаточно говорится о проблемах молодежи, ее значимости и роли в политическом процессе, о необходимости построения эффективных практических механизмов реализации государственной молодежной политики. Можно констатировать, что молодежь и государственная молодежная политика сегодня отошли на периферию политической жизни России. Лишь 2009 г., объявленный в Российской Федерации годом молодежи, и предшествующий ему 2008 г., были временем, когда молодежной политике придавалось огромное значение. Это подтверждали слова главенствующих субъектов политических процессов, например Президента Российской Федерации В.В. Путина, который в рамках первого заседания организационного комитета по проведению года молодежи в России 29 февраля 2009 г. буквально заявил следующее: «Когда мы говорим о молодежной политике, то имеем в виду целый комплекс экономических, социальных вопросов, проблем демографии, науки, образования, жилищной политики... Те, кому сегодня 15, 20, 30 лет, в 40 лет станут главными действующими лицами в нашей стране по реализации планов и проектов развития Российской Федерации, укрепления гражданского общества и его институтов» [2].

Однако не только словами на тот период времени отмечалась важность и приоритетность государственной молодежной политики в России, именно тогда были предприняты реальные практические шаги к формированию детально организованной системы молодежной политики, которая способна осуществить ее эффективную практическую реализацию. В частности, следует привести в пример некоторые знаковые для государственной молодежной политики российского государства в третьем тысячелетии мероприятия:

- создание Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь);
- год молодежи в России;
- год молодежи в СНГ;
- проведение первого молодежного образовательного форума «Селигер» и др.

Учитывая значимость института государственной молодежной политики в Российской Федерации, ее исследованием занималось значительное количество современных политологов, среди которых следует назвать И.М. Ильинского, А.В. Лукова, А.В. Селезневу, В.В. Титова и многих других. Однако не стоит забывать, что XXI в. характеризуется различного рода структурными преобразованиями (глобальными, или носящими локальный характер) политико-государственной жизни, осуществляемыми максимально быстро и оперативно, в связи с чем особо актуальным является вопрос проведения исследований в области российской молодежной политики новейшего периода.

Молодежная политика сегодня подвержена целому ряду негативных вызовов, на которые необходимо обратить особое внимание и устранить их в максимально короткие сроки.

Демографический вызов молодежной политики

Демографический прогноз говорит о существенном снижении численности молодежи до 2025 г. В процентном соотношении это выглядит следующим образом. С 35,2 млн чел. (2012 г.) численность молодежи сокращается до 25,6 млн чел. (2025 г.), или на 27,3%. При этом минимальная численность молодежи приходится на 2024 г. – 25,3 млн чел. Таким образом, в 2025 г. начинается новый, но небольшой подъем численности молодых людей 14-30 лет. К 2025 г. в России произойдет резкое сокращение численности молодежи в самом продуктивном ее возрасте: 23–30 лет. При этом, речь идет как о трудовой деятельности молодежи после завершения формального образования, так и о воспроизводстве населения – резкое сокращение численности молодежи в детородном возрасте ставит вопрос о социальном и экономическом развитии Российской Федерации уже за пределами 2050 г. В возрасте 23-30 лет сокращение численности молодежи составит от 36,1% (30 лет) до 50% (25 лет), а по остальным возрастным группам будет превосходить 40–45% [3, 85].

Указанные сведения позволяют нам сделать вывод о том, что уже сегодня и в ближайшей перспективе молодежная политика столкнется со значительным снижением количества молодых людей, что, безусловно, представляет собой негативную тенденцию для современной России.

Демографический вызов в субъектах Российской Федерации

Сокращение численности молодежи вследствие демографических процессов затронет все без исключения субъекты Российской Федерации, но будет неравномерным.

Уже в настоящее время в Москве, несмотря на то, что столица является крупнейшим университетским центром страны, доля молодежи составляет менее 20% (при среднем значении 24,5%). И это наименьший показатель по всем российским регионам. В Санкт-Петербурге, втором по величине вузовском центре России, приблизительно 23% молодежи. Здесь положение не столь критическое, как в Москве. Однако в 2025 г., согласно демографическому прогнозу, эти показатели практически сравняются: в Москве доля молодежи в общей численности населения города составит 14,4%, в Санкт-Петербурге – 14,9%. Республики Северного Кавказа, которые в настоящее время являются лидерами по количеству молодежи в населении – Дагестан, Ингушетия и Чеченская Республика (доля молодежи в населении более 30% в 2012 г.), свое лидерство сохранят, но внутри этой группы лидер сменится: вместо Ингушетии (33% в 2012 г., но 23,3% в 2025 г.) им станет Чеченская Республика (31,0% в 2012 г., и 26,7% в 2025 г.). Несмотря на сокращение молодого поколения на Северном Кавказе, для этого региона в целом сохранится проблема получения молодежью качественного профессионального образования и трудоустройства. В Сибирском федеральном округе по доле в населении молодежи заметно выделяется Томская область (более 28%) – еще один крупнейший центр высшего образования. Но если в настоящее время доля молодежи в этом субъекте Федерации превышает общероссийский показатель (24,5%), то в 2025 г. они сравняются: 17,91% Томская область и 17,9% в среднем по России [3, 87].

Среди остальных федеральных округов выделяется Уральский – в нем все субъекты Федерации оказываются по показателю доли молодежи в населении региона лучше, чем в среднем по России.

Таким образом, с позиций регионального развития молодежная политика должна быть дифференцированной с учетом демографических особенностей различных территорий.

Финансовые вызовы молодежной политики

В качестве базового приоритета для эффективной реализации ГМП (государственной молодежной политики) сегодня выступает вопрос о ее финансировании. Детальная информация о расходах на эту сферу отсутствует.

Наибольший объем прямых бюджетных расходов на ГМП проходит по подразделу «Молодежная политика и оздоровление детей» раздела «Образование».

вание» федерального бюджета, а также консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных фондов.

Расходы консолидированного бюджета РФ на молодежную политику и оздоровление детей в 2010-2013 гг. выросли почти на 40%. Вместе с тем основной рост по данному подразделу наблюдался в 2010-2012 гг. – на 36,5%. При этом быстро росли расходы и субъектов Федерации, и федерального бюджета, который в 2012 г. существенно вложился в оздоровление детей (финансирование на создание и функционирование летних лагерей детского отдыха). Частично эти средства шли и на молодежь (14-16 лет), в том числе на поддержку в регионах развития молодежного спорта (подготовка к Универсиаде в Казани). По принятому федеральному бюджету на 2013 г. и плановый период 2014-2015 гг. расходы на молодежную политику и оздоровление детей в 2015 г. резко сокращаются, возвращаясь в реальном выражении на уровень 2010 г., который был ниже уровня 2008 г. Между тем если учитывать нарастающие вызовы молодежной политики в перспективе 10-12 лет, такое решение вряд ли можно считать оправданным [3, 92].

Вызовы молодежной политики, обусловленные трудовой миграцией молодежи из стран СНГ

Сокращение численности российской молодежи к 2025 г. более чем на 20%, будет стимулировать приток в Россию молодежи из стран СНГ. Образование Таможенного союза и взятый курс на экономическую интеграцию с Казахстаном и Республикой Беларусь создают еще один вызов молодежной политики – ее внешнеполитическое измерение.

В настоящее время приток молодежи из Казахстана и Беларуси идет в первую очередь в систему высшего образования России. До 2009 г. общая численность студентов из Казахстана в российских вузах снижалась, при этом численность казахстанских студентов на очной форме обучения была стабильной. С 2010 г. начинается быстрый рост этих показателей: за два года общая численность казахстанских студентов в вузах России выросла на 23,4%, а на очной форме обучения – на 27,4%. Общая численность белорусских студентов в российских вузах росла вплоть до 2010/11 учебного года, а в 2011/12 учебном году снизилась на 3,3%, при этом на очной форме обучения численность белорусских студентов все последние годы стагнирует, оставаясь на уровне 3,4-3,5 тыс. чел [3, 99].

Вместе с тем линии трендов показывают, что численность как белорусских, так и казахстанских студентов в России имеет тенденцию к росту. Все остальные страны СНГ достаточно слабо представлены в российских вузах: они поставляют в России, в первую очередь низкоквалифицированную дешевую рабочую силу, в том числе и молодежь.

Одновременно стал расти поток российских студентов в зарубежные вузы, прежде всего развитых стран, а также выпускников российских вузов, которые хотят работать в других (развитых и быстроразвивающихся) странах.

Пока еще баланс экспорта и импорта высшего образования в пользу России, однако тренд таков, что в течение 10-15 лет ситуация может измениться существенным образом.

Вместе с тем снижение численности российской молодежи в 2025 г., отток наиболее мобильной и образованной ее части в дальнее зарубежье и замещение ее мигрантами из стран СНГ даже при некотором улучшении структуры (частично выпускниками российских вузов из Казахстана и Беларуси, а также, хотя и весьма ограниченно – из других стран СНГ), ведет в целом к ухудшению качества трудовых ресурсов (поток низкоквалифицированных работников растет, доля высококвалифицированных остается постоянной), что негативно скажется на модернизации российской экономики и рынка труда, существенно ограничит переход России на инновационный путь развития.

Вызовы молодежной политики в сфере трудоустройства молодежи

По данным Росстата, молодежь в возрасте до 25 лет составляет 10,7% в численности занятого населения России и 27,5% в численности безработных. А в целом – 24,3% среди занятых и 42,5% среди безработных. Таким образом, в 2010 г. в абсолютных цифрах в возрасте 15-19 лет работало 769 тыс. чел., в возрасте 20-24 лет – 6,7 млн чел., в возрасте 25-29 лет – 9,5 млн чел., а всего – 17,0 млн чел., т. е. почти половина всей молодежи. Если же брать группу 25-29 лет, то в ней занятость составила почти 68,3%. Это достаточно хороший показатель, т. к. в 2010 г. общий уровень занятости составил 62,7%. По последним данным Росстата, численность безработных в 2012 г. составила, по методологии Международной организации труда 4,13 млн чел. (в среднегодовом выражении), при этом доля безработной молодежи в общей численности безработных увеличилась до 43,1%; в абсолютных цифрах безработица в молодежной среде немного не дотягивала до 1,8 млн чел. (-0,5 млн чел. по сравнению с 2010 г.). И снова больше всего безработных было среди 20-24-летних: 22,3%, или 922 тыс. чел. (-0,25 млн чел. по сравнению с 2012 г.). Таким образом, можно говорить о тенденции, когда доля молодежной безработицы среди всех российских безработных составляет 42,5-43,5%, а основную их долю - безработные в возрасте 20-24 лет [5].

Снижение численности молодежи в 2025 г. может привести, несмотря на сложившуюся за последние годы тенденцию, к сокращению в России молодежной безработицы, вместе с тем, как уже было указано, повышение воз-

раста выхода на пенсию может стать фактором роста числа безработных среди молодежи.

Вызовы молодежной политики в сфере государственного права и управления

Серьезным недостатком в построении эффективной модели реализации ГМП в современной России является отсутствие базового Федерального закона о молодежной политике, а также легального понятия государственной молодежной политики. Парадокс состоит в том, что Федеральный закон отсутствует, а в подавляющем большинстве субъектов приняты и действуют региональные законы о государственной молодежной политике (на сегодняшний день региональные законы о молодежной политике действуют в 76 субъектах Российской Федерации) [1].

Проанализировав ряд региональных законов о молодежной политике, приходим к однозначному выводу о том, что они характеризуются значительной степенью дифференциации, то есть отличаются большим разнообразием правовых норм, закрепленных в них. Считаем, что вышеуказанное обстоятельство еще более актуализирует необходимость практической разработки и принятия единого Федерального закона "О государственной молодежной политике в Российской Федерации", который закрепил бы:

- единые подходы к сущности ее понимания,
- единые подходы к принципам, которыми должны руководствоваться органы государственной власти, отвечающие за управление российской молодежной политикой как на федеральном, так и на региональном уровнях власти,
- единые меры и механизмы практической реализации молодежной политики на территории нашего государства, таким образом обобщив накопленный опыт в данной сфере различными субъектами Российской Федерации, в которых действуют региональные законы о молодежной политике.

Говоря об административно-управленческой системе российской молодежной политики, нужно обратить внимание на отсутствие единого профильного Министерства по делам молодежи и молодежной политики в Российской Федерации.

Сегодня за политические практики реализации молодежной политики в современной России отвечает Министерство образования и науки Российской Федерации, которое, в силу иных возложенных на него полномочий, не может уделять и совершенно оправданно не уделяет должного внимания молодежной политике, а также находящееся в его подведомственности Федеральное агентство по делам молодежи, численность которого до февраля 2013 г. составляла 40 человек, а в настоящее время достигла численности в сто штатных единиц.

Достаточно ли этого для того, чтобы говорить об эффективности механизмов практической реализации государственной молодежной политики в нашем государстве? На данный вопрос лучше всего может ответить сама молодежь.

В соответствии с результатами проведенного опроса среди молодого поколения, представленными в справке к заседанию коллегии Минобрнауки России 18 июня 2013 г. «О мерах совершенствования реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации», результаты государственной молодежной политики ощущают на себе 7–8 % молодых россиян; около двух третей молодых людей считают, что никакой целенаправленной молодежной политики в России нет. 15% молодежи положительно оценивают эту политику, а 42% заявляют, что в современной России в интересах молодежи «что-то делается, но это мало заметно». В качестве основных функций, исполняемых субъектами государственной молодежной политики, молодежь устойчиво видит обеспечение своей социальной защиты (41,7%), содействие и организацию трудоустройства (33,7%). Более четверти респондентов (27,0%) выделяют координацию деятельности органов власти и подведомственных им учреждений для решения молодежных проблем, отмечая тем самым межведомственный характер государственной молодежной политики. Каждый пятый респондент считает, что деятельность субъектов государственной молодежной политики направлена на формирование социального потенциала молодежи (19,8%) и создание условий для развития социальной активности молодых граждан (19,2%). Поддержку деятельности молодежных организаций со стороны органов власти отмечают еще 14,2% опрошенных. Наконец, каждый десятый респондент считает, что государство, реализуя свою молодежную политику, формирует у молодежи культуру мира, воспитывает толерантность (13,0%), а также оснащает её умениями и навыками социального партнерства (10,7%) [4].

Из сказанного следует, что реализация государственной молодежной политики в настоящей российской действительности далека от идеала, поэтому необходимо создание в России единого федерального органа исполнительной власти, непосредственно отвечающего за эффективность мероприятий молодежной политики. Таковым органом могло бы стать Министерство по делам молодежи и молодежной политики в Российской Федерации.

***

На сегодняшний день любая государственность мирового сообщества подвержена процессу всеобщей глобализации. Ведущая роль в глобализационном процессе XXI в. будет отведена тем государствам, которые создадут весь комплекс необходимых условий для успешной самореализации молодого поколения. Это объясняется тем, что молодежь сегодня представляет скрытый стратегический ресурс, от которого во многом зависит будущее раз-

витие любого государства, исключением не является и Российская Федерация.

В современных условиях государственная молодежная политика призвана стать одним из важнейших элементов формирования конкурентоспособности российского государства в условиях трансформации мирового политического, геоэкономического и геокультурного ландшафта в начале XXI столетия.

Вызовы государственной молодежной политики XXI в. диктуют условия по детальной разработке, практическом внедрении эффективной модели молодежной политики и эффективных механизмов ее реализации. Во многом от устранения вызовов и угроз, стоящих перед российской государственной молодежной политикой будет зависеть прогрессивное развитие российской государственности на долгосрочную перспективу.

Библиографический список

1. *Белоконев С.Ю.* Система мер по повышению эффективности государственной молодежной политики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.myshared.ru/slide/484085/> (дата обращения: 12.01.15).
2. *Путин В.В.* Речь Президента Российской Федерации на Первом заседании организационного комитета по проведению года молодежи в России 19 февраля 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4834> (дата обращения: 25.01.15).
3. Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала: доклад Федерального агентства по делам молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf> (дата обращения: 5.01.15).
4. О мерах совершенствования реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации: справка к заседанию коллегии Минобрнауки России 18 июня 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/media/events/files/>(дата обращения: 31.01.15).
5. Численность и состав населения: официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 14.01.15).

RUSSIAN STATE YOUTH POLICY IN THE TRANSFORMATION WORLD POLITICAL, GEO-ECONOMIC AND GEO-CULTURAL LANDSCAPE IN THE 21ST CENTURY

N.A. Samohvalov

Graduate student department of Political Sholokhov Moscow State University for
the Humanities

Current geopolitical trends leave their mark on any state of the world community, especially the Russian Federation. In connection with the foregoing, foreign and domestic policy of the Russian state should be subject to constant modernization process in order to effectively respond to modern challenges and threats in the political space. In such circumstances is particularly important to build an effective mechanism for the implementation of the state youth policy of the Russian Federation, as the youth is a real force capable of directly taking part in the construction of political and legal landscape and act as the main indicator of economic, social, political and other processes carried out in modern Russian society.

Key words: youth; state youth policy; challenges and threats to the state youth policy.

References:

1. *Belokonev S.Y.* A system of measures to improve the efficiency of state youth policy// [Electronic resource]. URL: <http://www.myshared.ru/slide/484085/> (Date of application: 12.01.15). (In Rus.).
2. *Putin V.V.* Speech by President of the Russian Federation at the First meeting of the Organizing Committee for the Year of Youth in Russia February 19, 2009// [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4834> (Date of application: 25.01.15). (In Rus.).
3. Report of the Federal Agency for Youth "Youth of Russia 2000-2025: the development of human capital" [Electronic resource]: URL: <http://vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf> (Date of application: 5.01.15). (In Rus.).
4. Help for the meeting of the board of the Russian Ministry June 18, 2013 "On measures to improve the implementation of state youth policy in the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <http://minobrnauki.rf> (Date of application: 31.01.15). (In Rus.).
5. The size and composition of the population: the official data of the Federal State Statistics Service (Rosstat) [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population (Date of application: 14.01.15). (In Rus.).

УДК-323

О ВЛИЯНИИ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЫ НА ПРОЦЕСС ТУРИСТСКОГО ОСВОЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА

Б.Р. Асадов¹, А.С. Баранов²

Статья посвящена одной из слабо изученных тем в современной отечественной научной школе – проблемам туристского освоения политической сферы общества. Представлен анализ некоторых аспектов этой деятельности, в контексте политического туризма, который не только не имеет четкой понятийной основы, но обретая все более новые очертания, открывает просторы для взаимодействия подрастающего поколения в политической сфере общества. Дано авторское понимание сущности туристского освоения политической сферы общества, в рамках которого сделан акцент на роль молодежи, как активного участника развития этого процесса.

Ключевые слова: молодежь; политика; политический туризм; туристское освоение пространства; политическая сфера общества; гуманитарное пространство.

В условиях растущей глобализации и взаимозависимости освоение окружающего мира все активнее происходит посредством туризма, при этом данный процесс все больше нацеливается не только на те сферы общества, которые имеют явное экономическое измерение, но и все активнее захватывает другие сферы и интересы общества. Безусловно, одним из направлений поступательного развития современного туризма является усиление его воздействия на политическую сферу общества в целом. С другой стороны, динамичные изменения в этой сфере выступают в качестве барометра, определяющего характер развития туризма в конкретном центре социально-культурного пространства, происходящего на фоне глобальных метаморфоз политической карты мира в последние десятилетия.

По этой причине особенно остро встают вопросы, связанные с теми изменениями, которые происходят в результате активного взаимопроникновения туризма и политики или, иными словами, туристского освоения политической сферы. Сегодня очевидно, что в социально-культурном пространстве значительное влияние на развитие туризма оказывают политические факто-

---

¹ Асадов Бабек Рашид оглы – кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. E-mail: asadovspb@mail.ru.

² Баранов Александр Сергеевич – кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. E-mail: alexandersbaranov@yahoo.com.

@ Асадов Б.Р., Баранов А.С., 2015

ры: политическая обстановка в мире и отдельных странах, визовый режим, открытие границ, смягчение политических отношений и т.д. Вместе с тем туризм выступает в качестве важного фактора в процессах глобализации и распространения универсальных ценностей демократии и гражданского общества. Благодаря глобализации туризма у ключевых государственных акторов современных международных отношений значительно возрастают гуманитарные и политические запросы, в частности, международный туризм рассматривается как составная часть внешней культурной политики, направленной не только на создание положительного имиджа страны, но и на сохранение или развитие в политическом отношении лояльной социально-культурной среды, особенно среди молодёжи в рамках формирования единого гуманитарного, политического пространства и т.д.

В силу своих новых качеств сегодня туризм объективно становится предметом пристального внимания. Вместе с тем в международной практике существует признание туризма как необходимого средства укрепления мира, взаимопонимания, установления межрегиональных межстрановых контактов, направленных на развитие межкультурного сотрудничества, и это является устоявшимся фактом. Растущие туристские взаимодействия, деятельность международных туристских и других организаций, направленная на усиление их роли в системе международного сотрудничества, оказывает содействие не только международному культурному обмену, но и сближению позиции стран и народов в формировании и сохранении мира. При этом существуют другие аспекты: в частности, современный туризм все более приобретает «политическое значение как формирование политических знаний, политического сознания, гражданской активности – в целом политической культуры» [5] и другие, выступающие одновременно причиной и следствием изменения важных параметров социально-культурного пространства, оказавшие влияние на развитие определенной общественно-политической ситуации в этой среде.

Значение политической сферы сегодня обусловлено также определенными функциями, выполняемыми ей в обществе и с другой стороны – характеризующими ее важнейшие направления воздействия на состояние общества в целом. Как свидетельствует историческая практика, процесс познания и в дальнейшем освоения человеком окружающего мира и его общественно-политические аспекты также были связаны и с путешествиями, люди этим занимались всегда.

Сегодня понимание природы политической сферы общества неизбежно предполагает ее исторические связи с другими формами человеческой деятельности. Конечно, важным социальным институтом общества выступает политика, которая, являясь особой сферой общественной жизни, представляет собой важнейший фактор естественно-исторического процесса. В социологии политическая сфера общественной жизни – одна из подсистем общест-

ва, обеспечивающая интеграцию всех элементов общества, его существование как целостного организма.

Как известно, политика в переводе с древнегреческого – это искусство управления государством, а в более широком смысле – это сфера, охватывающая жизнь и деятельность людей и связанная с взаимоотношениями классов, наций и др. Одной из важных функций политики является ее предназначение в качестве всеобщего организационного начала общественной жизни, направляющего центра совокупной социальной деятельности людей с целью удовлетворения потребностей общества, в том числе на международной арене. Она существует еще с античных времен, когда люди поняли, что для гармоничного существования в обществе нужен человек или группа людей, которые будут управлять обществом. Такие люди всегда пользовались уважением и повышенным интересом со стороны простых людей. О них сочиняли легенды, их цитировали и боготворили, поскольку многие талантливые политики действительно достойны уважения и подражания. История человечества знает немало фактов, когда эти люди совершали путешествия с политической целью, и они в целом изменили картину освоенных регионов и территории. Как свидетельствуют исторические очерки, по мере расширения торговой деятельности и завоеваний в Греции, Риме и Китае представители знатного сословия этих стран все чаще отправлялись в поездки не только для развлечения, с торговлей, но с политико-дипломатической целью. Именно на основе изучения жизни таких событий и людей можно найти истоки туристского освоения политической сферы общества.

Различные формы туристского освоения политической сферы общества, как показывает анализ научной и публицистической литературы, обозначаются под видом политического туризма. Важной особенностью последнего с образовательным уклоном является то, что подобный опыт – это не только получение новых знаний, навыков, но и освоение новых ценностей, чувственные переживания, позитивные эмоции, сопричастность к иным социально-культурным пространствам.

Применительно к предложенной теме под политическим туризмом можно понимать историческую совокупность пространственных связей и явлений, имеющих явные общественно-политические мотивы (гуманитарные измерения), которые формируются в результате туристского освоения организованной целевой аудиторией политической сферы общества.

В современном мире в целенаправленном развитии этого процесса посредством туристского освоения особое место отводится и возрастающей роли молодежи, поскольку эта роль в туристской среде весьма многогранна, имеет разносторонние аспекты: экономические, социально-гуманитарные, политические и др.

В этом плане анализ многочисленных общественно-политических мероприятий разных уровней и выявление роли молодежи в них с учетом сло-

жившейся практики туристского освоения политической сферы позволяет выделить следующие формы туристского освоения политической сферы: дипломатический, партийный, парламентский, электоральный, героико-патриотический, идеологический, военный, добровольческий, судебный, революционный, гуманитарный, шпионский туризм и т.д. Данный процесс [6], зачастую, развивается стихийно, спонтанно, скоротечно, что оказывает огромное влияние на динамику изменения внутренних границ политической сферы, при этом порождая полярные векторы развития.

Следуя этой логике, можно отметить, что актуальность изучения процесса туристского освоения политической сферы общества, в условиях роста молодежных туристских потоков, все больше приобретающих общественно-политические мотивы, на наш взгляд, представляет ценную научно-практическую значимость. С целью изучения туристского освоения политической сферы общества, важно акцентировать внимание на некоторые аспекты данной проблемы. Во-первых, определить границы исследуемой области, выявить теоретические предпосылки, факторы, влияющие на развитие процесса туристского освоения данной сферы и составляющих ее субъектов. Во-вторых, изучить методологические и организационные основы, а также институциональные механизмы и методы освоения данной сферы посредством современного туризма. В-третьих, определить мотивы туристского освоения и, следовательно, растущую роль такой социальной группы, как молодежь и ее объединений в этом процессе. Необходимость изучения роли молодежи в туристском освоении политической сферы общества подтверждает в последние годы целенаправленное осмысление востребованного динамического потенциала современной молодежи, которая может внести существенный вклад, в частности в формирование и развитие гражданского общества.

Отметим, что проблемы туристского освоения политической сферы общества и роль молодежной среды в развитии этого процесса в отечественной научной сфере недостаточно изучены. Всё это побуждает к постановке проблемы, направляющей исследователей на поиск тех факторов, которые, в том числе, наиболее эффективны и значимы для научного осмысления данного явления. Вместе с тем изучение проблем, связанных с этой темой, в целом носит как теоретическую, так и практическую значимость в области социально-гуманитарных исследований, и в свою очередь, это требует создания дискуссионной площадки, которая может позволить не только выявить важные аспекты взаимовлияния политической сферы и туризма, но и, в частности, показать степень вовлеченности молодёжи в этот процесс. С другой стороны, практическая значимость предлагаемого исследования предопределяет также возможность выявить проблемы и перспективы участия молодёжи в многогранных общественно-политических процессах современного общества посредством туристского освоения политической сферы.

Очевидно, что происходящие динамичные изменения в обществе актуализируют познание его различных сфер, которые в современных условиях приобретают новые особенности, системные и функциональные характеристики. Влияние политической сферы в ее различных проявлениях на другие сферы общества всё более увеличивается. При этом туризм как процесс освоения пространства, играющий в жизни общества иную роль, чем в прежние годы, безусловно, зависит от политической сферы общества, и, следовательно, испытывает на себе растущее влияние современной политики на всех (глобальном, региональном и локальном) уровнях. Поскольку современный туризм как открытая система находится во взаимосвязи с внешним миром, то и многочисленные политические события, мероприятия и конфликты неизбежно включаются в орбиту международного туризма.

Политические события, происходящие в разных уголках мира, в целом вносят не только сколько-нибудь значительные изменения в характер региональных туристских потоков, но могут и в дальнейшем изменить содержательную часть туризма. Например, если в политической сфере общества наблюдается стабильность, то сектор туризма во многом имеет тенденции развития, с другой стороны, сложившаяся неблагоприятная ситуация (например, в Украине) создает напряжение и тревогу, которая приводит к появлению новых форм туристского освоения политической сферы («гуманитарный туризм»).

Эффективность мероприятий по туристскому освоению политической сферы общества может изменяться в результате целенаправленной туристской политики и с другой стороны – с появлением новых методов и технологий освоения пространства, которые подвержены влиянию событий общественно-политической сферы в целом. В этом плане в последние годы в туристском освоении этой сферы общества интенсивно развивается такая его современная разновидность, как событийный туризм, все активно вовлекающий в свою орбиту молодежь и ее институты. Для молодых людей событийный туризм, динамично расширяющий свою географию распространения – это самостоятельные и организованные путешествия с целью участия в уникальных не только спортивных, культурных мероприятиях, крупнейших музыкальных фестивалях, в этнических или национальных праздниках, но и в общественно-политических мероприятиях (в международных форумах конференциях, митингах и т.д.). В настоящее время в мире сложился целый ряд регулярных и стихийных календарных событий с участием молодежи и ее многочисленных организаций, а также сопутствующих институтов, что позволяет ей действовать в международной сфере не только с учетом широкого круга интересов, но наполняет туризм общественным и политическим содержанием.

В последние десятилетия политический туризм обретает новые институциональные очертания, и можно сказать, что наблюдается «хрупкое» фор-

мирование, в контексте туристского освоения территории, имеющее и экономические основы. Развитие данного вида туризма, который, приобретая новые формы и методы осуществления, все чаще включает в орбиту своих интересов актуальные проблемы политической сферы общества, не может оставаться вне пристального внимания представителей научного и практического сообщества. В связи с этим сегодня с целью изучения современного состояния туристского освоения политической сферы общества посредством, прежде всего, политического туризма, необходимо уделить внимание некоторым аспектам его развития в советский период.

Как свидетельствует практика советского туризма, данное явление получило высокий уровень развития в контексте идеологического героико-патриотического туризма, направленное на развитие социалистического общества. В этом контексте следует отметить, что детско-юношеский туризм становится важной сферой формирования организованной молодежной среды, потенциал которой активно направляется на строительство социалистического общества. Важные изменения в этой области происходят в 1931 г., когда детский туризм стал наиболее востребованным средством идейно-политического воспитания подрастающего поколения. Например, в постановлении ЦК ВЛКСМ указывалось, что «туризм, являясь средством коммунистического воспитания, должен войти во всю систему работы пионеротрядов как один из наиболее красочных приемов общественно-политической и культурно-массовой работы» [1]. Вместе с тем многочисленные всесоюзные походы («Моя Родина-СССР» и др.), участие советской молодежи в фестивальном движении и международные обмены молодежи, особенно представителями из социалистических стран, явно имели политико-идеологическое содержание. В этом важная роль была отведена Бюро международного молодежного туризма «Спутник», который, сотрудничая более чем с 500 организациями из различных стран, выступал в качестве одного из каналов идеологического влияния на Запад. Посредством т.н. идеологического туризма (такой термин в целом характеризует важные особенности советского туризма) осуществление туристского освоения политической сферы общества во многом было направлено не только на утверждение превосходства социалистического строя над остальным миром, но и вело к расширению границы лояльной международной молодежной среды [2].

Среди международных проектов с участием молодежи обращает на себя внимание деятельность американской неправительственной организации «Пипл ту пипл» (People to People International), которая была создана Президентом США Д. Эйзенхауэром в 1956 г. [4]. В частности, в 1986 г. более 20 тысяч советских и американских юношей и девушек, представляющих 20 городов СССР и все штаты США, приняли участие в Караване дружбы по программе Гражданский посол. Отметим, что личное практическое знакомство с деятельностью вышеназванной организации в конце 80-х гг. XX в. одного из

авторов данной работы (*Асадов Б.Р.*), а также проведенный анализ истории становления институтов молодежного туризма и международного сотрудничества позволяют полагать, что в контексте востребованности последних молодежная сфера являлась необходимой площадкой в процессе вовлечения молодых в общественно-политическую сферу.

После распада СССР и «исчезновения» железного занавеса стало доступным политическое пространство всего мира, что привело к нарушению ценностных установок в обществе, которые формировались посредством туризма десятилетиями. Произошло разрушение системы организации молодежного туризма, что являлось в некотором плане ключевым институтом освоения политической сферы общества.

При этом следует отметить, что растущее внимание к феномену самого термина «политический туризм» отчетливо проявилось на фоне глубоких структурных изменений в обществе на рубеже XX-XXI вв. Как показывает анализ зарубежной практики, данный феномен постепенно набирает популярность, что, в свою очередь, способствует расширению его географии распространения, в том числе на политически неустойчивом постсоветском пространстве. Все больше иностранных туристских компаний начинают предлагать туры для активно интересующихся политикой и желающих побывать на месте политического действия лично, чтобы своими глазами увидеть, что происходит за кулисами (и даже принять непосредственное участие). Туристы могут посетить политически интересные места, лично поговорить с очевидцами, дипломатами, чиновниками и представителями различных организаций.

Множество турфирм предлагают такие туры. Одна из таких фирм – *Corrupt Tour*, организующая путешествия по «достопримечательностям коррупционной Праги». Так например, всем желающим узнать теневую сторону Чешского правительства предлагают трехчасовую экскурсию по политически важным местам: Министерство внутренних дел, резиденция президента Чехии.

Другим участником, активно предлагающим политические туры, является британская туристская компания *Political Tours*, которая организует путешествия по важным местам прошлого и настоящего. На данный момент турфирма осуществляет поездки по нескольким регионам: Турция, Ирландия, КНДР, Грузия, Босния и Герцеговина, Эфиопия, Косово и Украина. Последний регион все чаще привлекает внимание участников политического туризма. В поездке участникам также предлагается увидеть все своими глазами, поговорить с очевидцами, повстречаться с журналистами и аналитиками и другими заинтересованными лицами.

Некоторые направления туристского освоения политической сферы сегодня становятся все более популярными и в молодежной среде. Молодые люди не только посещают места и мероприятия общественно-политического

характера, но и получают практические знания и навыки непосредственно на месте. В этом плане в российской молодежной среде особенно актуален политический туризм с образовательным уклоном, который является ценным познавательным процессом, направленным на изучение проблем политической сферы прошлого и современности. Безусловно, многочисленные общественно-политические мероприятия различного уровня, часто привлекая внимание представителей подрастающего поколения, проходят с активным участием студенческой молодежи и представителей молодежных организаций политической направленности.

Примером такого мероприятия в России можно назвать Форум АТР (Алтай Точки роста). Он традиционно проходит в конце июня. Поэтому для студентов, сдающих сессию, это не всегда удобно и им приходится сдавать экзамены либо досрочно, либо заочно во время форума. Данное мероприятие проходит на берегу сибирской реки Катунь («Березовая Катунь»). Ежегодно форум собирает около тысячи молодых людей, которые выбирают для себя одну из четырех образовательных направлений «Социальные технологии», «Предпринимательство», «Менеджмент» и «Политический процесс». Образовательная программа сочетается с туристско-развлекательной программой. В программу входят встречи с главой региона, политиками и профессорами университетов.

На данном форуме учат мыслить стратегически. Экспертиза законопроектов, дискуссии, технологии выборов, нормативная база, политическая журналистика, возможности встречаться с представителями институтов власти и политиками являются важными элементами данного форума.

Сегодня наблюдаемому росту туристского освоения политической сферы во многом способствуют существующие национальные проекты с участием молодежи [8]. Наглядной иллюстрацией этому служат, с одной стороны, целенаправленно организованная государством деятельность крупных молодежных форумов, таких как «Селигер», «Ладога», «Машук», «Флорос» (экспертно-политический) и др., которые все активнее предоставляют молодежи новые площадки для встреч и обмена мнениями, а с другой – «стихийные», лоббированные третьей заинтересованной стороной по теории управляемого хаоса – Майдан, Каир, Косово, Сирия и т.д. Подобные действия могут привести к перезагрузке политической сферы с непредсказуемыми последствиями, значение которых зависит от целевых установок молодежи. Следовательно, для устойчивого стабильного развития общества молодежь в государстве должна быть политически грамотной и склонной к патриотическому взаимодействию, ориентированному на сохранение важнейших государственных устоев и принципов как во внутренней, так и во внешней среде. Объединяющим началом подобного взаимодействия может выступать «пре-словутая» национальная идея – СССР 2.0, Таможенный Союз, Евразийское экономическое пространство и др. В этой связи особое значение в развитии

процесса туристского освоения политической сферы общества играет высокая полярность информационного пространства в разных геополитических плоскостях.

На основании вышеизложенного необходимо подчеркнуть, что важным элементом основы государственной безопасности не только с экономической точки зрения, но и с гуманитарной является развитие внутреннего туризма, поскольку его гуманитарные аспекты ориентированы на воспитание у молодежи не только культурно-духовных ценностей [7], но и политической культуры, способного к самореализации, постоянному саморазвитию и, следовательно, совершенствованию полученных навыков в ходе туристского освоения политической сферы общества. Именно активное использование потенциала внутреннего туризма в молодежной среде через формирование эмоционально-ценностного отношения к Родному краю позволяет рассмотреть процесс лояльного туристского освоения политической сферы. Но как только общественность поймет всю значимость этого туризма и форумов с политической направленностью, произойдут положительные изменения в молодежной среде, и форумы станут иметь совсем другой статус.

Необходимо также отметить, что формирование устойчивого единого гуманитарного пространства Русского мира определяется и степенью вовлеченности молодого поколения во внутренний туризм, состояние которого в молодежной среде оставляет желать лучшего. На наш взгляд, такая картина определенным образом отражает характер действия российской молодежи на постсоветском пространстве, в масштабах которого в течение последних двух десятилетий ее роль была незначительна.

Тем не менее, некоторые общественно-политические процессы на постсоветском пространстве, в частности «Русская весна», наглядно демонстрируют насколько востребован потенциал молодого поколения в процессе освоения политической сферы общества. Так, после воссоединения Крыма с Россией возникли предпосылки коренного изменения в отношении общества к данному процессу путем развития внутреннего туризма, в котором роль молодежи без преувеличения может стать определяющим актором [3].

Таким образом, в последнее время роль молодежи в туристском освоении политической сферы стала более заметной, так как:

- высвечивает международные проблемы и возможности их решения посредством института международного молодежного сотрудничества, народной дипломатии;

- способствует развитию и взаимодействию народов и культур, формируя такие важнейшие принципы жизни, как открытость, сопричастность к общим культурным ценностям. Следовательно, распространение новых культурных и политических ценностей стало важным явлением в расширении гуманитарного пространства, и в этом определенную роль играет туризм с участием молодежи.

В этом плане политический туризм – это одно из важнейших направлений туризма в истории человечества, и он имеет определенную динамику. По прогнозам популярность данного туризма будет только расти. Если сейчас это еще очень слабо развитая отрасль туризма, то вскоре она станет куда более развитой и интересной. Политический туризм очень важен для понимания современной политической обстановки в мире. Если человек знает историю и интересуется современной политикой, то видит ошибки, совершаемые в политике. Следовательно, туристская активность молодого поколения в данном направлении позволяет лучше разбираться в жизни и приспособляться к этому миру.

Дальнейшее развитие политического туризма в молодежной среде требует решения ряда проблем. Очевидно, что сегодня в планетарном масштабе существует признание возрастающего влияния туризма на различные сферы общества, где политическая сфера не составляет исключения, в последнее время имеет определенную динамику освоения посредством туристской деятельности. Некоторые направления туризма и предлагаемые модели деятельности, в частности молодежи в определенной степени, создают благоприятные условия для освоения политической сферы. В реализации этого процесса, особенно на их формы осуществления и на мотивации участников, всегда будет оказывать заметное влияние сложившаяся социально-экономическая и политическая конъюнктура в обществе.

Тем не менее, до сих пор не существует четкой модели политического туризма, которую следует рассмотреть в качестве эффективной формы реализации этого процесса. Вместе с тем можно отметить, что понятие политический туризм в этом случае как научный феномен трансформируется в область знания, не имея четко понятийно-организованную структуру. Здесь мы имеем дело, скорее всего, с контекстом, относящимся к практической области туристической деятельности, имеющей некоторые расширяющиеся институциональные основы.

Такое же повышенное внимание к этой проблеме связано, прежде всего, с отсутствием концепции политического воспитания молодежи, формированию которой, на наш взгляд, способствовала бы находящаяся вне поля пристального внимания специалистов динамичная роль молодежной среды в туристском освоении политической сферы. Сегодня качественная роль внутреннего туризма, как необходимого ресурса модернизации общества (в том числе посредством эффективного использования потенциала молодежной среды), незначительна. Мы считаем поэтому, что для развития устойчивой политической сферы необходимо не только расширять дискуссионное поле о путях решения этих проблем, но и выработать конкретные организационные шаги, направленные на вовлечение подрастающего поколения в процесс туристского освоения политической сферы общества, где формируются ключевые векторы его развития.

Библиографический список

1. *Быковский Э.К.* Экскурсии и туризм – необходимое орудие коммунистического воспитания. М., 1931. 36 с.; *Серин В.* Производственные путешествия и экскурсии как метод общественно-политического воспитания. М.; Л.: Физкультура и Туризм, 1931. 58 с.; *Касаткин В.Ф.* Факторы развития и общественное значение туризма. М., 1983. 64 с.
2. *Дворниченко В.В.* Развитие туризма в СССР и его роль в системе советского образа жизни (1917-1977): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. 22 с.
3. Заседание Совета по межнациональным отношениям 3 июля 2014 г., Москва, Кремль. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46144> (дата обращения: 02.02.2015).
4. Интернет сайт «People to People International». Молодое Поколение. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ptpi.org/younggeneration/Default.aspx> (дата обращения: 25.01.2015).
5. *Лоншакова Н.Е.* Публичная политика в сфере туризма: совершенствование механизма ее формирования и реализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 24 с.
6. *Николаенко Д.В.* Пространственно-временная динамика процессов социокультурного освоения территорий: автореф. дис. ... докт. географ. наук. СПб., 1999. 43 с.
7. Рекомендации «круглого стола» на тему «Молодёжный туризм как одна из важнейших составляющих патриотического воспитания молодого поколения. Нормативно-правовой аспект». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komitet10.km.duma.gov.ru/site.xp/051051052.html> (дата обращения: 15.01.2015).
8. *Тишков В.А., Степанов В.В.* Молодежь в полиэтничных регионах Приволжского федерального округа: экспертный доклад. [Электронный ресурс]. URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=Files&in=view&id=126> (дата обращения: 12.02.2015).

ABOUT THE IMPACT OF YOUTH ENVIRONMENTS ON THE PROCESS OF TOURISM DEVELOPMENT OF POLITICAL SPHERE SOCIETY

B.R. Asadov

D.of Ph.in Political Sciences, associate professor,
St.-Petersburg State University of Economics

A.S. Baranov

D.of Ph.in Pedagogic Sciences, associate professor,
St.-Petersburg State University of Economics

The article is devoted to one of less-studied topics in the modern national science school - problems of tourism exploration of the political sphere of society. Here is presented an analysis of some aspects of the activity, in the context of political tourism, which not only has a clear conceptual basis, but acquiring more and more new shapes, opens spaces for interaction of the young generation in the political sphere of society. It is given the author's understanding of the essence of the tourist development in the political sphere of society, where the emphasis is made on the role of youth as an active participant of the development of this process.

Key words: youth; politics; political tourism; tourist development of space; the political sphere of society; humanitarian space.

References:

1. *Bykovsky E.K.* Excursions and tourism essential tool of communist education . M., 1931. 36 p .; *Serin V.* Production of travel and tours as a method of social and political education. M.; L.: Physical Culture and Tourism, 1931. 58 p.; *Kasatkin V.F.* Factors of development and social importance of tourism. M., 1983. 64 p. (In Rus.).
2. *Dvornichenko V.V.* Tourism development in the Soviet Union and its role in the system of the Soviet way of life (1917-1977). Author's abstract. dis. on soisk. learned, step candidate ist. sciences. M, 1980. 22 p. (In Rus.).
3. Meeting of the Council on International Relations July 3, 2014, The Kremlin, Moscow. [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46144> (date accessed 02/02/2015). (In Rus.).
4. Website «People to People International». The younger generation. [Electronic resource]. URL: <http://www.ptpi.org/younggeneration/Default.aspx> (date accessed 01/25/2015). (In Rus.).
5. *Lonshakova N.E.* Public policy in the tourism sector: improving the mechanism of its formation and implementation / Abstract of the thesis for the degree of candidate of political sciences, specialty 23.00.04. M., 2010. 24 p. (In Rus.).
6. *Nikolaenko D.V.* Spatio-temporal dynamics of the processes of socio-cultural development of territories // Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Geographical Sciences. St. Petersburg. 1999. 43 p. (In Rus.).
7. Recommendations «round table» on the theme «Youth tourism as one of the important components of the Nation-patriotic education of the younger generation. Regulatory and legal aspect». [Electronic resource]. URL: <http://www.komitet10.km.duma.gov.ru/site.xp/051051052.html> (date accessed 15/01/2015). (In Rus.).
8. *Tishkov V.A., Stepanov V.V.* Youth in multi-ethnic regions of the Volga Federal District. Expert report. [Electronic resource]. URL:

<http://iearas.ru/index.php?go=Files&in=view&id=126> (date accessed
12/02/2015) (In Rus.).

УДК-314.15

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

В.М. Качалкин¹

В статье рассматриваются проблемы демографического развития современной России, анализируется деятельность государства в решении этих проблем. Отдельное внимание уделяется некоторым противоречиям в вопросе государственного воздействия на жизнь семьи. Определяются возможности государственного регулирования демографическим поведением общества в условиях демократизации. Предлагается ряд мер и направлений совершенствования современной демографической политики в России.

Ключевые слова: демографическое развитие; демографическая политика; демократическое государство; семья; молодежь; репродуктивное поведение; рождаемость.

В последнее время в России заметно активизировалась деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в преодолении демографического кризиса. Эта деятельность находит свое выражение в государственной демографической политике, которая призвана улучшить демографическую ситуацию в стране. Общеизвестно, что с 1992 г. Россия вступила в состояние устойчивой депопуляции, которая характеризуется низким уровнем рождаемости, недостаточным для обеспечения простого замещения поколений, высокой смертностью граждан трудоспособного возраста, преимущественно мужской части населения, относительно невысокой (по сравнению с другими развитыми странами) продолжительностью жизни, миграционным оттоком из слабозаселенных восточных регионов страны. Все это привело к снижению численности населения России, неблагоприятным изменениям его половозрастной структуры, ослаблению экономического и военного потенциала. В свою очередь, эти проблемы становятся фактором снижения политико-стратегических возможностей государства. Стратегические планы, реформы, преобразования не имеют долгосрочной перспективы без сохранения российского народа. Прогрессивное развитие экономики и становление демократического государства в России зависят сегодня от демографического будущего страны. Депопуляция будет лишь тормозить темпы

---

¹ Качалкин Вадим Михайлович – аспирант кафедры политологии, государственного и муниципального управления, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орловский филиал, г. Орел, Россия. E-mail: vkachalcin-m@mail.ru.
© Качалкин В.М., 2015

ее развития, ослаблять безопасность и геополитические возможности государства. Поэтому долгосрочная, комплексная политика по исправлению демографической ситуации в устойчивом позитивном направлении – неотъемлемое условие для сбережения народа и сохранения политической жизнеспособности государства.

В этой связи важным для политического анализа является представление о том, что современная демографическая политика служит, прежде всего, практическим воплощением политических интересов действующей системы власти в области демографического развития. Политические интересы власти обусловлены основополагающим значением народонаселения, оптимальное состояние структуры и численности которого необходимо для устойчивого развития государства как политического института, поддержки легитимности действующей власти, укрепления влияния государства в экономической и военно-стратегической сферах, являющихся основными факторами внутренней стабильности, безопасности и геополитического развития.

В последние годы российскому государству удалось добиться некоторых позитивных результатов в демографическом направлении. Численность населения на начало 2013 г. по отношению к уровню 2009 г. увеличилась почти на 1,5 млн чел. и достигла 143,3 млн. Несмотря на прекратившееся сокращение населения, депопуляция в России продолжалась до 2012 г., когда впервые за истекшие 20 лет естественная убыль достигла статистически незначимой величины — менее 0,003%. В 2013 г. число родившихся, хотя и незначительно, но превысило число умерших [1, 39]. Однако говорить о существенном изменении вектора демографического развития в России пока еще преждевременно. В ближайшем будущем может возникнуть новая фаза демографического кризиса вследствие прихода в репродуктивный период малочисленного поколения 1990-х гг. рождения (если в 1980-е гг. число родившихся в среднем за год составляло 2 330 тыс. человек, то в 1990-х — 1 385 тыс.). Для предотвращения депопуляции необходимо добиться существенного увеличения семей с тремя детьми. Согласно демографическим расчетам, для простого воспроизводства населения около 50% всех семей должны иметь 3 - 4 детей [2].

Именно такая задача была поставлена Президентом В.В. Путиным в Послании Федеральному собранию РФ в 2012 г.: «...убеждён, что нормой в России всё-таки должна стать семья с тремя детьми. Но чтобы это было так, нужно многое сделать» [3].

Все это свидетельствует о том, что действующая государственная власть намерена усиливать свое воздействие на демографические процессы в стране.

Исследования отечественных демографов доказывают, что первостепенной и самой существенной проблемой демографического кризиса является падение рождаемости, низкий уровень которой даже при снижении смерт-

ности до минимально возможного уровня не позволяет преодолеть депопуляцию [4, 103; 101]. Следовательно, без повышения рождаемости до минимально необходимого уровня, не в зависимости от других демографических показателей, коренное население страны будет сокращаться. Поэтому вопрос состоит в том, с помощью каких мер воздействия государственной политики можно изменить режим демографического воспроизводства до уровня устойчивого замещения поколений, т.е. когда суммарный коэффициент рождаемости достигает значения 2,15 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста (сегодня в России 1,71). В решении этого вопроса важно, во-первых, конкретно выделить основные области жизнедеятельности народонаселения, от которых зависит характер демографического воспроизводства, что станет основанием определения объекта политики, во-вторых, определить методы и границы возможного воздействия государства на сферу демографических процессов.

Что касается первого вопроса, то основной областью жизнедеятельности общества, определяющей характер воспроизводства населения, является сфера семьи. Именно институт семьи выступает главным источником воспроизводства поколений. Это означает, что основным целевым объектом, которому должны быть адресованы меры государственной демографической политики, является семья в ее традиционном понимании. Только здоровая, полноценная семья способна выполнять свою историческую задачу – воспроизводство поколений. Вот почему в «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.» значительное внимание уделяется мерам материальной, информационной поддержки семьи. Согласно оценке этой Концепции академиком В.И. Жуковым отличительной особенностью России по сравнению с другими европейскими странами является отношение к семье, укрепление института семьи, сохранение духовно-нравственных традиций и возрождение традиционных семейных ценностей [5, 398].

Второй вопрос в рамках политического анализа следует рассмотреть более основательно. Дело в том, что в условиях демократического государства репродуктивное поведение населения находится в зоне ограниченного воздействия, поскольку вопрос рождаемости является личным, духовным выбором семьи или женщины. Поэтому важно, чтобы вместе со стимулированием рождаемости и повышением социальной заботы о семье, государство не усиливало функции контроля над семьей, не вторгалось в ее личную жизнь. На современном этапе развития общества вторжение государства (усиление функции контроля, ущемление пространства семейных отношений) в личные дела семьи может нарушить ее внутреннюю целостность, снизить доверие общества к деятельности государственных институтов. Следовательно, в условиях демократизации общества усиление роли государства в вопросах семьи и демографии может привести к некоторым противоречиям,

когда одни меры государственного воздействия на брачно-семейное, репродуктивное поведение, на жизнедеятельность института семьи отвечают потребностям и интересам населения, встречая широкую поддержку в обществе, другие – воспринимаются негативно как посягательство на личную жизнь.

Так, по данным опроса Фонда общественного мнения (ФОМ), проведенного в марте 2011 г., на вопрос, следует или не следует правительству принять меры, чтобы уровень рождаемости в России повышался, большинство россиян (81%) ответило положительно [6, 65]. Как замечает Н.С. Маликов, положительные результаты демографической политики 2007–2010 гг. обусловлены и тем, что коренные интересы народа (населения) и власти совпали [7, 184].

Тем не менее, имеет место и противоположный опыт в вопросах воздействия государства на сферу семьи. Например, попытки активного внедрения в последние годы в российскую правовую практику системы ювенальной юстиции многими отечественными учеными, экспертами, а также представителями общественности оценивается именно как усиление функции контроля над семьей со стороны государственной власти. Система ювенальной юстиции призвана обеспечивать и защищать права несовершеннолетних. Такая система, с одной стороны, – мера усиления защиты прав детей, с другой, – прямая возможность со стороны государственных структур вмешательства в личные дела семьи, во взаимоотношения родителей и ребенка. Границы подобного вмешательства со стороны государства эта система четко не определяет. Поэтому она встретила жесткую критику и несогласие в среде российской общественности. Такая реакция обусловлена также негативным опытом действия системы ювенальной юстиции на Западе, откуда она и пришла в Россию. Миллионы родителей в Америке и Европе в результате деятельности ювенальной юстиции лишены своих родительских прав, а миллионы детей оторваны от родной семьи. Поэтому в России так устойчиво сформировалось общественное мнение о том, что ювенальная юстиция нарушает права родителей и, по сути, разрушает институт семьи. Волна общественного несогласия с внедрением этой системы в России способствовала объединению общественных сил и созданию новых социальных институтов. Девятого февраля 2013 г. в Москве состоялся Всероссийский родительский съезд, в результате которого сформировалось крупное общественное движение – Родительское Всероссийское Сопротивление (РВС). В основу его деятельности положен принцип противостояния системе ювенальной юстиции в России.

Этот опыт позволяет нам с уверенностью говорить, что дальнейшее усиление государством функции контроля над семьей, (даже при увеличении материальной поддержки семьи и рождаемости) негативно отразится на доверии общества к власти, приведет к снижению ее легитимности. Демографическая проблема сегодня бросает новый вызов обществу, ставит под вопрос его дальнейшее развитие и безопасность страны. Вот почему на данном

этапе исторического развития именно государство, как наивысший политический институт, обладающий огромными материальными, культурно-информационными, административными и многими другими ресурсами, призвано взять на себя роль главного и ответственного субъекта регулирования демографическим развитием.

Несомненно, регулирование государством демографического развития должно осуществляться, прежде всего, через семью. Но при этом необходимо устанавливать определенную дистанцию в вопросах государственного воздействия на жизнь семьи, не нарушая демократических принципов, не вторгаясь в сферу ее внутренних отношений. Поэтому считаем, что в современной государственной демографической политике повышения рождаемости должна идти речь о **системе мер опосредованного регулирования**. Государство как высший политический институт располагает множеством различных средств и способов регулирования общественных отношений, в том числе, возможностями косвенного влияния на средства информационного, образовательного воздействия, материального, ценностного стимулирования и пр.

Сегодня государственная демографическая политика в России осуществляется преимущественно на основе мер материального стимулирования рождаемости (стимулирования вторых и последующих рождений). Это такие меры, как «материнский капитал», предоставление бесплатных земельных участков под строительство жилья при рождении третьего и последующего ребёнка, ежемесячные денежные выплаты семьям от 5 до 11 тыс. руб. при рождении третьего и последующих детей, социальные пособия. Эти меры материального стимулирования привели к определенным положительным результатам (чему также способствовала благоприятная возрастная структура населения), но в условиях демографического кризиса это не является комплексным ответом, поскольку негативные изменения в демографической ситуации, в частности, в режиме воспроизводства населения, вызваны не только экономическими, но и культурными, информационными, идеологическими факторами. Поэтому для адекватного ответа демографической проблеме необходимы не только меры материального стимулирования, но и меры, воздействующие на ценностные установки на духовное, внутреннее состояние, мотивации поведения личности и общества в целом. Исходя из предметного признака, предлагаем выделить такие меры в **группу мер морально-ценностного стимулирования репродуктивной мотивации и демографического поведения**. Именно эти меры могут способствовать предотвращению кризиса института семьи, формированию демографических ценностей, что является необходимым условием решения демографической проблемы низкой рождаемости.

Об этом свидетельствуют и результаты исследований отечественных демографов, сторонников пронатализма. В частности, демограф А.И. Анто-

нов в своих исследованиях репродуктивного поведения населения утверждает, что снижение числа рождений в семье идет в соответствии с уменьшением социокультурной потребности в детях. Из этого следует, что там, где наблюдается полное удовлетворение потребности в детях уже имеющимся числом детей и где, к тому же, совпадают репродуктивные ориентации супругов, никакое материальное стимулирование не даст эффекта. В этой связи, считает демограф, главным в активизации демографической политики должен быть этап, когда ставится абсолютно новая и исторически беспрецедентная цель повышения интенсивности рождаемости и тем самым вводятся в действие меры усиления потребности семьи в 3-4 детях [8]. Вместе с тем демограф отмечает, что устойчивого опыта такой политики нет ни в одной стране современного мира.

Таким образом, полагаем, что современным адекватным ответом на демографические проблемы является формирование и реализация мер, как материального, так и морально-ценностного стимулирования рождаемости, способствующих формированию потребности в детях. Последние подразумевают усиление государством на постоянной основе **культурно-просветительской функции в укреплении идеалов семьи и демографического развития**. Эта функция должна осуществляться на основе реализации государственной демографической политики, которую, как мы считаем, необходимо усилить программой четких, постоянных и масштабных мер учебно-воспитательного и культурно-информационного характера.

Культурно-информационные меры демографической политики предполагают активизацию культурно-информационных ресурсов власти в демографических целях для достижения устойчивого преобладания ценностей человеческой жизни, семейного и родительского счастья в социальной среде. Некоторые меры периодически уже проводятся в регионах РФ. Это всевозможные городские праздники, фестивали, телевизионные передачи и др. мероприятия. Культурно-массовые и информационные меры поддержки целей демографического развития пока не получили устойчивой практики в субъектах РФ, они носят фрагментарный характер, кроме того, масштаб подобных мероприятий охватывает только некоторую часть населения того или иного субъекта, в основном, это часть населения крупных городов.

В «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.» были заложены некоторые задачи по реализации мер информационного характера, направленных на поддержку семьи, пропаганду семейных ценностей [9]. Но на сегодняшний день меры информационной поддержки не получили устойчивого и системного развития в политико-управленческой практике исполнительной власти всех уровней. На современном этапе СМИ как механизм государственной политики не работают на основе четкой, системной демографической программы. Поэтому актуализируется задача формирования и внедрения в практику на постоянной основе

культурно-информационных мер воздействия на демографическое поведение общества.

Второй группой мер морально-ценностного стимулирования демографического поведения являются **учебно-воспитательные меры**. Целевым объектом таких мер является молодежь. Ведь наряду с институтом семьи, важное значение для государственной демографической политики представляет молодежь как потенциальный источник воспроизводства поколений. Именно от молодежи будет зависеть будущее развитие страны и дальнейшее воспроизводство общества. Как правило, изменение в режиме воспроизводства населения в области повышения рождаемости может быть достигнуто лишь через несколько поколений [10, 47-48]. Поэтому демографическая политика должна иметь соответствующую программу долговременного характера. При этом стратегический подход может быть обеспечен, если подрастающее поколение при формировании демографической политики учитывается как стратегический ресурс демографического развития страны и на практике становится важным объектом государственной демографической политики. Важным для понимания сути проблемы является осознание на высшем уровне государственной власти того, что в современных условиях для изменения репродуктивного поведения общества необходимо не только создать условия, но и добиться изменений ценностных ориентаций социального поведения в сфере семьи и родительства. А этого возможно достичь, если соответствующие ценности будут прививаться с детства. Вот почему считаем, что сегодня необходимо на основе государственной демографической политики вводить в устойчивую практику системы образования **учебно-воспитательные меры**, которые представляют собой школьную образовательную программу (ряд дисциплин) по формированию духовно-нравственных ценностей семьи, идеала брачного союза, здорового образа жизни.

Именно эти два вида мер демографической политики направлены на молодежь (стратегический ресурс демографического развития), укрепление социального статуса института семьи и морально-ценностное стимулирование репродуктивной мотивации. Следует подчеркнуть, что предлагаемые меры демографической политики могут быть максимально эффективными, если они осуществляются в комплексе, в сочетании с системой мер материального стимулирования. Учебно-воспитательные, культурно-информационные меры необходимо совмещать с материальной поддержкой государства многодетных семей. При таком подходе государственная демографическая политика приобретает комплексный характер, так как оказывает одновременное воздействие на формирование демографических потребностей и на создание условий для их реализации.

Считаем, что предлагаемые меры морально-ценностного стимулирования репродуктивной мотивации и демографического поведения вполне соот-

ветствуют характеру и масштабу демографической проблемы. Они призваны укрепить основы **политико-идеологического содержания государственной демографической политики в России**. Тогда эта политика будет работать на все факторы демографического развития, что в значительной степени повысит потенциал ее возможностей в изменении режима воспроизводства населения.

Следует отметить, что данные меры не предполагают наращивания контрольных функций государства над жизнедеятельностью семьи. Они призваны способствовать усилению культурно-просветительской функции государства, что, на современном этапе, является необходимым условием для восстановления ценностей семьи, отцовства, материнства и деторождения.

Предлагаем выделить еще одно важное направление, которое является условием организационного характера в задаче повышения эффективности государственной демографической политики в России. Речь идет о **налаживании устойчивых механизмов обратной связи** между органами государственной власти, непосредственно занимающимися семейной и демографической проблематикой, и народонаселением. Государственная демографическая политика призвана поддерживать в информационном, правовом, материальном и др. направлениях семью в вопросе деторождения и связанных с этим трудностях. Поэтому эта политика должна своевременно реагировать на реальные потребности и интересы семей. Результативность демографической политики демократического государства в области процессов воспроизводства населения зависит во-первых, от степени ее воздействия на общественное сознание, нормы социального поведения в отношении брака, семьи и деторождения, во-вторых от того, насколько эта политика отвечает реальным потребностям и интересам семьи. Поэтому в демократическом государстве важным условием в реализации демографической политики является формирование системы обратной связи между органами государственной власти и народонаселением. При соблюдении этого условия демографическая политика не сводится только к односторонней деятельности органов государственной власти, а становится объектом выражения социальных интересов.

В этом контексте отметим, что на современном этапе во многих субъектах РФ пока еще отсутствуют специализированные, профильные структуры по демографической политике в системе исполнительной власти. Между тем институционализация демографической политики в России является условием организационного характера, обеспечивающим политико-управленческую деятельность государственной власти в области решения демографических проблем. Это неотъемлемое организационное условие соответствующее масштабам проблемы, необходимое для успешного решения поставленных задач на федеральном уровне власти в области демографического развития. Вот почему возникает потребность формирования и реализации соответствующего институционального направления государственной

демографической политики в России, предполагающего постановку четких требований организационного оформления демографической политики на всех уровнях власти.

Развитие организационной, институциональной основы демографической политики – длительный процесс, требующий формирования устойчивых норм и отношений в области взаимодействия власти, институтов гражданского общества и граждан в сфере поддержке института семьи и демографического развития. На современном этапе, с учетом новых демографических проблем, которые приближаются вследствие сокращения численности репродуктивных контингентов и старения населения, требуется своевременное и эффективное реагирование государства на новые вызовы. Институциональное развитие демографической политики как фактор специализированного организационного подхода повышения ее статуса, ресурсной базы, оперативности принятия решений, является в современных условиях необходимым механизмом усиления возможностей управления демографическим развитием.

Предлагаемое институциональное направление неразрывно связано с кадровым обеспечением. Деятельность органов исполнительной власти и других структур, институтов, занимающихся демографической политикой и поддержкой семьи, зависит как от имеющихся ресурсов, так и от качества кадрового потенциала. Для демократического государства важным критерием в его развитии является подготовка и привлечение специализированных кадров, способных не только возглавлять важные управленческие структуры в различных отраслях и сферах, но и устанавливать, регулярно поддерживать должный уровень взаимоотношений власти и населения, выдерживать единый, по своему содержанию, курс развития общества. В этом контексте отметим, что проблема демографического развития требует всестороннего научного анализа и прогнозирования. Поэтому государственная демографическая политика должна строиться на основе научно обоснованного подхода, а это означает необходимость привлечения к участию в ее осуществлении специализированных научных кадров. Объединение субъекта (исполнительной, законодательной власти) демографической политики и научных сил на устойчивом институциональном уровне является формой консолидации общенационального характера, поскольку работает на интересы общественного развития и повышает потенциал возможностей регулирующего воздействия демографической политики.

Все это, как мы полагаем, позволит повысить качество современной демографической политики в России, существенным образом дополнить действующие меры, усилить степень государственного воздействия на демографическое поведение общества, при этом не нарушая демократических принципов и свобод, не вторгаясь в личную жизнь семьи, а напротив, предоставив

ей свободу выбора, создав условия всесторонней поддержки семьи и деторождения.

Библиографический список

1. Рыбаковский Л.Л. Накануне выбора: второй этап депопуляции или демографический рост? // Народонаселение. 2013. №4. С. 39.
2. Борисов В.А. Депопуляция в России: причины и следствия, пути преодоления // Демографические процессы и семейная политика: региональные проблемы. М., 1999.
3. Послание Президента Федеральному собранию 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 19.09.2014).
4. Антонов А.И. Демографическая деградация России. Национальная идентичность России и демографический кризис // Материалы Всероссийской научной конференции (20-21 окт. 2006). М., 2007. С. 103; Борисов В. Демографическая ситуация в современной России // Демографические исследования. № 1; Демографический ежегодник. 2006; Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 101.
5. Жуков В.И. Демографический потенциал России: монография. М.: Изд-во Российского государственного социального университета, 2010. С. 398.
6. Носкова А.В. Социальные аспекты решения проблемы низкой рождаемости. // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 65.
7. Маликов Н.С. О системном подходе в демографической политике. // Качество и уровень жизни населения в России: состояние, тенденции и перспективы: сб. материалов международной научно-практической конференции. М., 2012. С. 184.
8. Антонов А.И. Демографический кризис России и безотлагательность пронаatalизма. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36236>(дата обращения:21.11.2013)
9. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncersiya/koncersiya25.html> (дата обращения: 15.01.2012).
10. Архангельский В.Н. Репродуктивные ориентации и демографическая политика // Федерализм. 2006. №4. С. 47-48.

PRIORITY VENUES FOR IMPROVING DEMOGRAPHIC POLICY IN RUSSIA

V.M. Kachalkin

Post-graduate student, political science, public and municipal administration department, Russian Federation, Orel, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, political science, public and municipal administration department, Orel, Russian Federation

The article deals with problems of demographical development in modern Russia by analyzing the state activities aimed at solving those problems. Special attention is paid to some inconsistencies in the way the state influences lives of families. The article defines some opportunities for state regulation of demographic behavior in a democratized society, proposing a number of measures and venues for improving current demographic policy in Russia.

Key words: demographic development; demographic policy; state; family; youth; reproductive behavior; birth rate.

References:

1. *Rybakovsky L.L.* On the eve of choice: the second stage of depopulation or demographic growth? // *Narodonaseleniye (Population)*. 2013. №4. P. 39. (In Rus.).
2. *Borisov V.A.* Depopulation in Russia: causes and effects, ways of overcoming // *Demographic processes and family policy: regional problems*. M., 1999. (In Rus.).
3. Presidential address to the Federal Assembly on December 12, 2012 years. [Electronic recourse]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (date accessed: 19.09.2014). (In Rus.).
4. *Antonov A.I.* Demographic degradation of Russia. National identity of Russia and demographic crisis // *Materials of the All-Russian scientific conference (October 20-21, 2006)*. M., 2007. P. 103; *Borisov V.* Demographic situation in modern Russia. // *Demographic researches №1; Demographic annual publication*. 2006. Collection of articles / Rosstat (Federal Service of State Statistics). M., 2006. P. 101. (In Rus.).
5. *Zhukov V. I.* Demographic potential of Russia / Monograph. Publishing house of the Russian State Social University. M. 2010. P. 398. (In Rus.).
6. *Noskova A.V.* Social aspects of a solution of the problem of low birth rate // *Sociological researches*. 2012. №8. P. 65. (In Rus.).
7. *Malikov N. S.* On system approach in population policy // *Quality and standard of living of the population in Russia: state, tendencies and prospects*. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Moscow 2012. P. 184. (In Rus.).

8. *Antonov A. I.* Demographic crisis of Russia and urgency of pronatalizm. [Electronic recourse]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36236> (date accessed: 21.11.2013). (In Rus.).
9. The concept of population policy of the Russian Federation for the period until 2025. [Electronic recourse]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/konce>. (date accessed: 15.01.2012). (In Rus.).
10. *Arkhangelsky V. N.* Reproductive orientations and population policy // Federalism. 2006. №4. P. 47-48. (In Rus.).

УДК-364.14(470+571)

АДАПТАЦИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ: ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ И АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ*

С.Е. Гасумова¹

В статье предложен ряд новых понятий для описания процесса адаптации пожилых людей в условиях информатизации, проведён анализ динамики этого процесса на основе статистических данных. Показана государственная политика России, способствующая приобщению представителей старших возрастных групп к информационным технологиям, включая законодательные новшества и мероприятия органов власти в отдельных регионах (Самарская, Нижегородская и Кировская области, Великий Новгород и Ставропольский край). Представлены примеры из опыта Великобритании и США по созданию условий для адаптации пожилых людей в современной информационной среде. Рассмотрены результаты проведённого опроса граждан пожилого возраста в Пермском крае об их отношении к использованию мобильной телефонной связи и сети Интернет.

Ключевые слова: информатизация; пожилые люди; информационные технологии; информационная политика; адаптация.

В 2014 г. по данным, опубликованным Федеральной службой государственной статистики, доля пожилых людей в России составляла 23,5% населения [10], это почти каждый четвёртый россиянин. Качество их жизни, ресурсный потенциал во многом зависят от социальной активности, возможности удовлетворения различных потребностей, в том числе информационных.

Для исследования процесса адаптации граждан пожилого возраста в условиях информатизации введём ряд понятий. Во-первых, возникает необходимость выделения понятия «информационно-технологическая компетентность пожилого человека», под которой мы предлагаем рассматривать владение знаниями, умениями и навыками, необходимыми для организации информационных процессов с использованием современных технических устройств (в первую очередь, компьютера с доступом в Интернет и мобиль-

---

* Статья подготовлена при поддержке Гранта РГНФ № 14-16-59006 «Человеческий потенциал людей пожилого возраста и условия его реализации в современной социальной реальности на примере Пермского края (Россия) и Вустершира (Великобритания)».

¹ Гасумова Светлана Евгеньевна – к.с.н., доцент, доцент кафедры социальной работы юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: svetagasumova@ya.ru.

@ Гасумова С.Е., 2015

ного телефона) и позволяющими удовлетворять информационные потребности представителей старшего поколения.

Во-вторых, введём понятие «информационная депривация пожилого человека» – это состояние ограниченности в удовлетворении информационных потребностей, возникающее в результате информационно-технологической некомпетентности и препятствующее активизации ресурсного потенциала в организации жизнедеятельности пожилого человека. Такое состояние зачастую воспринимается в общественном сознании как норма и ассоциируется с деменцией, что неверно и недопустимо.

В-третьих, формулируем понятие «информационная адаптивность пожилого человека» – это способность к активному приспособлению пожилого человека к изначально объективно чуждой для него современной информационной среде, основанная на сознательной выработке мотивации к формированию информационно-технологической компетентности и преодолению информационной депривации.

И, наконец, немаловажными, на наш взгляд, могут выступать ещё два взаимосвязанных понятия: «информационная сензитивность пожилого человека» и «информационная гигиена пожилого человека». Под информационной сензитивностью пожилого человека (от позднелат. *sensitivus* – чувствительный) мы понимаем повышенную чувствительность к любой получаемой из внешнего мира информации, вызывающую в силу физиологической специфики процессов старения обостренную реакцию на события, излишние переживания, тревожность, мнительность, депрессию и как результат – обострение хронических заболеваний психосоматического характера. Информационная гигиена пожилого человека означает сознательно выработанное умение соблюдать разумные ограничения в потреблении и восприятии негативной информации, основанное на знаниях о разрушительных последствиях вредного влияния определенной информации на психику пожилых людей.

Сегодня в России информационно-технологическая некомпетентность пожилых людей и вызванная ею информационная депривация остаются широко распространёнными явлениями. Согласно последним данным TNS, среди россиян в возрасте старше 55 лет интернет-пользователей только 22% (в то время как граждане от 12 до 34 лет уже практически все пользуются Интернетом). По данным РАЭК, 27% населения России – в основном это пожилые люди – пока заявляют, что Интернет им вообще не нужен. Ещё 4% населения хотели бы пользоваться Интернетом, но не могут [1].

Для сравнения заметим, что на Западе пожилые люди по праву причисляются к самой активной, наиболее быстрорастущей аудитории пользователей глобальной сети. Например, среди израильтян старше 50 лет доля активных «интернетчиков» составляет 45%, а в Нидерландах четверть всех пользователей Интернета – это люди в возрасте 50+. 43% жителей США в возрасте от 55 до 64 лет пользуются сетью. Около 95% из них, по данным компании

AOL, используют Интернет для общения, 11% – для планирования путешествий, 58% – для поиска медицинской информации, 60% покупают товары в интернет-магазинах, 44% играют в онлайн-игры [5].

Действительно, именно сеть Интернет впервые в истории развития человеческой цивилизации предоставляет пожилым гражданам беспрецедентные возможности для удовлетворения информационных потребностей, организации жизнедеятельности и передачи своего опыта. Так, в сети возможен поиск информации о социальной защите, социальном обслуживании и здравоохранении, о режиме работы органов государственной власти и местного самоуправления. Для пожилых важны также сервисы подачи обращений и записи на приём в эти органы в электронной форме, не выходя из дома. Это крайне актуально для людей с ограничениями в состоянии здоровья.

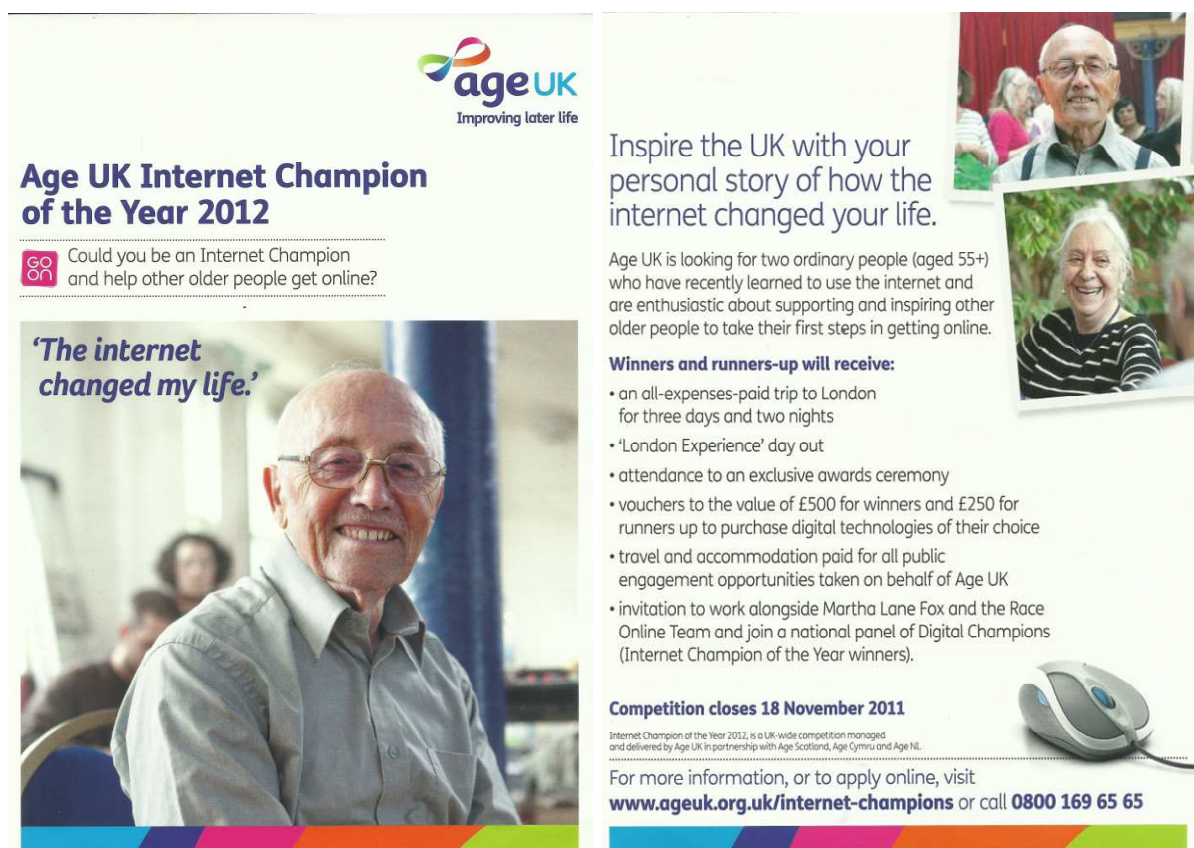
Кроме того, теперь возможно обеспечение своих повседневных нужд с помощью электронной торговли, в особенности с использованием стремительно распространяющейся услуги бесплатной курьерской доставки на дом. Учитывая огромный объём знаний и опыта старшего поколения, практически не используемый сегодня обществом во благо развития экономики и социальной сферы, а также наличие свободного времени, пожилые граждане могли бы при желании начать успешно работать дистанционно на дому и повышать собственные доходы, либо они могли бы вносить существенный вклад в развитие народовластия, высказываясь в различных форумах, обсуждениях проектов нормативных актов или заявляя жалобы на официальных интернет-ресурсах органов власти. Они могли бы, наконец, в качестве волонтеров работать бесплатными online-консультантами в тех областях, специалистами в которых являются, и так чувствовать себя нужными и востребованными, повышать свой социальный статус. Наиболее интересные и коммуникабельные представители старшего поколения могли бы вести собственные блоги, наконец, и оказывать влияние на умы новых поколений. Простое пользование социальными сетями в пожилом возрасте может способствовать компенсации дефицита общения и поддержанию контактов с родственниками и знакомыми.

Считается, что главная причина низкого уровня мотивации к использованию сети Интернет – это недостаток ресурсов с по-настоящему полезной информацией для пожилого человека. Однако факты свидетельствуют, что это уже давно не так по двум причинам. Во-первых, объём Рунета в последние годы стал буквально гигантским и среди всего имеющегося обилия информации, конечно, можно найти такую, которая удовлетворяет информационные потребности старших возрастных групп. Согласно последним данным компании W3Techs, по итогам 2013 г. русский язык по распространенности в Интернете занял второе место, его используют 6,3% всех web-сайтов в мире. Даже на китайском языке создано меньше ресурсов – только 4%, это шестое место [1]. Во-вторых, в последние годы введён целый ряд законодательных

требований к содержанию сайтов органов государственной власти, органов местного самоуправления [13], порталов государственных и муниципальных услуг [14] и даже сайтов социальных служб [15], поэтому тематически полезная для граждан пожилого возраста информация теперь формируется в обязательном порядке.

Кроме того, существует мнение, что пожилым людям сложно в силу своей информационно-технологической некомпетентности справиться с задачами поиска и распространения информации в сети Интернет. У них развивается компьютерофобия, преодолеть которую очень сложно. Пока сторонники этого мнения рассуждали подобным образом, целый ряд государственных и общественных организаций, политических объединений в России предпринимали меры по проведению бесплатных компьютерных курсов для пожилых людей. Подобную деятельность осуществляли, к примеру, районные центры социального обслуживания населения в Самарской области [11], социальные службы в Великом Новгороде [7] и Ставропольском крае, причём в последнем случае обучали пенсионеров прямо на дому [8]. Общественная организация «Российское агентство развития информационного общества» (РАРИО) [6] благодаря организации проекта с символическим названием «Тимуровцы информационного общества» более, чем в 30 субъектах РФ обучила свыше 350 тыс. человек. Также приобщением пенсионеров к компьютеру занимались Советы ветеранов, Высшая школа экономики и сотни других образовательных учреждений, партии «Единая Россия», ЛДПР и многие другие.

Министерство социальной политики Нижегородской области не только организовало курсы компьютерной грамотности, но и провело региональный конкурс «Доступный Интернет 2014» среди людей пожилого возраста, в рамках которого нужно было составить увлекательный рассказ о том, как Интернет помог конкурсанту в жизни. Победители были награждены в торжественной обстановке и показаны по областному телевидению [3]. Отметим, что подобные конкурсы в других развитых странах проводятся довольно давно. В частности, в Англии британской общественной организацией «AgeUK» ежегодно организуется масштабный конкурс на звание интернет-чемпиона. Информация о победителях широко распространяется в обществе через разные каналы информирования (рис. 1). В Соединенных Штатах же проводится даже конкурс лучших сайтов для пожилых пользователей, среди конкурсантов отмечаются сто лучших [5].

The flyer is for the 'Age UK Internet Champion of the Year 2012' competition. It features the Age UK logo at the top left, which includes a colorful swirl and the text 'ageUK Improving later life'. The main title is 'Age UK Internet Champion of the Year 2012'. Below it, a small 'go on' logo is followed by the text 'Could you be an Internet Champion and help other older people get online?'. A large photograph of an elderly man with glasses, smiling, is the central focus. To his left, the text reads 'The internet changed my life.' To the right of the main image, there are two smaller inset photos: one of the same man and another of an elderly woman smiling. Below these photos, the text says 'Inspire the UK with your personal story of how the internet changed your life.' Further down, it states 'Age UK is looking for two ordinary people (aged 55+) who have recently learned to use the internet and are enthusiastic about supporting and inspiring other older people to take their first steps in getting online.' A section titled 'Winners and runners-up will receive:' lists several prizes: an all-expenses-paid trip to London for three days and two nights; a 'London Experience' day out; attendance at an exclusive awards ceremony; vouchers to the value of £500 for winners and £250 for runners up to purchase digital technologies of their choice; travel and accommodation paid for all public engagement opportunities taken on behalf of Age UK; and an invitation to work alongside Martha Lane Fox and the Race Online Team and join a national panel of Digital Champions (Internet Champion of the Year winners). At the bottom left, it says 'Competition closes 18 November 2011'. Below this, in smaller text, it says 'Internet Champion of the Year 2012, is a UK-wide competition managed and delivered by Age UK in partnership with Age Scotland, Age Cymru and Age NI.' At the bottom right, there is a photograph of a computer mouse. The final line of text says 'For more information, or to apply online, visit www.ageuk.org.uk/internet-champions or call 0800 169 65 65'.

Рис. 1. Флаер с изображением интернет-чемпиона Великобритании среди пожилых граждан 2012 г., распространявшийся в общественных местах

Нельзя не отметить также прогрессивный опыт Кировской области. Здесь при поддержке губернатора Н.Ю. Белых областным Департаментом информационных технологий и связи, при содействии Департамента образования реализуется проект по повышению компьютерной грамотности лиц старшего возраста «Волонтеры информационного общества». Немаловажно, что проект осуществляется в рамках государственной программы Кировской области «Информационное общество» на 2013-2020 гг. Проводятся как обучающие занятия для пожилых, так и Чемпионаты по компьютерному многоборью. Разработаны и размещены в свободном доступе в сети Интернет учебные материалы: рабочая тетрадь слушателя курсов повышения компьютерной грамотности, методические рекомендации для повышения курсов проведения компьютерной грамотности, тематические буклеты [12]. Показательно, что в июне 2014 г. Председатель Правительства РФ Дмитрий Медведев уделил внимание этому проекту, встретился со слушателями курсов. Он подчеркнул: «Мы все должны быть современными. Сколько бы ни было человеку лет – 12 или 70 – он должен соответствовать тому миру, в котором живет. А сегодняшний мир без компьютера невозможен, умение пользоваться им позволяет решать огромное количество задач» [2].

Кроме того, заметим, что одним из партнёров описанного проекта является корпорация Intel, которая осуществляет в России уникальный проект «Классный возраст». В его рамках оказывается содействие открытию компьютерных классов для пожилых, создана виртуальная площадка для координаторов, волонтеров и слушателей центров по обучению старшего поколения компьютерной грамотности, аккумулируются новости о событиях на эту тему [4].

Подобная всё более активная деятельность в последние годы позволила России достичь существенных успехов по повышению уровня информационной адаптивности старших возрастных групп. К примеру, они становятся всё более активными пользователями социальной сети «Одноклассники», которую в результате в публицистических изданиях даже начали называть «сетью для пенсионеров».

И, наконец, считается, что без широкополосного доступа в Интернет, отсутствующего во многих небольших и отдалённых населённых пунктах, речи о вовлечении старших возрастных групп в процесс информатизации быть не может, а создание технической инфраструктуры займёт ещё несколько лет. Однако эта проблема легко решается. Новейший тренд в России – рост доли доступа в Интернет с мобильных устройств, обслуживание которых осуществляется в большинстве территорий страны. Благодаря бурному распространению мобильных гаджетов, с одной стороны, и услуг беспроводного доступа в сеть – с другой, доля мобильного Интернета сегодня возросла до впечатляющих показателей. По данным на 2014 г., она составила уже 40% общего трафика Рунета, в то время как всего три года назад этот показатель был лишь 5% [1].

Ещё один фактор, потенциально способный повысить мотивацию пожилых к использованию новых информационных технологий – активное развитие интернет-торговли. Всё больше людей в России начинают ей доверять: онлайн-покупки в стране в 2013 г. осуществляло 30 млн покупателей, что на 30% больше, чем в 2012 г. По прогнозам экспертов, формы электронной коммерции будут трансформироваться, предлагая потребителям все новые интересные сервисы. Например, представители eВау утверждают, что во всем мире растет популярность виртуальных примерочных: с их помощью можно посмотреть в Интернете, как на тебе выглядит та или иная вещь. А некоторые магазины переходят на виртуальные витрины. Например, в Нью-Йорке один модный одежный бренд, вместо того чтобы арендовать дорогостоящие помещения, разместил в Манхэттене 24-часовой window shop («магазин в окне»): люди могут воспользоваться установленным прямо на улице большим интерактивным экраном, выбрать приглянувшуюся вещь, заказать и в течение часа курьер может ее привезти, например, в ближайшее кафе или домой [1]. Эти тенденции в области развития электронной торговли способны существенным образом повлиять на

формирование мотивации пожилых к овладению компьютерными технологиями.

Все рассмотренные факторы говорят о том, что повышению информационной адаптивности старших возрастных групп в России объективно практически ничего не препятствует. Наоборот, возникает всё больше тенденций, способствующих этому процессу. В результате он развивается, хотя и крайне неравномерно в субъектах РФ, в зависимости от активности региональных органов власти, общественных организаций, инициативных групп, но всё более быстрыми темпами, несмотря на отсутствие системы государственных мероприятий. Такие мероприятия, кстати, могли бы осуществляться, к примеру, в рамках государственной программы «Информационное общество (2011 – 2020 гг.)» [9], однако разработчики программы вновь не сочли нужным уделить отдельное внимание вовлечению депривированных групп населения, находящихся в ситуации цифрового неравенства, в процесс информатизации. И это несмотря на то, что предыдущая федеральная программа «Электронная Россия», действовавшая с 2002 г. по 2010 г., довольно жёстко и активно критиковалась экспертами за отсутствие внимания к нуждам граждан. Ещё тогда предлагалось включить в программу проект «Компьютерный всеобуч».

Нами получены любопытные данные при проведении исследования информационной адаптивности пожилых людей в Пермском крае в 2014 г. (анкетирование граждан пожилого возраста, опрошено 268 человек). Эти данные могут быть положены в основу разработки государственной программы и отдельных мероприятий по адаптации старшего поколения в условиях информатизации. Один из вопросов анкеты был о том, чему в пользовании мобильной телефонной связью и сетью Интернет хотели бы научиться пожилые люди. Результаты анализа их ответов (табл. 1) показали безоговорочное лидерство варианта «находить информацию о своих правах и социальной помощи (например, о пенсиях, пособиях, льготах, субсидиях, компенсациях, социальных услугах)». Это свидетельствует, с одной стороны, о дефиците подобной информации у старших возрастных групп, неэффективном её доведении органами государственной власти и местного самоуправления до граждан пожилого возраста, а с другой стороны – о наличии значимой информационной потребности в подобного рода информации о социальной защите и социальном обслуживании. Почти 40% опрошенных, то есть чуть ли не каждый второй пожилой человек, хотели бы, чтобы кто-нибудь обучил их этому. И это при том, что лишь 28% респондентов вообще умеют пользоваться Интернетом. Соответственно, ради поиска информации о пенсиях, пособиях, льготах, субсидиях, компенсациях, социальных услугах даже те, кто до сих пор не являлись пользователями Всемирной сети, готовы приобщиться к этой технологии. Следовательно, это умение будет лучшей мотивацией для вовлечения граждан пожилого возраста в обучение компьютерным тех-

нологиям. Именно оно должно в первую очередь входить в программу курсов компьютерной грамотности для этой аудитории.

Вторая по значимости – потребность в обучении пользованию порталами государственных услуг (услугами «Электронного Правительства») для обращения в органы власти. 27,6% респондентов уже осознали её и, очевидно, предполагают, что эта технология повысит качество их жизни. Это не удивительно, учитывая, что пожилые люди зачастую ограничены в передвижении по состоянию здоровья, а значит, испытывают трудности с личным посещением органов власти. На наш взгляд, государство должно воспользоваться подобным «кредитом доверия» старших возрастных групп к порталам государственных и муниципальных услуг и срочно обучить их этой технологии. Так будет возможно не только облегчить взаимодействие граждан пожилого возраста с органами власти и снизить поток очных посетителей к специалистам, но и повысить их гражданскую активность, правовую грамотность, социальную компетентность.

Каждый четвёртый представитель старшего поколения хочет научиться находить интересную и полезную для себя информацию (например, рецепты блюд, рекомендации по лечению заболеваний, описание новинок бытовой техники и т.п.). Потребность в выработке такого умения оказалась на третьем месте. Довольно любопытно также, что каждый пятый респондент (19,1%) изъявил желание обучиться умению просматривать коллекции музеев и картинных галерей на их сайтах, каждый седьмой (13,1%) – читать книги в Интернете, а каждый шестой (15,7%) вообще не отказался бы проходить обучение в Интернете, если бы знал, как это делать. Такие, на наш взгляд, поразительные результаты дают основания утверждать, что представители старших возрастных групп нередко готовы повышать свой культурный и образовательный уровень в случае овладения новыми информационными технологиями. Именно для этого и должно служить формирующееся информационное общество с этических позиций.

Каждый восьмой респондент (12,3%) не прочь научиться делать покупки в Интернете. Это не удивительно, во всех странах пожилые люди являются активными потребителями услуг стремительно развивающейся сегодня интернет-торговли. Она позволяет ограниченным в передвижении и инвалидам компенсировать свою социально-экономическую депривацию. Важно, что уровень доверия и любопытство к «покупкам в Интернете», очевидно, постепенно повышается в старших возрастных группах. Мы полагаем, что такая тематика курсов компьютерной грамотности для граждан пожилого возраста была бы крайне востребована.

Что касается мобильной телефонной связи, то почти каждый пятый пожилой человек, как выяснилось, хочет научиться отправлять и получать СМС (18,7%), и примерно каждый шестой (17,2%) готов обучиться выходить в Интернет с мобильного телефона. Трудно поверить, но каждый двадцать

пятый (4,1%) признался, что всё ещё нуждается в обучении, казалось бы, элементарной для современного человека вещи – звонить по мобильному телефону и отвечать на звонки. Данная потребность пожилых людей не должна игнорироваться. Общественности и органам власти необходимо обратить на неё внимание. Подобным, совершенно несложным обучением могли заняться общественные организации и социальные службы.

Таблица 1

Умения пожилых людей в области пользования мобильной телефонной связью и сетью Интернет и потребности в обучении
(Пермский край, 2014 г.)

Вид деятельности	Уже умеют, чел.	Уже умеют, %	Есть желание научиться, чел.	Есть желание научиться, %	Нет желания научиться, чел.	Нет желания научиться, %	Затрудились ответить, чел.	Затрудились ответить, %
Звонить по мобильному телефону (и отвечать на звонки)	233	86,9	11	4,1	12	4,5	12	4,5
Отправлять и получать СМС	140	52,2	50	18,7	58	21,6	20	7,5
Выходить в Интернет с мобильного телефона	26	9,7	46	17,2	168	62,7	28	10,4
Пользоваться электронной почтой	44	16,4	34	12,7	158	59	32	11,9
Зарегистрироваться в социальной сети («Facebook», «Одноклассники» и т.п.)	42	15,7	25	9,3	173	64,6	28	10,4

Продолжение табл. 1

Вид деятельности	Уже умеют, чел.	Уже умеют, %	Есть желание научиться, чел.	Есть желание научиться, %	Нет желания научиться, чел.	Нет желания научиться, %	Затруднились ответить, чел.	Затруднились ответить, %
Просматривать новости в Интернете	71	26,5	48	17,9	122	45,5	27	10,1
Смотреть фильмы и/или слушать музыку в Интернете	45	16,8	46	17,2	148	55,2	29	10,8
Пользоваться порталами государственных услуг (услугами «Электронного Правительства») для обращения в органы власти	31	11,6	74	27,6	132	49,2	31	11,6
Читать книги в Интернете	35	13,1	35	13,1	167	62,3	31	11,6
Просматривать коллекции музеев и картинных галерей на их сайтах	28	10,4	51	19,1	156	58,2	33	12,3
Делать покупки в Интернете	19	7,1	33	12,3	187	69,8	29	10,8

Окончание табл. 1

Вид деятельности	Уже умеют, чел.	Уже умеют, %	Есть желание научиться, чел.	Есть желание научиться, %	Нет желания научиться, чел.	Нет желания научиться, %	Затрудились ответить, чел.	Затрудились ответить, %
Находить информацию о своих правах и социальной помощи (например, о пенсиях, пособиях, льготах, субсидиях, компенсациях, социальных услугах)	53	19,8	106	39,6	84	31,3	25	9,3
Находить интересную и полезную для себя информацию (например, рецепты блюд, рекомендации по лечению заболеваний, описание новинок бытовой техники и т.п.)	74	27,6	67	25	99	37	28	10,4
Проходить обучение	25	9,3	42	15,7	175	65,3	26	9,7
Другое	1	0,4	0	0	1	0,4	266	99,2

Ещё один вопрос анкеты представляет интерес в контексте настоящей статьи. Он был о том, чувствует ли себя счастливым пожилой человек. Пред-

полагалось выявление вероятной корреляции этой переменной с показателями использования им в повседневной жизнедеятельности мобильной телефонной связи и сети Интернет (табл. 2). Если объединить результаты по группам «счастливые» и «скорее счастливые» (199 респондентов, 74% от выборки), а также по группам «несчастливые» и «скорее несчастливые» (39 респондентов, 14,5% от выборки), то получим следующие усреднённые данные. Среди счастливых пожилых людей 93% (185 чел.) пользуются мобильной телефонной связью и 30,7% (61 чел.) Интернетом. Среди несчастливых же только 82% (32 чел.) являются владельцами мобильных телефонов и лишь 25,6% (10 чел.) выходят в Интернет. Разница в показателях совершенно очевидна. Вероятность того, что пожилой человек будет ощущать себя счастливым в жизни, на 11% выше, если обучить его пользоваться мобильным телефоном, и на 5% выше, если научить «обращаться с Интернетом». Безусловно, это веская причина для системной организации курсов телефонной и компьютерной грамотности для граждан пожилого возраста в рамках государственных и региональных программ, таких как «Информационное общество (2011–2020 гг.)», «Старшее поколение» и др.

Таблица 2

Субъективная оценка ощущения счастья в жизни пожилыми людьми в целом и пользователями мобильной телефонной связи и сети Интернет (Пермский край, 2014 г.)

Субъективная оценка ощущения счастья в жизни	Доля респондентов, чел.	Доля респондентов, % от выборки	В том числе доля респондентов-пользователей мобильной связи, чел.	В том числе доля респондентов-пользователей мобильной связи, % от группы	В том числе доля респондентов-пользователей сети Интернет, чел.	В том числе доля респондентов-пользователей сети Интернет, % от группы
Чувствуют себя счастливыми	88	32,9	84	95,5	30	34,1

Окончание табл. 2

Субъективная оценка ощущения счастья в жизни	Доля респондентов, чел.	Доля респондентов, % от выборки	В том числе доля респондентов-пользователей мобильной связи, чел.	В том числе доля респондентов-пользователей мобильной связи, % от группы	В том числе доля респондентов-пользователей сети Интернет, чел.	В том числе доля респондентов-пользователей сети Интернет, % от группы
Скорее чувствуют себя счастливыми	111	41,4	101	91	31	27,9
Скорее не чувствуют себя счастливыми	22	8,2	19	86,4	4	18,2
Не чувствуют себя счастливыми	17	6,3	13	76,5	6	35,3
Затруднились ответить	30	11,2	26	86,7	4	13,3
Всего опрошенных	268	100	243	90,7	75	28

Таким образом, исследование показало, что в современных условиях в России формируется довольно высокая мотивационная готовность пожилых людей к освоению новых информационных технологий, однако отсутствует системная, целевая государственная политика по созданию условий для повышения их информационно-технологической компетентности и вовлечения в процесс информатизации. Это порождает информационную депривацию старших возрастных групп.

В настоящее время необходимо на основе описанных нами в статье образцов регионального и зарубежного опыта разработать новые направления деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по обучению граждан пожилого возраста компьютерным технологиям, безвозмездному предоставлению им ноутбуков социальными службами, проведению системы мероприятий по информированию пожилых людей о возможностях использования новых информационных технологий для повышения качества их жизни и решения проблем жизнедеятельности, участия в народо-власти, дистанционной занятости. Министерству связи и массовых коммуникаций РФ совместно с Министерством труда и социальной защиты РФ целесообразно учредить крупный, федеральный, ежегодный конкурс на звание интернет-чемпиона России среди граждан пожилого возраста и широко освещать его проведение в средствах массовой информации. Зафиксированные нами результаты эмпирического исследования в Пермском крае в части выявленных конкретных потребностей пожилых людей в овладении умениями в области информационных технологий, связанных в первую очередь с электронным взаимодействием с органами власти, а также с организацией досуга, культурного развития и даже повышения образовательного уровня пожилых через Интернет, необходимо использовать для разработки Государственной программы по адаптации старшего поколения в условиях информатизации.

Библиографический список

1. *Грамматчиков А.* Рунет: двадцать лет спустя // Эксперт. 2014. 19 мая. № 21 (900). [Электронный ресурс]. URL:<http://expert.ru/expert/2014/21/runet-dvadtsat-let-spustya/> (дата обращения: 25.03.2015).
2. Дмитрий Медведев встретился с участниками программы Intel «Классный возраст». 2014. Пресс-центр Intel. [Электронный ресурс]. URL: http://newsroom.intel.com/community/ru_ru/blog/2014/06/20/ (дата обращения: 25.03.2015).
3. Интернет всем возрастам покорен. Телекомпания «Волга». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.volga-tv.ru/novosti-sreda-obitaniya/Internet-vsem-vozrastam-pokoren1415637727.html> (дата обращения: 25.03.2015).

4. Классный возраст. Проект корпорации Intel. [Электронный ресурс]. URL: <http://klassnyvozrast.ru> (дата обращения: 25.03.2015).
5. Кондратов Б.Ф. «Третий возраст» и Интернет // Информационное общество. 2009. Вып. 1. С. 64-75.
6. Российское агентство развития информационного общества. [Электронный ресурс]. URL: <http://rario.ru/about.php> (дата обращения: 25.03.2015).
7. Новый компьютерный класс для пенсионеров открыли в Великом Новгороде. Новости Великого Новгорода на Колмово.ру. 2014. 7 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kolmovo.ru/news/14568> (дата обращения: 25.03.2015).
8. Обучение пенсионеров компьютерной грамотности на дому. 2014. Министерство труда и социальной защиты населения Ставропольского края. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://mintrudsk.ru/social/news/index.php?ELEMENT_ID=7634 (дата обращения: 25.03.2015).
9. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 гг.): постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
10. Распределение населения по возрастным группам. 2014. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 31.03.2015).
11. «Социальный портал» Министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://suprema63.ru/msdr/portal.do> (дата обращения: 25.03.2015).
12. Учебные материалы. Волонтеры информационного общества. [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.mfc43.ru/learning/materials/> (дата обращения: 25.03.2015).
13. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федеральный закон РФ от 09 февр. 2009 г. № 8-ФЗ. Ст. 13 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
14. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон РФ от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ. Ст. 21 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
15. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 28 дек. 2013 г. № 442-ФЗ. Ст. 13 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

**ADAPTATION OF OLDER PEOPLE IN THE TERMS OF
INFORMATIZATION: SOME CONCEPTUAL DEFINITIONS AND
RUSSIAN SOCIAL POLICY ANALYSIS**

S.E. Gasumova

Ph.D. (Sociology), associate professor at the Social Work Department of
Perm State National Research University

This article proposes a number of new definitions to describe the process of adaptation of the elderly in terms of informatization. Some analysis of this process dynamics is conducted on the basis of statistical data. We showed the state policy of Russia contributing to familiarizing representatives of older age groups to information technologies, including legislative innovations and activities of the authorities in some regions (Samara, Nizhny Novgorod, Stavropol and Kirov regions, Veliky Novgorod). Examples from the UK and the US practice to create the conditions for the adaptation of older people in the modern information environment are presented. The results of the survey of elderly in the Perm region about their attitudes to the use of mobile phones and the Internet are described.

Key words: informatization; the elderly; information technology; information policy; adaptation.

References:

1. *Grammatchikov A.* Runet: twenty years later // *Expert*. 2014 May 19. Number 21 (900). [Electronic resource]. URL: <http://expert.ru/expert/2014/21/runet-dvadsat-let-spustya/> (accessed: 25.03.2015). (In Rus.).
2. Dmitry Medvedev met with the participants of the Intel programme "Cool age". 2014. Intel Press Room. [Electronic resource]. URL: http://newsroom.intel.com/community/ru_ru/blog/2014/06/20/ (accessed: 25.03.2015). (In Rus.).
3. Internet enthralled all ages. TV Company "Volga". [Electronic resource]. URL: <http://www.volga-tv.ru/novosti-sreda-obitaniya/Internet-vsem-vozzrastam-pokoren1415637727.html> (accessed: 25.03.2015). (In Rus.).
4. Cool age. Project by Intel. [Electronic resource]. URL: <http://klassnyvozrast.ru> (accessed: 03.25.2015). (In Rus.).
5. *Kondratov B.F.* "Third age" and the Internet // *Information Society*. 2009. Vol. 1. P. 64-75. (In Rus.).

6. The Russian Agency for Information Society Development. [Electronic resource]. URL: <http://rario.ru/about.php> (accessed: 25.03.2015). (In Rus.).
7. The new computer class for seniors is opened in Veliky Novgorod. News of Veliky Novgorod on Kolmovo.ru. Nov. 7, 2014. [Electronic resource]. URL: <http://www.kolmovo.ru/news/14568> (accessed: 03.25.2015). (In Rus.).
8. Teaching computer literacy at home for pensioners. 2014. The Ministry of Labour and Social Protection of the Stavropol region. Official site. [Electronic resource]. URL: http://mintrudsk.ru/social/news/index.php?ELEMENT_ID=7634 (accessed: 03.25.2015). (In Rus.).
9. Resolution of the Government of the Russian Federation "On approval of the state programme of the Russian Federation «Information Society (2011 - 2020)»" dated 15.04.2014 № 313 // Reference legal system "ConsultantPlus". (In Rus.).
10. Population distribution by age groups. 2014. Federal State Statistics Service. [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed: 03.31.2015). (In Rus.).
11. "Social Hub" of the Ministry of social, demographic and family policy of the Samara region. Official site. [Electronic resource]. URL: <http://suprema63.ru/msdr/portal.do> (accessed: 03.25.2015). (In Rus.).
12. Training materials. Volunteers of the information society. [Electronic resource]. URL: <http://edu.mfc43.ru/learning/materials/> (accessed: 25.03.2015). (In Rus.).
13. Federal Law "On providing access to information about the activities of state bodies and local governments" dated 09.02.2009 № 8-FZ. Art. 13 // Reference legal system "ConsultantPlus". (In Rus.).
14. Federal Law "On the organization of state and municipal services" dated 27.07.2010 № 210-FZ. Art. 21 // Reference legal system "ConsultantPlus". (In Rus.).
15. Federal Law "On the basis of social services to citizens in the Russian Federation" dated 28.12.2013 № 442-FZ. Art. 13 // Reference legal system "ConsultantPlus". (In Rus.).

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Серия Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований в различных субдисциплинах политической науки: политическая теория, политическая социология, политическая регионалистика, политическая философия, сравнительная политология, политическое управление.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Журнал выходит 4 раза в год.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте научной электронной библиотеки – elibrary.ru

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Серия Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Требования к оформлению статей:

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 1 п.л. (40 тыс. знаков, включая пробелы, надписи и сноски). Тексты принимаются только в электронном виде по адресу: politvestnik-perm@yandex.ru.

Текст оформляется в формате Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 3 см, сверху и снизу по 2,5 см.

Оформление ссылок: автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Правила оформления: в тексте статьи ссылки оформляются в квадратных скобках, где указываются две цифры: первая – порядковый номер источника в списке литературы, вторая – страница [3, 68].

Библиографический список должен сопровождаться переводом русскоязычных источников на английский язык (References) с указанием в конце источника (In Rus.).

В начале файла с текстом статьи должны размещаться:

- название статьи на русском и английском языках.
- краткая (8–10 строк) аннотация и ключевые слова на русском и на английском языках;
- авторская справка на русском и английском языках с указанием места работы, должности, ученой степени и звания автора, адреса электронной почты.

Information for the authors

Electronic submissions: Authors are invited to submit articles through e-mail to politvestnik-perm@yandex.ru.

Manuscripts guidelines: The length for articles is no more than 40000 symbols, including notes and references.

Title page should include:

- authors' name (in Russian and English), affiliations, e-mail address and mobile phone;
- title of the article (in Russian and English);
- abstract (700–800 symbols) and 5 or 6 key words in Russian and English.

All text must be in Word with a 14-point font (Times New Roman) with 1-inch borders.

At the end of the text is placed a list of references (numbered in alphabetical order).

Formatting the references. The author must refer to the sources of citation/s, statistics and other information. The references are listed at the end of the article as References, where the sources are alphabetically listed with a No. for each. In the description of a reference a place of edition must be present with the publishers' name (except for periodicals), and the year of publishing. First Russian-language sources must be listed followed by foreign ones. How to format a reference:

In the text body: [3, 68].

Articles that do not conform to those rules will not be considered.

Вестник Пермского университета.
Политология
2015. № 2

Review of Political Science
2015. № 2

Редактор *Л.Л. Савенкова*
Корректор *Л.Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н.М. Беляевой*

Подписано в печать 11.06.2015. Формат 60x84/16.
Усл. печ. 12,32. Тираж 500 экз. Заказ 292

Издательский центр Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15